

Владислав Вячеславович Смирнов

Ростов под тенью свастики

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ 1941-го

М. ВДОВИН. Всю зиму с 40-го на 41-й год шли учения ПВО. Прожектора чертили ночное небо. Прожектористы учились «ловить» самолеты. Вообще-то население к войне было подготовлено по линии ОСОВИАХИМа хорошо. Регулярно проводились учебные воздушные тревоги, люди ходили по тревоге в противогазах, даже работали в них на производстве. Заклеивали окна крест-накрест. В апреле по городу прошел слух: над городом пролетал фашистский самолет с зажженными бортовыми огнями, со свастикой на борту. Летел он на низкой высоте, покружил над Ростовом и ушел в сторону Азовского моря, откуда и прилетел. Но официальных сообщений по этому поводу не было.

Е. КОМИССАРОВ. Война быстро приближалась к Ростову. Принес отец как-то с работы три противогаза — себе, маме и мне. А мне — 11 лет. В общем-то, штука интересная. Однажды напялил я его себе на голову. А снять не могу. В доме один, помочь некому. А тут в нем что-то заело. Дышать стало трудно. Бегу на улицу. Размахиваю руками, привлекаю к себе внимание прохожих. Мычу что-то. Глаза уже на лоб лезут. Пацаны вокруг меня радостно пляшут: еще бы, такое зрелище! Для них это все — бесплатное кино. А у меня уже коленки подгибаются. Хорошо, какой-то взрослый сообразил, что тут уже не до смеха. Сорвал с меня этот дурацкий противогаз. Я стою, как рак, красный. Ртом воздух хватаю. Так я в последний раз надевал противогаз...

Л. ШАБАЛИНА. В 41-м мне было 12 лет. У матери еще трое: Саше — десять, Вере — четыре, Наде год и восемь месяцев. Несмотря на это, мама ходила рыть противотанковые рвы, за Чкаловским. Копали их в основном старики и подростки. Копали до поздней ночи. Туда и обратно — пешком. Трамваи не ходили. Позже мне один военный рассказал, что рвы эти не могли остановить танки. Подходит колонна, головной танк расстреливал ров в одном месте, осыпая землю, потом утюжил ее, делая съезд и въезд, и колонна двигалась дальше.

М. ВДОВИН. Перед первой оккупацией осенью 1941 года был организован городской комитет обороны. Его председателем назначили Двинского — секретаря обкома партии. И, начиная с 26 октября, стала выходить вместо газеты «Молот» газета «На защиту Ростова». С 1 января 1942 года вновь стал печататься «Молот».

Е. КОМИССАРОВ. Город готовился к налетам вражеской авиации. В подвалах оборудовали бомбоубежища, рыли щели. Как рвутся бомбы, мы видели в кино. А вот как горят «зажигалки», никто не знал. Местные власти организовали показательные тушения этих бомб — учебу населения. Выглядело это так. На какую-нибудь площадь приносили такую бомбу. Начиналось с того, что пожарники уговаривали толпу отойти. А люди,

наоборот, старались подойти поближе, чтобы получше рассмотреть это «чудо». Терпение у пожарников кончалось, и они поджигали бомбу. Она начинала отчаянно плеваться искрами. И толпа разбегалась. Тогда дюжий пожарник в кожаном фартуке с огромными щипцами подкрадывался к ней. Поток искр горящего фосфора усиливался. Эти искры поджигали все, что могло гореть. Бомба вертелась, разбрасывая искры фейерверком. И подойти к ней было не так-то просто. Но у нее было слабое место — мертвая зона, где не было искр. Вот в эту зону пожарник и должен был вскочить. И захватить бомбу клещами. А затем бросить в заранее подготовленную бочку с водой. Или засыпать ее песком.

Вообще-то эти бомбы имели умышленно малую пробивную силу, чтобы застревать на чердаках — в самых уязвимых для пожара частях домов. На чердаках во время воздушной тревоги дежурили люди с крепкими нервами. Когда бомба упадет, ее нужно побыстрее, пока она не разгорелась, схватить щипцами и сбросить на улицу.

Одно дело сидеть в бомбоубежище. Другое — стоять на крыше. И ждать, когда тебе на голову свалится «зажигалка» или того хуже — фугасная бомба. У нас на чердаке стояли и бочка с водой, и ящик с песком. И были наготове клещи. Но Бог миловал. Не пришлось играть в эту «игру».

Как сейчас помню звуки воздушной тревоги. По радио напряженный голос диктора бесконечно повторяет: «Граждане! Воздушная тревога! Воздушная тревога!» И начинали противно гудеть заводские гудки. Плаксиво, коротко вскрикивать паровозы. За душу берет тоска. Внутренности опускаются куда-то вниз. И губы невольно шепчут молитву.

А. АГАФОНОВ. Я жил тогда в доме-гиганте, он занимал целый квартал между Ворошиловским и Соколова по Красноармейской. Дом строили в 30-е годы, тогда была гигантомания. В этом доме было бомбоубежище. Сейчас в том подвале два магазина. До начала войны было много учений гражданской обороны. Но с началом воздушных тревог все пошло кувырком. Выяснилось — в доме 230 квартир да еще два общежития — разве могло бомбоубежище вместить всех? Во время первой тревоги все ринулись туда. Люди пытались как-то поддержать дух друг друга, не толкаться. Некоторые не верили, что это настоящий налет. И вот какой-то культмассовик-затейник (он работал во Дворце пионеров) вскочил на кучу ящиков и, вместо того, чтобы успокоить людей, хрипловатым истошным голосом закричал: «Граждане! Кончайте эти ненужные разговоры — это настоящая война!» Началась паника, были сердечные приступы. Перед войной такого состояния у людей не было. Война как бы сразу все изменила.

М. ВДОВИН. В первый раз немецкий одиночный самолет бомбил Ростов в конце июля 1941 года. Он прилетел со стороны Азовского моря, на низкой высоте, с горящими бортовыми огнями и сбросил несколько бомб: на южной горловине станции, там сейчас находится путепровод на проспекте Стачки. Был разрушен двухэтажный дом. Практически все его жильцы погибли. Сбросил бомбы и на мост, но промахнулся. Развернулся и улетал.

А. КОТЛЯРОВА. До оккупации были бомбежки. Четвертого августа у меня родилась дочь, и я находилась в роддоме. Меня должны были забрать домой 14-го. Но муж, проводник на железной дороге, уезжал и настоял на том, чтобы меня выписали раньше, 12-го. А 13-го августа роддом разбомбили.

Это был один из первых налетов на Ростов. Позже город бомбили очень часто. Мы скрывались в подвале. И один раз нас чуть не завалило. А моей крохотной девочке засыпало землей глаза. Я ничего не могла сделать — она все время плакала. Я молила Бога: «Боже, возьми ее! Зачем ей мучаться!» Потом соседка мне посоветовала: промой ей глаза своим молоком. И все обошлось.

Н. ПЕТРОВКИНА. Немецкие самолеты при бомбежке летали очень низко. Особенно первое время — город был еще не защищен, чего им бояться. Говорят, в первых налетах участвовала одна женщина — так ее лицо было видно: бомбит и смеется. На станции разбомбили вагон с деньгами, и ветер носил бумажки по округе. Некоторые несли их мешками. То ли это немцы их подсунули, фальшивые, то ли наши не успели увезти, мы так и не узнали.

Б. САФОНОВ. Больше всего мы боялись бомбежек — жуткое дело! Мать у меня работала на ДГТФ, там на складах мы и прятались. Небольшие жилые дома были ненадежными — пробивало все насквозь. Прятаться можно было только в крупных зданиях. Жертв после бомбежек было очень много. Особенно первое время — ведь город был практически не защищен. Стоит, скажем, очередь за продуктами, а немец налетает и бомбит. И на улицах в местах скопления людей валялись руки, ноги, головы.

В. ВИННИКОВА. Когда начались налеты, отец с соседями вырыл в огороде окоп. Довольно большой. Шириной с метр, буквой «Т». И глубокий. А держали мы в то время барана. Так вот этот баран — еще и самолетов не видно — он в окоп. Лучше всяких сигналов противоздушной обороны нас предупреждал. Правда, его потом трудно было оттуда вытаскивать. Самое страшное: ты сидишь в окопе, а самолеты подлетают. Все в тебе так и сожмется. Куда он летит? Дальше или к нам? А мы жили на самой окраине города, недалеко от ботанического сада. Рядом — железная дорога, и ее часто бомбили. Сидишь и слышишь: то там бомба взорвалась, то там... Иногда в этом окопе приходилось подолгу сидеть. Как в склепе. Брали туда коптилку, постель...

А другие соседи прятались в темном коридоре, будто он мог их спасти. Вообще все старались держаться вместе. Во время бомбежек собирались группами. Как-то увереннее себя чувствовали, да и вдруг кому помощь будет необходима. Недалеко от нас жила маленькая девочка, годика два с небольшим ей было. Только начала разговаривать. Люди бегут в погреб, а она подбегает и спрашивает: «Кто последний?».

А. АГАФОНОВ. Многие эвакуировались. И весь наш огромный двор был завален скарбом, который нельзя было увезти. Особенно много было книг — классиков марксизма-ленинизма и другой политической литературы... Мы, мальчишки, долго рылись в этих кипах, искали книжки с картинками. Среди этой книжной макулатуры мы нашли письмо. Прочитали его. Оно нас поразило. Письмо было из Москвы. Самое страшное: в нем писалось, что в Москве — паника, идет эвакуация. И адресату рекомендовали поскорее уезжать из Ростова. Мы были воспитаны в духе патриотизма и не понимали, откуда может быть паника, тем более в Москве. Но адрес-то был нашего дома и фамилия адресата — Каганович. Вот тут мы растерялись. На всякий случай (наверное, услышали эхо 37-го года) мы решили письмо это предать сожжению, чтобы никто ничего не знал. Много лет спустя я заинтересовался, был ли Каганович в этом доме, и кто он такой. Да, действительно, в десятом подъезде, на втором этаже жил один из братьев Лазаря Кагановича. Многие, живущие там сейчас, помнят эту семью. Она после эвакуации вернулась в Ростов, но жили Кагановичи уже в другом доме. Хотя кто-то из родственников этой семьи живет там до сих пор.

Р. ПЕТРЯКОВА. Ростов бомбили страшно. Особенно тяжелы были первые бомбежки в середине августа 41 года. Война только началась. Мы все думали, что она быстро закончится. Фронт находился далеко. И на тебе — бомбы сыплются на город.

В 60-е годы на углу Буденновского и Московской достраивали здание, рыли котлованы под фундамент. Я тогда ходила и всем говорила: здесь будет много костей — здание разбомбили и накрыло людей.

Немецкие летчики куражились над нами: бросали с самолетов металлические бочки с дырками. Стоял страшный вой, кровь от него леденела. А однажды сбросили рельс на понтонный мост, который вел на Зеленый остров. Он до сих пор на берегу Дона торчит глубоко в земле.

М. ВДОВИН. С конца сентября 41-го начались разведывательные полеты немецкой авиации. Летали одиночные самолеты. С середины октября стали летать ночью. Прилетали одиночные бомбардировщики, сбрасывали груз и улетали. Днем бомбы не бросали, а просто летали, а ночью бомбили. Первая более или менее крупная бомбежка состоялась 11 октября. Штук восемь или девять «Хейнкелей-111» бомбили район вокзала, улицы Сиверса. Мы, мальчишки, уже хорошо знали немецкие самолеты. О том, как опознавать вражеские самолеты, писала и газета «Молот». Они разошлись веером. Один из них спустился, пошел на низкой высоте и стал строчить из пулемета. Мой отец в то время работал на Лензаводе начальником котельной. А у них на крыше котельной стояли крупнокалиберные пулеметы. И наши стрелки этот «Хейнкель» подрезали. Он вначале развернулся, пошел было к Дону, потом потерял высоту и упал где-то за Гниловской. Летчиков немецких взяли, и в газете «На защиту Ростова» были фотографии их и обломков самолета.

С. ЛЮБИМОВА. Мне уже 90. Я в Ростове с 28-го года. Наш дом — полубарак стоял на углу улицы Журавлева, за нынешней гостиницей «Интурист». А рядом в сквере были окопы. Когда муж уходил на фронт, говорил: «Прячься, где хочешь, только не лезь в окопы — их в первую очередь бомбить и обстреливать будут». И вот после налета самолетов в тех окопах было полно трупов. Когда наши ушли, мы стали их закапывать сами. Никуда не носили. Где лежали, там и яму рыли. Там на углу тумба для афиш стояла. Под ней я сама закопала двух наших солдат. Документы тогда не брали. Вот они и считаются без вести пропавшими. Они там до сих пор лежат.

Е. КОМИССАРОВ. Отчетливо помню первое «крещение». Гуляя по улице, заметил, как засуетились прохожие. Посматривают на небо. Вижу — летят! Медленно летят клином девять тяжелых немецких бомбардировщиков. Обычно в это время все жмутся поближе к убежищам, щелям. Побежал и я к своему укрытию. Его соорудил во дворе отец. Это был настоящий блиндаж — окоп, накрытый досками и бревнами, засыпанный землей. Там мы держали запас еды, воды, свечей. На случай, если нас там завалит. Был там и запасной выход. Он упирался в забор. Мы, как суслики, высунувшись из укрытия, через заборные щели могли наблюдать за тем, что происходит на улице. Потом, когда война вошла в город, мы оценили по достоинству наше сооружение.

Я был уже во дворе, когда услышал свист падающих бомб, вбежал в дом, чтобы предупредить родителей, и первые бомбы начали рваться прямо у нас во дворе. Мы кинулись было к блиндажу, но — поздно. Рвануло так, что вышибло все стекла. Отдельные взрывы слились в сплошной грохот. Дом трясет. Пол под ногами ходуном ходит. Забились в угол, за шифоньер. Он валится на нас. Придерживаем его руками. Мама крестится. Абажур под потолком болтается. Штукатурка сыплется на головы. В разбитые окна влетают комья земли, камни. Вонючка от дыма и газа. Ощущение какой-то тупой животной безнадежности. И мысль что-то вроде: «Скорее бы уж! Любой конец, но скорее!» Когда все кончилось, и мы выбрались на двор, видим, что двора-то вообще и нет. Кругом валяются бревна. Полно свежерытой земли. Забор лежит. На проводах доски качаются. Дымище и горелая вонь.

Чуть пришли в себя, стали разбираться: почему это немец нас так бомбил, что он тут за объект нашел? И сразу поняли: самолеты привлекала высоченная труба, торчащая совсем рядом с нашим домом. Принадлежала она маленькому литейному заводу. Мы всей улицей

умоляли директора этой «трубы» убрать ее, дабы не привлекать такой мишенью внимание немецких самолетов. Директор уперся: «Не могу, — говорит, — у меня с этой трубой технологический процесс связан». Мы: «Да черт с ним, с твоим процессом, жизнь людей дороже». Бомба разрешила наш спор. В очередную бомбежку трубу снесло взрывной волной.

В. ЛЕМЕШЕВ. Первая бомбежка застала меня в школе, учительница меня задержала, день был красивый, солнечный, было хорошо видно, как летят бомбы. Бомбили здание облисполкома, в котором находилось все управление городом. Я выскочил из школы как ошарашенный. Смотрю, на земле лежит женщина. Крови немного вытекло, а убитая. К ней подошли люди. Хорошо помню: одна бомба упала на Пушкинскую, другая на Горького — попадала в здание, стоящее на углу Соборного, тогда его звали «профессорский» дом. Спустя несколько часов после бомбежки мы туда пошли. Там снесло целый угол и были видны обнаженные квартиры, свисали кровати, мебель...

Е. КОМИССАРОВ. Мы, пацаны, с немецкими самолетами разобрались. Скажем, если они летят чуть в сторону — лезем на крышу. Смотреть, куда бомбы падать будут — информируем взрослых. Но если самолеты летят курсом на тебя, стой спиной ко входу в щель. И смотри в оба! Так же, как немецкий летчик знает, когда надо нажать на гашетку, так и мы чувствовали тот момент, когда черные капельки, отделившись от самолета, полетят вниз. Тут уж забивайся поглубже!

Наших самолетов в воздухе почти не было. Один лишь раз мы видели, как наш тупорылый истребитель, «ишачок», как их называли, ввязался в драку с немецкими самолетами. Скоро у него кончились патроны. Он вертелся, стараясь оторваться от немцев. А те хладнокровно преследовали его. Истребитель подбили-таки, он задымился. Нам показалось, что он падает прямо на наш двор. Смотрим: из него что-то вывалилось. Толька, сосед, кричит: «Вымпел летчик выбросил!» А это летчик с обгорелым парашютом из кабины вывалился...

М. ВДОВИН. 26 октября примерно в три часа дня немец сыпанул целую кучу мелких бомб на район кожзавода, винзавода «Азервинтреста», дрожзавода. Главное, он разбил все корпуса железнодорожной больницы. Это ж надо было догадаться: когда началась война, крыши всех корпусов больницы были выкрашены камуфляжной краской, а она сверху хорошо видна. На эту мишень и шли самолеты.

Е. КОМИССАРОВ. Война началась для меня, а мне было 11 лет, с приказа сдать приемники. Все почувствовали, что это серьезно и дружно потащили их на особые пункты. У нас был СИ-235 — простой ящик с квадратной дыркой посередине и двумя ручками. Мне нравилось крутить в приемнике ручку и слушать иностранную речь. Себя как-то умнее чувствуешь. Иной раз запомню какое-нибудь слово, да и вверну небрежно в разговоре с уличными приятелями.

Второй потерей была овчарка Рекс. Это был красивый крупный пес. Ее специально обучали собачьим премудростям в обществе «ОСОАВИАХИМ». Даже собачий паек получал наш Рекс. Его мобилизовали в армию. Как нам объяснили: «Ловить парашютистов». Немецкая овчарка будет ловить немецких диверсантов! И гордость была за Рекса и жалко было терять хорошего друга.

Взамен дали выбракованную тощую овчарку по кличке Амур. Недолго жил у нас этот пес. Сдох в тот день, когда в город вошли немцы. Немецкая овчарка не пережила немецкого нашествия.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Мы жили на окраине, в Красном городе-саде, на улице 2-ой Кольцевой, дом 125. Так что у меня взгляд «окраинного» человека.

Город готовился к обороне. У нас три раза дома стояли стройбатовцы. Они рыли окопы и сооружали укрепления.

Их кормили обычно пшеничным супом, они его называли «суп-блондинка». И говорили, что от него «кишки слипаются». С питанием тогда у нас еще было нормально. Мама приносила мешками огромных сазанов и запекала их в коробе.

Солдаты приходили под вечер усталые, замерзшие, и как они говорили «отогревали душу борщом». Был среди них огромный малограмотный парень Яша, с Урала. Грузин Шота учил меня играть на цимбалах. Были еще Костя, Ваня, Пантелей Карпович. Я у него спрашивала: «Сколько людей в роте?» А он смеется: «В роте — зубы». Мы с ними подружились. Когда они уехали, мама с ними переписывалась. Почти все они погибли под Таганрогом. Ваня пропал без вести, Пантелей Карпович вернулся без ноги — он-то и рассказал о судьбе наших постояльцев.

Е. КОМИССАРОВ. Войну мы по-настоящему почувствовали, когда немецкие самолеты появились над городом. В подвалах домов срочно оборудовались бомбоубежища. Окна домов заклеивались полосками бумаг крест-накрест. Взрывной волной стекла дробились. Но не разлетались и не ранили людей.

Немецкие самолеты летели обычно гусиным клином, по девять штук. С севера на юг. Бомбить батайский железнодорожный узел. Город пока не трогали. Для нас, пацанов, это был волнующий воздушный спектакль. Конечно, под ложечкой сосало немного, но страха настоящего еще не было. Пока первая бомба не свалилась «на голову».

А как старались зенитки! Они сердито рявкали. Около самолетов беззвучно рвались как бы кусочки ваты. Но взрывы были почему-то позади самолетов. наших истребителей в воздухе не было.

Когда стрельба заканчивалась, по опыту все знали, что надо на какое-то время прятаться. В наступившей тишине вдруг возникал нудный, зудящий звук. Это возвращались осколки от зенитных снарядов. Слышно было, как они барабанили по крышам. Мы знали, когда можно было высовываться из укрытия и торопились собирать куски еще горячего рваного железа. Для нас, пацанов, это была своего рода уличная валюта. Чем тяжелее осколок, тем больше он стоил. А потом их у всех набралось столько, что наступила «инфляция». В цене поднялись гильзы. Но это было тогда, когда война вошла в город.

В. ЛЕМЕШЕВ. Я родился и жил в доме, который находится с тыльной стороны нынешнего здания Думы. До войны там был облисполком, а район назывался Андреевским. Так что мы находились в эпицентре событий. В этом здании работала администрация, все управление городом, все коммуникации — так что немцы бомбили его в первую очередь. Но когда идет обстрел или бомбежка, это и у наших, и у немцев, много снарядов попадает не в цель, а рядом. И вот нам казалось, что все бомбы летят в наш дом. Дома энергетиков были громадные и сколько в них попало бомб — не сосчитать. Но это были дореволюционные строения, у них — глубокие подвалы, а к тому же там сделали мощные подпорки от завалов. Но жертв все равно было много. Бомбили обычно ночью, днем летчики меньше летали — боялись, что их собьют.

Е. КОМИССАРОВ. Одна из бомб с полтонны весом как-то не так воткнулась в землю. Вошла под углом. Повернулась. И почти вышла на поверхность. Но не разорвалась. И надо было ее обезвредить. А как? Нашелся бедовый милиционер. «Я ее расстреляю», — говорит. Участок этот огородили. Подкопали бомбу так, что стал виден взрыватель. Часть ее корпуса засыпали разным мусором, землей. Обложили бревнами. Построили доморощенное сооружение. Чтобы осколки не разлетелись. Милиционер устроился невдалеке, напротив.

Улегся в канавку и стал, из винтовки в бомбу стрелять. И, наконец, попал-таки. Рвануло. Да не так, как все предполагали. Из-за этого «инженерного» сооружения взрывная волна хлестнула в сторону милиционера. И куда-то унесла его. Жив он остался, но заикаться стал.

В. СВИРЬКОВ. Это было в ноябре 41 года. Части Красной Армии отступали по Таганрогскому шоссе. Наш пост связи стоял на Каменке. Бойцы, проходящие мимо, кричали нам: «Тикайте, сейчас здесь будут немцы. Танки идут!» Вот прошла последняя колонна, по всему видно: потрепанная в боях. И все. А приказа отступить нам не было. Что делать? У меня пистолет, у бойцов три винтовки. И ни одной гранаты. Бросить пост? За невыполнение приказа — расстрел. И вот вдали уже слышен вроде бы гул — танки! А может, это нам и показалось — нервы были напряжены до предела! И наконец, мы получили приказ отойти. Я еще успел заскочить домой, попрощаться с родными.

Е. КОМИССАРОВ. Во время «смены властей» в городе началась грабилька. Растаскивали все подряд. Народ добывал товар и продукт по-разному. Тянет мужик ящик с папиросами «Беломорканал». Встречный кричит ему: «А там ребята «Казбек» нашли». Бросает мужик свой «Беломор» и — за «Казбеком». Выше сортом товар.

Другой согнулся под тяжестью мешка с мукой. Белый весь. Мешок на плече. Тащит его, видно, издалека. Еле идет. Опустить на землю не решается — не поднимешь потом. А идти дальше мочи нет. Наклоняется и отсыпает часть на землю. Шагов через полета отсыпает вновь. И так далее. Идет, а позади остаются белые кучки...

На вокзале обнаружили цистерну с патокой. Все бы хорошо, но как ее взять. Народ галдит кругом решают эту проблему. Опускают в горловину на веревке ведро. Ведро не тонет. И жизнь подсказывает решение. Сколачивают артель человек на десять. Выбирают мужика полегче. Хитро обвязывают его. И на веревке в полусогнутом состоянии опускают внутрь. Там он и зависает над поверхностью патоки, касаясь ее задницей и каблуками сапог. Опускают ведро. Он зачерпывает патоку. И ведро пошло наверх. Обслужил мужик свою артель — опускают другого. Все бы ничего, но зазевались мужики наверху. И окунули очередного добровольца глубже обычного. Патока — не вода — трясина. И вот у него в штанах и сапогах тягучая липкая масса. Напряглись мужики, сильно тянуть боятся — веревка ненадежная. А мужика уже засосало по пояс. Орет он там благим матом! Не хочет «сладкой» смерти. Кругом гвалт и суета. Хорошо, нашлась холодная голова. Сбегал кто-то домой и притащил цепь. Это и спасло мужика. Идет бедолага домой. Тащит свои ведра. Весь в патоке. И наконец у него штаны слиплись, снял он их. И рысью домой. Босиком и в трусах. А ноябрь в тот год выдался страшно холодный...

Л. ГРИГОРЬЯН. Напротив нас как раз был продуктовый склад. И вот люди кинулись на него еще не изголодавшиеся, не доведенные до крайности и тащили все подряд. Выкатывали бочки с маслом, с медом. Дрались, рассовывали по карманам ватников сливочное масло. Описывали мне еще и такую картину. Где-то недалеко были винные склады. Их тоже грабанили, а потом взорвали. И огромный поток вина струился к Дону. А нашим бухарикам хоть бы что: черпали кастрюлями, пили прямо из текущего потока, окунув губы в струю. Напивались и валялись пьяные. Может быть, кто-то и захлебнулся...

В. ЛЕМЕШЕВ. На месте нынешнего здания энергетиков до войны стояло одноэтажное здание, там находился магазин «Энергосбыт». И между ним и зданием облисполкома стояла баррикада. Мощная такая, выложенная в несколько рядов кирпичей. А внутри набита цинковыми ящиками с патронами. Баррикада была выстроена бойницами в сторону Дона, а вход в нее был с Семашко. Но ведь неизвестно, откуда мог появиться враг, — в какую сторону стрелять. Ни одного выстрела из этих патронов, что лежали внутри, произведено не

было.

Таких баррикад в городе было построено много. Они фактически только перекрывали путь отступления наших войск.

Сначала вроде бы была подготовка к обороне. На Большой Садовой появился артиллерийский дивизион на конной тяге. Бойцы сняли орудия, стали их расставлять, перемещать — прикидывали, откуда лучше вести огонь. Ну, думаю, будет бойня. А потом они снялись и ушли.

Сильных, организованных боев сопротивления в городе не было. Но отдельные стычки местного значения происходили. Недалеко от места, где мы жили, стоял наш танк. У него, видимо, была разбита ходовая часть, и он врезался в стену. А потом немцы его расстреляли — башня была пробита, насквозь.

Мы все пытались узнать, что случилось с танкистами, позже залезли в люк, но убитых там не было. Подбитые наши танки стояли и в других местах.

Э. БАРСУКОВ. У меня мама работала в милиции. С самых первых дней войны она пропадала на работе почти день и ночь.

Война двигалась к нам быстро. Мы в те дни перебрались жить к тетке Анне Алексеевне, в дом, который стоял недалеко от того места, где сейчас находится кинотеатр «Буревестник». А там был радиокомитет — стратегический объект. Поэтому и бомбили это место особенно жестоко.

Перед вступлением немцев в город была полоса особенно ужасных налетов. Бомба упала прямо в толпу у горсада. Везли горы трупов.

Слышу как-то вечером шум на лестнице: «Почему, сволочи, не тушите свет, нарушаете маскировку!». А это загорелся радиодом, а от него дом напротив, — сейчас там книжный магазин. Вообще город пылал, как факел.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Немецкие самолеты пролетали через Красный городсад. На полете звук отличался. Прятались мы в окопе, который отец вырыл в огороде. Первая бомбежка: брат, а ему было шесть лет, глазенки вытаращил, рот открыт, бежит ко мне. И мы влетели в этот окоп. Хорошо было видно немецкие самолеты. Смотришь — от него капли отделяются. И тебе кажется, что ты притягиваешь эти капли. Страшное ощущение — они падают именно на тебя. Но немцы чаще пролетали мимо, они бомбили переправы на Дону. Бывало, спрятаться в окоп не успевали, тогда залезали под кровать. Считалось, что если крыша обрушится, то кроватная сетка спасет. Мама помещалась не вся под кроватью. У нее хватало сил еще и шутить: «Вот останусь без задней части!» За день-два перед вступлением немцев бомбежки прекратились.

А. КАРАПЕТЯН. Примерно за месяц до вступления немцев в Ростов, во второй половине октября, в городе началась паника. Наверное, это был отголосок паники в Москве. Прошел слух: немцы прорываются к Ростову. И все начальство покинуло город. Это продолжалось дня два-три. И народ в этом безвластии стал грабить магазины. Люди разбивали двери, влезали в склады, они находились у входа в Нахичеванский рынок. Тащили все подряд. Другие, более разумные люди, старались этому мешать. Появилась милиция. Милиционеры стали угрожать оружием, стрелять в воздух. А один милиционер ранил женщину. А в это время мимо проезжали красноармейцы. Подошли несколько солдат и убили тут же этого милиционера. Вообще была страшная неразбериха, суматоха. Мы в это время с уроков убегали, вылезали из окон, кое-кто прыгал даже со второго этажа.

А у нас жили во дворе дед Ваня и бабушка Поля, старенькие, беззубые, где-то по восемьдесят им было. Они нам: ребята, давайте запасаться, тащите вино. А рядом был завод

шампанских вин. Вино текло прямо по улице, можно было черпать. Принесли. Они: несите подсолнечное масло. С 23-й линии несут масло ведрами. Пошли гуртом. Смотрим, там стоят большие емкости по 400 кубов. Люди карабкаются по лестнице, скользят, падают. Не было никакой аккуратности, друг друга толкают, лезут все вперед. Каждый был сам за себя. Никто никому не помогал, а наоборот. Может, это люди такого сорта шли на грабيلовку?

На 26-й линии был какой-то винтрест, вино там из бочек вылили в подвал. Мы прибежали, а кто-то кричит: «Там мужик в вине утоп!» Его столкнули туда пьяного. Все равно все продолжают черпать.

М. ВДОВИН. Перед приходом немцев наши люди сделали большие запасы продуктов. В Ростове на складах было огромное количество всякой всячины. С конца октября в магазины выбросили все: колбасы, окорока, муку, разные сыры, масло... У кого были деньги, все делали запасы. Все распродать не смогли, мешки с сахаром в Дон бросали, вино выливали на землю. И все равно многое еще оставалось. Перед приходом немцев была знаменитая грабилка. Мой дед взял тачку, поехал и привез два мешка соли. Больше, говорит, нам ничего не надо. И вот этой солью мы прожили всю войну, потому что она была тогда в колоссальной цене.

А. КАРАПЕТЯН. После рытья окопов за городом стали на улицах строить баррикады. Перегораживали улицы так, чтобы машина не могла проехать прямо, она должна была поворачивать между двумя баррикадами, а проезд этот был очень узким. Предполагалось, что в это время ее очень удобно обстрелять. Баррикады были с амбразурой, там можно было устанавливать пулемет. Разбирали старые дома на кирпич и возводили эти баррикады.

А. АГАФОНОВ. Рядом с нашим домом находился полк связи. Мы туда с мальчишками нередко покапывали, как тогда говорили. Красноармейцы нас всегда приголубливали. Когда мы пришли на территорию полка после ухода наших, нашли там оружие: трехлинейки со штыками, каски, пулемет Дегтярева — пехотный. Оружие, кстати, мы хорошо знали, в школе изучали его без дураков. Проверили винтовки. Клали каску и били бронебойными патронами — пули ее пробивали. Нашли противотанковые гранаты.

И вот там был забор, за ним находилось старое кладбище. Были склепы, строили крематорий, но в 37-м строительство прекратили. Ходили слухи, что это как-то связано с врагами народа. Так мы туда за забор и бросили гранату, которая благополучно взорвалась. Затем мы, вытащив запалы, отнесли эти гранаты домой. Тол прекрасно горел, и мы им растапливали буржуйки.

Оружие мы спрятали, винтовки отдельно, патроны отдельно. Думали, что они нам могут пригодиться. Больше всего нас, конечно, интересовал пулемет.

Б. САФОНОВ. После ухода наших в городе началась настоящая грабилка. Тащили все подряд со складов, магазинов, баз. Мне повезло: на набережной, на складе, достал соли. И приволок сколько мог — килограммов 8–10. Мне было тогда 14 лет. Этой соли нам хватило на всю оккупацию.

А. АГАФОНОВ. В дни «безвластия» люди стали выходить из подвалов. Всех волновал, конечно, хлеб насущный. И каждый старался запастись впрок. Рядом с нашим домом были два магазина: промтоварный и продовольственный. В полутемном зале продмага висел яркий плакат с красноармейцем: «Ни одной пяди родной земли не отдадим! Будем воевать на чужой территории!» Надо сказать, что промтоваров почти никаких не было, кроме пуговиц, иголок, подушек и перин. А, в продовольственном кое-что оставалось. Были и трагикомические моменты. В подвале того магазина обнаружили громадную, выше человеческого роста, бочку с вином. Мужики тащили его, как воду, чем могли. И когда бочка изрядно опустела, один

мужик наклонился, чтобы зачерпнуть цебаркой, но перевернулся и попал туда головой вниз. Одни ноги торчат. Он захлебнулся. И какова реакция людей? Его оттащили в сторону, вместо того, что попытаться откачать, спасти, продолжали черпать вино. Кстати, мне рассказывали, что когда взорвали завод шампанских вин, вино текло прямо по улице, вниз к Дону. И люди черпали прямо из этого ручья, пили, ложась на живот, и тут же валялись пьяные.

В продовольственном магазине женщины вымазывались патокой, а когда попадали в промтоварный, обваливались в пуху подушек, перин. Нужно было посмотреть на этих «курочек»! Но тогда на это никто не обращал внимания — не до юмора было. Хотя один случай был уж совсем неожиданным. Когда женщины «разбирали» детский магазин, туда вошел самый настоящий милиционер, в форме, с наганом на боку.

Он выхватил свой револьвер и пару раз пальнул в воздух. И стал призывать к порядку. Бабы его окружили. Милиционер оказался пьяным. А так как все ждали, что вот-вот появятся немцы, то сердобольные женщины раздели его, переодели в штатское и куда-то увели, чтобы спрятать.

А. АГАФОНОВ. Когда наши ушли, первым делом мы обследовали горящие дома. Недалеко от нас горел радиокомитет, его наши же и подожгли. А там в подвале лежали радиоприемники. Туда лазили мужики и доставали их. А там в подвале, в темноте разглядеть аппаратуру невозможно было. Они поднимались наверх, распарывали упаковку и смотрели: если приемник был низкого класса, пинали его ногой и лезли за другим. Потом горящее здание рухнуло, вход завалило, несколько мужиков так и осталось в том подвале.

А. ГАВРИЛОВА. Работала я на заводе железобетонных конструкций. У меня было шестеро детей. Двое в войну умерли. Когда немцы входили в Ростов, побежали мы на фабрику-кухню, может что-то из продуктов удалось бы достать. Побежала и я. А там две кирпичные баррикады на улице стояли. Сами же их и строили. Ко мне приходят раз в воскресенье: давай, выходи баррикады строить. Я отвечаю: «Посмотрите, сколько у меня детей, куда я пойду?». Старшая дочь: давай я за тебя отработаю. Но один раз все-таки была — кирпичи подносила.

Так вот, когда я прибежала на фабрику-кухню, на одной из баррикад стрельба — там какой-то наш красноармеец оставался. Немец из-за одного угла стреляет, а он — из-за другого. Я между ними и оказалась. Немец мне кричит: «Вэг, матка, вэг!» Я поняла: он предупреждает — уходи!

Мы жили тогда в бараках. Когда немцы в город вошли, и к нам в бараки заглядывали. Кричали жутко: партизан, партизан! Мол, где партизаны? Какие партизаны, откуда нам знать? Мы, женщины, как овцы, сбились в кучу. Страх господен! А дети во дворе попрятались по туалетам. Поорали они и ушли. А позже наши бараки сгорели при бомбежке.

П. КЛИМОВА. Когда осенью 1941 года наши части оставили Ростов, немцы не сразу вошли в него. И вот над городом стояла зловещая тишина. Только собаки выли. А когда вой стихал, становилось еще страшнее. Словно он предвещал нам что-то ужасное. И пожаров было много. А ночью город, освещенный их огнями, выглядел просто жутким.

Л. ГРИГОРЬЯН. Первая оккупация была внезапной. Наша семья не успела эвакуироваться, и утром мы вышли на балкон. И увидели бегущего красноармейца, паренька, который снимал на бегу гимнастерку. Винтовку он тоже бросил через забор. Он был один, видимо, отставший. Он промчался по улице Горького, и буквально через пятнадцать минут появилась колонна немецких мотоциклистов. Их было не меньше 50. Все великолепно экипированы, в касках, с автоматами. Впечатление это произвело ужасное — несчастный, растерзанный красноармеец и эта механизированная, автоматизированная, мощная колонна.

Было такое ощущение: приехали сверхчеловеки, и что это — навсегда.

А. АГАФОНОВ. Впервые мы увидели немцев на углу Красноармейской и Ворошиловского. Это была колонна мотоциклистов. Мотоциклист с автоматом наперевес сидел за рулем, а в люльке находился пулеметчик. Мы выпучили глаза. Мы стояли группой: Мишка Гуцин, Ленька Закрыжевский и другие. Нам под четырнадцать подходило, уже подростки. День был очень холодный, морозный. Небо затянуто тучами. И все это усиливало гнетущее впечатление. Один мотоциклист оскалился, оскал его показался мне страшным. И крикнул: «Сталинюгенд». А мы уже знали, что такое Гитлерюгенд. Он расхохотался и показал на нас: «Пуф-пуф»... А потом на полном серьезе повернул пулемет на турели и дал очередь поверх наших голов. Мы прыснули, как воробьи. И сразу же оказались внутри двора. Нас душил мальчишеский гнев: хоть бы булыжником ответить! Ненависть без выхода особенно болезненна...

М. ВДОВИН. После взятия Таганрога в октябре 1941 года немцы хотели с ходу взять Ростов. Но это у них не получилось, были затяжные бои. Однако немцы на улицах города появились неожиданно. 20 ноября меня мать послала к своей сестре. Мы жили рядом с кинотеатром «Красный маяк» по Братскому переулку. А сестра жила на улице Тельмана. Маму звали Прасковья Мелентьевна и сестру Анастасия Мелентьевна, девичья фамилия Голованенко. Возвращался я по улице Островского. Там на углу 5-й улицы находилось 8-е отделение милиции. Около здания стояли несколько милиционеров. Иду я домой и недалеко от отделения встречаю нашего участкового уполномоченного Ефремова. Он шел с одним милиционером и спросил у меня: «Ты ничего подозрительного не видел?» Я говорю: «Да нет, вроде ничего». Подхожу к Халтуринскому переулку, навстречу — несколько знакомых ребят из нашей школы, только из другого класса. «О чем ты с немцами разговаривал?». Я: «С какими еще немцами? Это Ефремов пошел с одним милиционером». — «Да ты что! Немцы точно в таких шинелях на углу Братского переулка из аптеки комиссара вывели и допрашивают». А это как раз было на моем пути домой. Я прибавил шагу. Когда подошел ближе, увидел: на ступенях аптеки стояла ее заведующая, а на другом углу — наша соседка Нина Георгиевна Волкова, она работала врачом в 7-й поликлинике. А на крыльце углового дома, где как раз жила заведующая аптекой, сидит полковой комиссар. Около него четыре немца и мужчина в штатском. Немецкий офицер с пистолетом спрашивает у нашего: «Капитан? Майор? Полковник?». Человек в штатском объясняет: «Это полковой комиссар, у него в петлицах четыре шпалы, а на рукаве звездочка». Немец тотчас же поднял пистолет и выстрелил ему в висок. Тот упал, а они повернулись и пошли вниз по Братскому по направлению к 5-й улице. Там в то время находился областной военкомат. Все сотрудники военкомата немцами были расстреляны. Трупы валялись и в здании, и около него. Потом мы, мальчишки, ходили в это здание. Но вот загадка, как областной военком полковой комиссар Денис Денисович Малневский (я позже узнал, как его звали) сумел выйти из этого здания и попал в аптеку? Как его немцы там нашли? Он несколько дней пролежал на улице.

Позже мужчины нашего квартала его похоронили, сначала на кладбище Нового поселения, а потом, когда наши войска вернулись в город, — на Братском, на главной аллее. Я остался единственный из живых, кто видел гибель военкома Малневского.

Почему же наши люди путали немцев с милицией? Слухи такие по городу ходили, что немцы вошли в город в наших милицейских шинелях. Дело в том, что перед войной, примерно в 39-м году, вся наша милиция была переодета в новую форму. И носила шинели точно такого же зеленого цвета, как и у немецкой армии. Только у наших на левом рукаве был государственный герб. Люди путали шинели по цвету. В красноармейские шинели немцы

переодевались — это да. Немцы в такой форме захватили железнодорожный мост. Примерно 60 человек переправились на тот берег, об этом мне рассказывали знакомые. Но этих немцев там уничтожили.

Ш. ЧАГАЕВ. Первая оккупация была быстрой и странной. Вначале город сильно бомбили. И вот 19 ноября 41-го года — тишина. Единственное, что было слышно: в районе Больших Салов, в стороне Военведа, нынешнего Северного массива, — сильнейшая канонада. Оттуда и наступали немцы. Наши благополучно отступили за Дон. Уличных боев, а тем более борьбы за каждый дом, не было. И те фотографии, которые сохранились с того времени, — это взятие Ростова, а не его оборона в ноябре 41-го года. Первый захват Ростова достался немцам не очень легко, но для города большого урона тоже не было. Настроение, особенно, у нас, мальчишек, было непонятное даже. Для нас было интересно: что же это за немцы? И если бы в город в первый раз пришли полевые войска немецкие, как пришли во вторую оккупацию, мы бы, может быть, не так их боялись. Но вошли-то эсэсовцы, их моторизованные части. У них на рукавах были вышивки: «Адольф Гитлер». Я не раз видел эти нашивки. Они были подобраны по росту: крупные, и у многих их них, особенно у офицеров, были перстни, на которых была изображена «Мертвая голова». Эти перстни изготовлены были не то из серебра, не то из алюминия.

М. ВДОВИН. 21 ноября, на второй день оккупации, в нашем районе на Новом поселении все магазины еще торговали хлебом по нашим карточкам. Куда потом деньги продавцы девали? Сдавать их было уже некому. Это тоже говорит о неожиданности вступления немцев в город. Немцев сдерживали в районе поселков Чкалова и Орджоникидзе. Они же вошли в город со стороны Хопров, разъезда Западный, через Красный город-сад, Ботанический сад, вышли к вокзалу на Новое поселение. Немцы сразу вывесили приказы: за хранение оружия — расстрел, за неподчинение оккупационным властям — расстрел, всем евреям пройти перерегистрацию. От немцев мы узнали, что бои идут под Москвой в районе Химок, о чем наша печать не сообщала. И мы совершенно не знали, что Ленинград находится в блокаде уже два месяца.

В. КРАСИЛЬНИКОВА. Я была девочкой, когда немцы вошли в Ростов. Перед самой оккупацией наша семья хотела уехать в станицу на Кубань. Выехали на телеге. Вся колонна двигалась в одну сторону, и вдруг — навстречу женщина. Когда она прошла, мужик, что ехал рядом, и говорит «А ведь это не баба, а мужик, у нее вместо сисек — гранаты». Но никто не догадался остановить ее. У немцев отлично работали связь и разведка. Через несколько минут налетел самолет. Это тот переодетый немец вызвал его по радию. Мама закрывала меня своим телом. Куда спрячешься — голая степь. Подводы загорелись, началась паника, и мы вернулись в Ростов.

Запомнился еще один случай. Когда немцы уже вошли в город в ноябре 41-го, к нам вечером пришел молодой солдат. Чувствовалось, что он скрывается от кого-то. Мать накормила его. Он попросился переночевать. Сидел и целый вечер плел из ниток шнурок. Утром позавтракал и вскоре вышел в коридор. И мы услышали выстрел. Он привязал тот шнурок к курку и дернул.

Потом за ним пришли. Это был дезертир. Так знаете, о чем я больше всего жалела тогда: зачем ты завтракал, если умирать задумал. У нас так мало было еды.

М. ВДОВИН. Эту историю мне рассказал выпускник РИИЖТа, ныне покойный Николай Иванович Старокожев. РИИЖТ эвакуировался в конце октября. Но дипломников оставили, их не вывозили. В начале ноября все общежитие РИИЖТа подняли по тревоге. «Враг прорвался — врага остановим!» Выстроили их всех, выступили перед ними секретарь

Октябрьского райкома партии и военком. Подъехала машина. Каждому дали по бутылке с горючей смесью, повели за Военвед. Там расставили по окопам. Говорят: «Будут идти немецкие танки, бросайте в них бутылки». После этого секретарь райкома, военком и вся их свита развернулись и уехали. И мальчишек-студентов оставили одних. «Мы, — говорит, — день посидели, а на другой — побросали эти бутылки в окопы и разбежались. Холод был собачий». Как можно было оставлять их без руководства военных? И самое главное их бросили голодными! Дали одни бутылки, даже воды не было, не пить же из этих бутылок...

В. ГАЛУСТЯН. Я видела отступление нашей армии. Она уходила через Ростов очень потрепанная в боях. Бойцы несли раненых. Некоторые раненые опирались на товарищей.

М. ВДОВИН. Во время первой оккупации в Ростове сгорело всего семь домов: РИИЖТ, — главный железнодорожный вокзал, гостиница «Дон» (она находилась на спуске к Дону, сейчас там помещается экипаж мореходного училища), здание кинотеатра «Буревестник» — там была радиостудия, здание финансово-экономического института, здание, где сейчас находится военторг (там был магазин «Чай-кофе» по типу московского, что на Кировском проспекте столицы), наконец, кафетерий на первом этаже, сейчас в этом доме магазин «Динамо».

Г. ОВСЯНИК. Два случая врезались мне в память. У берега Дона стояла старая баржа или какой-то катер. Подошла я однажды поближе к воде, а там труп всплыл. Его к доскам прибило. Во время бомбежек переправы людей, видать, много побило. Потом они всплывали. Тот был с огромной разбухшей головой. Кожа уже облезла местами, какие-то темно-зеленые пятна... И глаза открыты. Жутко! И смотреть страшно, а что-то словно притягивает.

Другой случай был на окраине города. У небольшой рожицы. Ходил там мальчишка, лет, может, 9–10. И стрелял из рогатки по птицам. Увидел его немец. Подошел, рогатку сломал. Поднял с земли старую миску. Там на мусорных кучах много выброшенной старой посуды валялось. И с силой надел мальчишке на голову ту миску. Потом за края глубже насадил и еще сверху несколько раз ударил. Мисочка была небольшая и сжала ему голову. Как он кричал! А немец ходил рядом и смеялся. Кто-то хотел помочь мальчишке, так он никого не подпускал. Потом прибежала мать и стала в ногах у немца валяться, я не могла смотреть — ушла. А крик еще долго стоял.

А. АГАФОНОВ. Уличных боев в Ростове не было, а ведь город готовился к обороне. У нас на углу Ворошиловского и Красноармейской находилась баррикада. Она перекрывала всю улицу, но внутри были небольшие проходы для пешеходов, а в центре была раздвижная часть для проезда трамваев. Такие баррикады были и в других местах. Но дело в том, что ими никто не воспользовался. Когда наши части отступали, тянулись подводы. Грузовиков мы почти не видели. Баррикады нанесли только вред. Отступавшие не знали, как их объехать, как попасть, к переправе. Переправа, правда, тогда, не нужна была — Дон замерз. Но как проехать к Дону? Толкнутся в одну улицу — перегорожено, в другую — тоже. А объезд довольно далеко. Мы, конечно, показывали дорогу. Но некоторые бросали подводы. У нас на углу стояла одна — со снарядами. Когда немцы пришли, приказали их выбросить в противотанковую щель. Она была вырыта на противоположной стороне улицы. Там» сейчас находится облсовпроф, а раньше стояли частные домишки.

Убитых немцев мы не видели. А вот двух красноармейцев замерзших видели на Театральной. Причем, один лежал так, как будто закрывал глаза рукой. Мы заглянули под руку, оказалось, пуля ему попала между глаз.

А. КОТЛЯРОВА. Перед приходом немцев наши не успели эвакуировать госпиталь с ранеными красноармейцами. Их жители разобрали по квартирам. Взяла и я одного. Но

немцам кто-то из предателей донес, что в домах есть раненые бойцы. И они стали ходить и искать их. Немецкие прислужники тут как тут — помогали. Знали, кто мог взять.

Я тому парню, что взяла к себе, надела исподнее мужа, а красноармейскую форму спрятала в коридорчике в куче грязного белья. Гляжу: идут к нам трое. Впереди офицер, сзади солдат с винтовкой, за ними мужик с нашего двора. Он и до войны, и после нее по тюрьмам да лагерям пропадал. А при немцах хвост поднял. Это он ко мне их вел. Знал, что я санитаркой работала и могла взять раненого. Я выскочила навстречу. Кричу: «Заразный больной здесь!». Немцы успели войти в коридорчик. А я на кучу белья, где гимнастерка окровавленная спрятана, положила спеленутую девочку свою, ей четыре месяца было. Немец потыкал штыком вокруг моей малютки. Я так вся и обмерла. А в это время тот мужик, что с немцами шел, тоже кричит: «Зараза!». Он знал, что муж туберкулезом болен, но не знал, что его дома сейчас нет, а вместо него лежит другой человек. Если бы он заглянул в комнату, то увидел бы там чужого. Немцы повернулись и ушли.

В нашем дворе еще одного раненого прятали в сарае, на настиле. Немцы туда даже заглядывать не стали, прошили доски из автомата. А оттуда кровь закапала.

Через семь дней наши в Ростов вошли. И моего раненого забрали.

А. АГАФОНОВ. Наши части находились рядом, в Батайске. А в городе были наводчики. Периодически из Батайска вели обстрел Ростова. Стреляли вроде бы прицельно по складам, административным зданиям. Так ли это, не знаю, по крайней мере, один снаряд угодил в наш дом. Если посмотреть сейчас на дом-гигант, в подъезде № 24 видно место, куда этот снаряд попал, между третьим и четвертым этажом — там латка, кирпич отличается. Здесь погибла одна девушка. Она была очень красивая, звали ее Эльвира, она была постарше нас. Мы сразу же забрались на четвертый этаж, посмотреть эту квартиру. Висели часы на стене. А пол частично провалился. Мы забрались на кушетку, стали прыгать и попали на третий этаж. Но даже не ушиблись, потому что рухнули вместе с диваном.

Но работа наводчиков была и успешной. Полицаи собрались свалить памятник Ленину у парка имени Горького. Обвязали его веревками, накинули петлю. Но наши наводчики вызвали огонь артиллерии. Снаряды стали падать совсем близко. Полицаи и разбежались. В первую оккупацию памятник Ленину так и стоял.

В. ВАРИВОДА. Мне было 23 года. У меня был маленький ребенок, поэтому я старалась как можно меньше выходить на улицу. Жила в основном слухами. Больше всего меня потряс расстрел жителей около парка имени Революции. Кто-то убил немецкого офицера, и вот ночью согнали всех жителей квартала и расстреляли на углу. Фашисты хотели тем самым запугать население. Показать, как жестоко они будут действовать, устанавливая «новый порядок».

А. АГАФОНОВ. Мы бегали в парк, где лежали трупы расстрелянных. И у нас родилась тогда отчаянная мысль — отомстить. По Красноармейской часто проезжали грузовики. Несмотря на сильный мороз, ездили и мотоциклисты. Под пилоткой или каской они обвязывали головы платком. Мы забрались на третий этаж, установили на площадке пулемет, который нашли в полку связи. Заспорили было, кто будет стрелять. Вдруг Пашка Костин, а он был у нас самый отчаянный, без лишних разговоров стал к пулемету. Ему все уступили — ведь он мог дать и затрещину. И вот только мы приготовились ждать появления какого-нибудь мотоциклиста, на этаже выше открылась дверь, и оттуда появился мужчина. Он сразу догадался, в чем дело. И, не выбирая выражений, напустился на нас. А у нас какая была идея: мы постреляем и сразу же сбежим наверх на чердак. А чердаки шли тогда над всем огромным домом. Можно было выскочить где-нибудь на Ворошиловском. Мы себя как будто

обезопасили, но не ожидали появления этого мужика. Побежали вниз, так как он перекрывал нам путь вверх. Пулемет, естественно, бросили. Он его забрал. Чертыхаясь, он кричал нам вслед: что, вы хотите весь дом погубить? Вот тогда до нас дошло: если бы стрельнули и кого-то убили, то жители всего дома стали бы заложниками и их бы расстреляли.

О. КЛЯПИК. Для нас, мальчишек, раздолье было лазить по руинам. Мы пытались пробраться в подвалы, засыпанные комнаты — искали в разрушенных домах деньги, ценности. Ничего особенного не находили. Но это было наше увлечение, спорт своего рода. Кто первый пролезет, кто первый что-то интересное найдет. Дети всегда в своих играх стараются держаться подальше от взрослых, оберегают свой мир. А эти развалины принадлежали нам. Они были нашими «владениями».

Некоторые здания были разрушены до такой степени, что лазить там было опасно. Свисали лестничные пролеты, какие-то металлические и деревянные балки.

Многие мальчишки собирали коллекции осколков. Патрон у нас при обменах был самый ходовой товар, вроде денег.

Но один случай поохладил наш пыл играть в такие «игрушки». Был у нас один парень. Его звали Валя, по кличке Вака. Сорвиголова. Первый везде лез. Невысокий, но крепкий. Он лучше всех дрался. В нашей компании мы считали его за атамана. Рылись мы однажды в одних развалинах, а он в сторону, за угол отошел. Вдруг слышим — взрыв. Земля комьями, осколки кирпичей градом посыпались. Мы перепугались, на землю легли. Минуты через две-три выглянули. От него мало что осталось...

Л. ГРИГОРЬЯН. Мы вышли утром на балкон и увидели: горят два здания — радиокомитет и здание НКВД. И помню нашу радость от того, что горит НКВД — его мы дико боялись. Отец у меня сидел три года. Его освободили в 40-м, когда Ежова сменил Берия. Тогда же отпустили В. Фоменко, В. Закруткина. Если бы отец был начальником его бы все равно расстреляли, как Ченцова, Шеболдаева и других партработников и крупных инженеров. Но он был рядовым экономистом, беспартийным. Он там, в застенках, ничего не подписывал, ни в чем не признался. Когда его посадили, он пытался покончить с собой. Наточил о стенку ручку зубной щетки и перерезал вены, а для верности вскрыл себе еще и живот — сделал харакири. Но это быстро заметили и его спасли. А перед этим он голодал. Несколько дней держал сухую голодовку. Он потом мне все рассказывал. Говорил, что четыре дня перед глазами пайки хлеба, а потом уже есть не хочется.

Несмотря на все это, я был советским человеком. Но вот, когда увидел горящее здание НКВД, — была радость на душе.

Потом мы в это обгоревшее здание НКВД лазили с мальчишками, посмотреть на те ужасные подвалы. Его наши и взорвали. И радиокомитет, и это здание. Часть архивов вывезли, а остальные сожгли. Потом, правда, говорили, что они загорелись от бомбежки, но это абсолютное вранье.

В. БАЛАГУРА. Я работал составителем поездов на станции. У меня, как и у всех железнодорожников, была бронь. Перед вступлением немцев в Ростов осенью 41-го мы трудились без отдыха. Распихивали все, что было на станции, и ушли последними. Нас было шесть человек. Пошли в сторону Батайска. Остановились передохнуть, развели костер: было очень холодно. Расселись вокруг огня. И откуда ни возьмись то ли мина, то ли снаряд. И прямо в костер. Всех наповал, а у меня — ни царапинки.

П. КЛИМОВА. Когда осенью 41-го наши части оставили Ростов, немцы не сразу вошли в него. И вот над городом стояла зловещая тишина, только собаки выли. Одна залает и все подхватывают. И был слышен только этот вой. А когда он стихал, становилось еще страшнее.

Словно он предвещал нам что-то ужасное. И пожаров было много. А ночью особенно горело ярко.

Люди все растаскивали из магазинов, складов. Все равно немцам досталось бы. Как сейчас вижу: маленький мальчик катит по земле головку сыра — поднять не мог. Эти продукты доставались в основном самым расторопным, нахальным. А потом они ими на рынке торговали.

Е. КОМИССАРОВ. Для меня, как и для многих других, немцы оказались в Ростове неожиданно. Стоят бабы в очереди за хлебом. Из-за угла появляется группа фашистских автоматчиков. И на ломаном русском языке один из них спрашивает, где вокзал. Женщины, разинув рты, смотрят на немцев. Потом на небо: откуда, мол, они взялись? И тычут пальцами в сторону вокзала.

Когда немцы входили в город — не церемонились, стреляли и направо, и налево. В парикмахерской бреется мужчина. Пуля попадает ему в шею. Он оседает в кресле. Парикмахеры и клиенты врассыпную...

Через заборную щель наблюдаю, как немцы пробираются по нашей улице. В пятнистых плащах, с автоматами наперевес. Норовят через дворы просочиться на соседние улицы. Ткнулись в нашу калитку — заперто. Грохнули прикладом — не поддается. Побежали дальше.

Наутро по нашей 6-й улице (ныне Варфоломеевской), грохотала немецкая колонна: танки, мотоциклы, штабные машины. Немецкие танкисты — в черном, по пояс высовываются из люков. А мы тарачились на них через заборы.

Неожиданно откуда — истребитель. И промчался вдоль этой колонны. Такой трам-та-ра-рам устроил! То ли он из своих пулеметов строчил, то ли по нему из всех видов оружия стреляли. Шуму наделал много. Похоже, в него не попали. Уж больно внезапно он появился и быстро промчался. А вот мы с заборов посыпались.

Ш. ЧАГАЕВ. В 1985 году я был в Веймаре и записал там, в приюте для стариков, рассказ обер-лейтенанта Курта Майзеля из 111-й пехотной дивизии вермахта:

«В ноябре 1941 года наша дивизия держала оборону на Самбековских высотах, недалеко от Таганрога. Я и мои солдаты впервые почувствовали русскую зиму, некоторые были обморожены. Вечером 19 ноября пришел приказ по нашему полку о том, что мой взвод и еще два саперных переходят в распоряжение 16-й танковой дивизии. Только 20 ноября я понял, что готовится наступление 1-й танковой армии фельдмаршала Эвальда фон Клейста на Ростов. Для меня и моих солдат, долгое время сидевших в блиндажах, было большой радостью снова идти в бой и овладеть новым населенным пунктом.

Мой взвод с четырьмя танками и бронетранспортерами, миновав какое-то селение со странным названием Шалтыр, вошел в Ростов. Мы взяли в плен десятка два русских солдат. Мы с завистью смотрели на их белые полушубки и валенки. Должен признаться, что некоторые мои солдаты попытались их раздеть, но я запретил это делать. Думаю, что это сделали другие, а пленных расстреляли... Когда мы ехали по улицам Ростова, население смотрело на нас с ненавистью. Помню, как мы проехали по широкой центральной улице, мимо парка с гранитным памятником Ленину, и через несколько километров остановились у здания, похожего на трактор. Кто-то из местных жителей сказал, что это театр. Мой взвод должен был заниматься охраной расположенных в районе театра войск, и я стал свидетелем массового расстрела заложников из числа мирных жителей. Взяв с собой группу солдат, на бронетранспортере я поехал в сторону реки Дон и случайно оказался у небольшого винзавода. Я никогда не видел, чтобы население так пило вино и тащило бутылки домой.

Правда, мои солдаты тоже попробовали вина, им понравилось, и пару ящичков они прихватили. Среди тех, кто растаскивал имущество, партизан не было, но мы еще прошли по территории и очутились на мыловаренном заводе, там было очень много грязного мыла и стояли чаны с липкой жидкостью, которую женщины доставали ведрами и ели. Мы так и не поняли, что это такое».

В. КОТЛЯРОВА. Перед приходом немцев прошел слух, что надо прятать ценные вещи. А у нас из ценностей-то всего — свадебное колечко мамы с тремя розовыми камешками. Она его положила сверху на абажур. Люстра простенькая была со стеклянными сосульками. Как ни тяжело было, как мы ни голодали, мама колечко то сохранила. Хотя могла отнести на менку. А через двадцать лет, когда я уже замуж выходила, мне его подарила.

Е. СЕРОВ: Мы жили в самом центре. У нас была большая комната, окна как раз выходили на улицу Энгельса. Отец, офицер, командир батальона, служил на Дальнем Востоке. Перед самой войной, в июне, приехал на побывку домой. А потом о нашей судьбе он ничего не знал. Весь двор знал, что у нас отец офицер, и мы очень боялись, но никто не выдал.

Л. ГРИГОРЬЯН. Отец мой был инженером, со многими людьми он восстанавливал понтонный мост в Нахичевани. И потом вдруг исчез. Приходит человек и говорит: отца видели убитым, труп его там лежал. И мы были уверены в том, что он погиб. Потом выяснилось, что он отступил вместе со всеми. И после освобождения Ростова сразу же вернулся. Потом он попал в конце концов в Ереван. Был там даже заместителем министра по экономике или по капитальному строительству.

Е. КОМИССАРОВ: Стою во дворе... Держу в руках самодельную саблю, сделанную из железного обруча. Входят два немца. Похоже, нижние чины. Испугался. Уронил саблю. Встал на нее ногами, чтобы не видно было: все-таки оружие. Немцы вошли в дом. Дальше рассказывала мама: «Стали требовать: «Цукор! Цукор!» А что это такое, черт их знает. Нашли сырые яйца. Одно яйцо, в руках у немца лопнуло, потекло. Мама побежала за полотенцем, лишь бы скорее отстали. Нашли они все-таки цукор. Стали заталкивать в рот. Чавкают. Один из них открыл бельевой шкаф. Увидел там связки лука и расхохотался. Потом мы сообразили, что его так развеселило. Видимо, он там ожидал увидеть одежду. И вдруг в таком неподходящем месте — лук. Это им продукты легко доставались, а для нас они были самой большой ценностью.

Перешли немцы к соседке. Вскоре слышим оттуда шум. Выходит немец с кульком конфет. За него соседка цепляется и орет, балда, что у нее дети. Пнул ее немец сапогом в живот и ушел.

Идет по улице немецкий офицер. В руках у него хлыст. Важно идет. Похлопывает себя хлыстом по сапогу. Навстречу ему наш сосед, дядя Ваня. Тащит что-то в ведрах. Поравнялся с немцем. Тот его хлыстом и перекрестил. Дядя Ваня закрывается руками. Показывает — несет еду детям. Офицер тычет пальцем: неси назад! Сосед мешкает. Немец лапает рукой кобуру. Дядя Ваня трусцой бежит с ведрами обратно.

В. ГАЛУСТЯН. Грабили мыловаренный завод, крупозавод. За мукой пошел и наш сосед. Он пришел, а немцы уже выставили охрану. У склада стоял автоматчик. Немец ему и говорит: «Нельзя этого делать!» А мужик отвечает: «Что ты охраняешь, сейчас наши придут, всем этим надо воспользоваться». Немец его расстрелял в упор. Это видели и слышали другие соседи — крупозавод был рядом с нашим домом.

А. КАРАПЕТЯН. Когда немцы пришли в город, они стали называть площадь Карла Маркса Екатерининской, как она и раньше называлась. Памятник Марксу сбросили и

закопали в одну из щелей. Я как раз жил напротив сада Фрунзе и все видел.

А. КОТЛЯРОВА. Муж у меня, Петр Стефанович, работал проводником на железной дороге. Он уехал в поездку, а когда состав вернулся, немцы уже захватили вокзал. Он с товарищами вышел на подъездных путях и стал пробираться в город. А станцию уже окружили, кругом стреляют. Ребята его задержались, а он рвался домой — там двое маленьких детей со мной остались. Вот он уже на улицу выбрался и видит, какой-то мужчина помогает немцам, что-то им на санках подвозит. И говорит мужу: «Тебе что, пулю схлопотать захотелось? Беги туда!» И показал черный ход через какой-то старый двор.

Приходит муж домой, а в это время в городе растащилровка идет. Он хотел тоже бежать, запас съестного сделать. Я — ни в какую: не пущу, убьют! Он мне только что рассказал, что на вокзале творится и что ему еле удалось оттуда выбраться. Сама же сижу как на иголках. Не удержалась, пошла вниз к Дону, на ссыпку, чтобы какой-нибудь крупы достать. Прихожу, а в амбарах мужики орудуют. Снизу уже все расхватили, а там такие деревянные полки были. Лезут по ним наверх. И вот эти полки на меня посыпались. Слава тебе, Господи, что они меня только краем задели. Я — домой. Поднимаюсь в гору, глядь — струйка крови бежит. И лежит там убитая женщина, и мешочек рассыпанный рядом. Больше я ни шагу, ни за чем.

В. ЛЕМЕШЕВ. Когда немцы первый раз вошли в ноябре, было довольно холодно. Морозец, снежок поросил уже... Перед тем, как немцы вошли в город, установилась какая-то зловещая тишина. До этого самолеты туда-сюда летали, то на Ростов, то на Батайск, а тут все вдруг смолкло. Некоторая передышка наступила. День, второй... Люди стали вылезать из убежищ, и началась вторая грабировка. Люди еще не испытывали голода, но запасали харчи впрок. Растаскивали все из столовых, магазинов, складов. Оказывается, там столько всяких продуктов было! И все тянули! Появились какие-то здоровые мужики. Откуда бы им взяться? Вроде все на фронт ушли.

Вышел я на Большую Садовую, а грабировка идет на полную катушку. Рыбный магазин растаскивают. А прямо передо мной еще одна картина, там, где детский магазинчик «Буратино» и кинотеатр «Комсомолец» (там до войны был кинотеатр «Тридцатиминутка»). В здании, где сейчас «Буратино», был музыкальный магазин. Витрины были оформлены с большим вкусом — красиво расставлены различные инструменты. И вот у входа в него идет драка за право ворваться туда или вылезти оттуда. В это время слышу грохот со стороны вокзала. Двигается какое-то чудовище. Это был танк. Он прет прямо по Большой Садовой, и я остолбенел. Хотя и не на проезжей части стоял, а все равно убежал и спрятался за баррикаду, которая была сооружена недалеко от нашего дома энергетиков на Семашко. А любопытство превыше: что же произойдет дальше? И вот танк на ходу поворачивает турель вправо и как шпарнет очередь. И помчался дальше со свистом, словно его и не было. Только грохот стоит на улице. Сначала было такое впечатление, что он тут все разворотил и что дома того уже нет. Дом на месте. Оказывается, танк пальнул в окна второго этажа... Наверное, поугагать хотел. Через несколько мгновений куча людей (а они попадали под выстрелами) поднимается, и драка продолжается. Вылезает из этой кучи пьяный мужик с гитарой. И со всего размаха бьет ею о мостовую, наверное, она у него уже была сломана в борьбе за выход из магазина. И вот такой странный разбой шел кругом.

А. КАРАПЕТЯН. Немцы вошли в город неожиданно, по крайней мере в нашем районе, в центре Нахичевани. Работали еще магазины, работала пекарня. Уже тогда были коммерческие магазины, продавали коммерческий хлеб. Люди по улицам ходят, очередь за хлебом стоит. И в это время появились танки. Наши окна выходили прямо на площадь Карла Маркса. А сестра говорит: «Это союзники, американцы!» Мы: «Откуда им тут взяться, это

немцы». Мать в это время была в детском саду. Она там работала. Старшая сестра кричит: побежали к матери, спрячемся в детском саду у нее. Мать там почти и ночевала. Завод эвакуировался, а детей не всех успели вывезти. И вот она ждала, когда их отправят в тыл. В саду оставалось человек десять малышей. Сестры пошли к матери, а я убежал с пацанами немцев смотреть. Мы ничего не боялись. Наоборот, где стреляют, туда и мы бежим.

За танками пошли мотоциклисты с пулеметами. Народ стал подходить к ним. Они такие добродушные, как будто бы пришли самые лучшие друзья. Картина такая: народ не кинулся бежать, прятаться, а бросился в магазины. Стали тащить хлеб. Продавцы, конечно, сразу удрали оттуда. Моментально кинулись растаскивать пекарню, промтоварный магазин с игрушками. Немцы все это видят, тут же вытащили кинокамеру, фотоаппараты. Стали снимать. На гармошках губных играют. А мы побежали в пекарню за сухарями. Они лежали в армейских ящиках. И потом подлетела сестра, и мы с ней потащили ящик сухарей. Немцы же установили очередь в промтоварный магазин. Пропускают туда и снимают. И показывают: вы, мол, туда заходите, но берите с собой только то, что можете унести в руках, — не мешками, не сумками. Это они для того, чтобы было видно на фотографиях, что же люди тащат. Я тоже в конце зашел в магазин, а там уже все разобрали. Взял только две куклы без голов.

Как только первый день закончился и наступила темнота, началась стрельба-пальба. Мать пришла из детского сада, привела десять оставшихся детей. И отвела их в подвал.

На следующий день немцы повесили везде плакаты: «Жителям города Ростова-на-Дону. За каждого убитого немецкого солдата будут расстреляны 50 жителей. За каждого убитого немецкого офицера будут расстреляны 100 жителей. Комендант города оберфюрер такой-то». Второй плакат: «Все жители еврейской национальности должны носить желтые повязки. За неподчинение коменданту они будут расстреляны».

В. ЛЕМЕШЕВ. Сильных уличных боев в городе не было. Мы потом видели подбитые наши танки на улицах. Видел я немецкую танкетку. У нее впереди была прострелена башня. Мы залезали в нее, заметили кровь немцев. Открыли сзади «бардачок», а там — чулки, парфюмерия. Где-то, видимо, фашисты нахапали и возили с собой. Может быть, подарки для предполагаемых подружек...

В городе оставались еще окруженные наши бойцы, и жители их прятали.

В. ГАЛУСТЯН. Я видела колонну наших военнопленных, которые шли по городу в первый день оккупации. Это были евреи. Их немцы, выделяли в особые группы сразу после пленения наших частей. На спинах у них была какая-то цифра, по-моему, единица. Эту колонну я видела на углу Кировского и Большой Садовой. Женщины бросали им хлеб. А немцы прогоняли их и кричали: «Юде! Юде!».

Т. ХАЗАГЕРОВ. Грабили магазины и немецкие солдаты. У нас на углу Крепостного и Большой Садовой, где я жил, был магазин, а в нем — большой подвал. И вот немец обнаружил там бочку. Прodelал ножом дырку — оказалось, повидло. И стал нас созывать: «Ком! Ком!», чтобы помочь ему выкатить эту бочку.

Одеты немцы были очень легко. На ногах — ботиночки в основном. А ноябрь был очень холодный. Была видно по всему, что они не готовились воевать зимой.

В. ЛЕМЕШЕВ. Когда немцы входили в город, они особенно вокруг не смотрели. Но если им что-то мешало, стреляли, не обращая внимания, не разбирая, кто перед ними — женщина или ребенок. Как будто это неодушевленные предметы...

А. КАРАПЕТЯН. Когда немцы пришли в город в первый раз, восприятие было особенно острым. Да и видели мы много страшного. Очень большое количество людей было

расстреляно на 39-й и 40-й линиях. А причина была в том, что наши солдаты еще оставались в городе и отстреливались. Я сам видел такую картину. Воды не было в колонке, и мы с сестрой пошли на Дон с чайниками. И, набрав воды, стали подниматься по 23-й линии вверх. Вижу: медленно едет мотоцикл с коляской и пулеметом. И идут два немца с автоматами. И ведут, как я сосчитал, 26 наших солдат. Ремни сняты, шинели распущены. Подводят они их к театру Ленинского комсомола. Вера, сестра, мне и говорит: подожди, не подходи туда.

Мы остановились и смотрим из-за угла. Поставили наших солдат возле лестницы и из автоматов перестреляли. Когда начали стрелять, кто отворачивался, кто смотрел прямо. К тому, кто отворачивался, подходил немец, бил пистолетом по голове: смотри, мол. Они все упали. Фашист потом объехал на мотоцикле и каждому выстрелил в голову. В это время напротив шел какой-то мужик с гармошкой на спине. Они крикнули ему: «Хэнде хох!». А он, видимо, был бухой, шел как раз к месту расстрела. Немец повернул автомат и дал очередь, тот так и упал на свою гармошку. Мы убежали вниз с того места.

На другой день я решил посмотреть, что там осталось. Висела фанерная доска. На ней мелом написано: «Это те, кто поджигает дома и заводы».

Когда наши вернулись в город, я прочел в газете, кажется, в «Молоте»: «Один из этих расстрелянных остался жив и писал: «Я упал. На меня повалился товарищ и закрыл мне голову. Я был ранен в плечо. Когда немец добивал расстрелянных, меня пропустил. Когда немцы уехали, я перелез через забор и забился в щель. Было холодно, светила луна. Проходила женщина. Я ее окликнул. Она принесла мне бинт и кусок хлеба».

Жители прятали солдат, оставшихся в городе. Некоторые бойцы отстреливались. Бой шли на окраине Нахичевани. Наши немцев тоже много положили, потому они так и зверствовали.

В первой могиле в парке имени Фрунзе были позахоронены в основном жители города. Хоронили кого в гробах, кого без гробов. Ямы копали несколько дней. Людей складывали штабелями.

В. ГАЛУСТЯН. Мы жили на 14-й линии. Сначала я увидела не живых немцев, а их танки. Мы с мамой были на 20-й линии, наблюдали за тем, как наши грабили магазины. Мы перед этим сдали в комиссионный магазин письменный стол. Это был отличный старый стол папы. Отец ушел на фронт, жить нам было не на что, и мы его отнесли. И вот мы видим, как тащат этот стол. А подойти и сказать, что он наш, стесняемся, чтобы не подумали: и мы тоже принимаем участие в грабировке.

И вот как раз в это время показались немецкие танки. Что меня поразило: они шли так стремительно, я бы сказала, даже лихо. Остановились. Открыли люки. И я еще больше удивилась: танкисты были такими молодыми. Мне показалось даже, что они были почти моими ровесниками, а мне было 15 лет. Посмотрели они и покатали дальше.

В. ЛЕМЕШЕВ. В облисполкомовском подвале, там, где сейчас столовая, были заложены наши мины. Там было столько ящиков, что, если бы рвануло, ничего бы вокруг не осталось. Но то ли детонаторы не сработали, то ли их туда вставить не успели — все тихо. А потом тол сгорел. Для нас, мальчишек, все интересно, и мы туда лазили. Немцы проверили все миноискателями и поставили там часовых. Это здание сильно охранялось, все время машины туда-сюда. Наверное, там было какое-то управление. Немцы приходили даже осматривать соседние дома энергетиков. Спрашивали, кто в них живет — заботились о своей безопасности...

В. ГАЛУСТЯН. В парке имени Революции лежали два человека в стеганках, наверное, партизаны. Ран не было видно, а около дерева была лужа крови. И голодная худая овчарка

лизала эту кровь. Ужас!

Е. КОМИССАРОВ. На следующий день после вступления немцев в город все затихло. За нашим забором соседка обнаружила большую гранату, наверное, противотанковую. И стала сдуру в нее камни бросать, чтобы обезвредить. Бросит камень и присядет за забор. Ждет. Хорошо, что отец эти игрушки увидел и дал ей по шее.

В. ЛЕМЕШЕВ. На берегу Дона лежало много наших бойцов, не успевших переправиться. Там у моста мы нашли пулеметчика. Он, видимо, прикрывал отступление. Руки у него так и остались на «Максиме». Его почти затопило водой. Никто мертвых не убирал.

В. АНДРЮЩЕНКО. Все мы были уверены, что Ростов будут оборонять серьезно. Об этом много говорили. Отец, Дмитрий Иванович, а он служил в Ростове, как-то за ужином, когда собралась вся семья, сказал, что будем стоять до последнего. И посоветовал нам перебраться в центр города, к родственникам, так как предполагал: бои будут идти на окраинах города. А родственники наши жили на Ворошиловском проспекте. Оставили мы деда дом охранять и пошли ночью. Как раз в это время начались уличные бои. Их было немного, но они были. Летели трассирующие пули, горело здание радиокомитета. И мы решили возвращаться домой: зачем лезть в такое пекло? И вот по дороге обратно я видел много наших убитых солдат. Лежали казаки с красными лампасами, лошади.

Е. КОМИССАРОВ. Самое страшное было то, что позади нас, на соседней улице, расположилась немецкая батарея. Наши были в Батайске. Немецкая батарея и наша из Батайска нащупали друг друга и устроили артиллерийскую дуэль. И самое поганое то, что стреляли ночью. Видимо, засекали друг друга по вспышкам выстрелов.

Сидим с соседями в блиндаже и томимся от страха. Шандарахнет немецкая батарея, и слышно, как снаряды уходят: ко-ко-ко! Считаем: раз, два, три. Примерно на двадцатом счете слышим в Батайске взрыв. Прислушиваемся к ответному выстрелу. Опять считаем. На двадцатом счете — свист первого снаряда. Спиной чувствую, как снаряд входит в землю. Он не взрывается сразу. Свист обрывается. Мгновение тишины. Взрыв! Все вокруг мощно встряхивается. На крышу блиндажа сыплется земля. Взрывная волна проникает в блиндаж и тушит свечу... Второй снаряд, третий... Соседка начинает причитать. Отец рывкает на нее: и без того тошно. Опять бьют немецкие пушки. И все сначала.

Утром вылезаем на улицу и видим: здесь дома нет, тут дом разрушен. Копшатся люди. Вытаскивают убитых, раненых. Убитых нашими же снарядами.

На улице, двумя кварталами в сторону, стоял дом, в котором в 1935 году наша семья квартировала. В дом попал снаряд. Двое убитых. Хозяйка тетя Нюся и ее отец. Она лежала на кровати больная. Взрывом кровать скрутило и ножкой проткнуло тете Нюсе живот. Ее отцу снесло череп. Потолок забрызган его мозгами. Золовка с грудным ребенком стояла у горячей печи. Их засыпало горящими углями. Ребенка она прикрыла собой. А ей досталось. Перенесли ее к нам домой. И мама пинцетом вытаскивает из ее спины уже остывшие угли. Хозяин дома уцелел. Успел выбежать на крыльцо, взрывной волной его перебросило на соседний двор.

Остро стояла проблема похорон. Отец с трудом достал телегу и под жестким артобстрелом тащился на кладбище. Телеги с убитыми жителями довольно часто попадались на глаза. Поразила воображение одна из них, доверху груженная трупами. Телегу тащила кляча. Болтаются головы, свисают руку, босые ноги... Восковые лица... И я никак не мог этого осмыслить.

Ш. ЧАГАЕВ. Я жил на улице Дальневосточной. А двумя улицами выше, на

Профсоюзной, стояло много немецкой техники: тягачи с тяжелыми пушками. На Профсоюзной были расквартированы артиллеристы и водители. Оккупанты вели себя нагло, шарили по домам, забирали все, что им нравилось, приставали к молодым женщинам. Там жила одна старуха — Варвара Ивановна Хренова. На улице ее недолго любили за крутой, желчный нрав и прозвали Хрениха. У нее в доме стояли пять водителей тягачей. Всем казалось, что она с немцами обходилась лучше, чем со своими соседями. Оккупанты принесли с собой мешок муки, бидон растительного масла и тушу забитого поросенка. Варвара Ивановна была не из робких и потребовала от немцев дров и угля. Те, недолго думая, съездили на ближайший завод «Вулканид» и привезли топливо. Хрениха стала им готовить и часто угощала пирожками.

Позже мне попала в руки фотография. На ней изображены были пятеро немцев, они играли в карты. И надпись на обороте: «Ноябрь 1941 года, Профсоюзенштрассе». Это были как раз те немцы, которые жили у Хренихи, они служили в 60-й моторизованной дивизии 1-й танковой армии генерала Клейста.

Я показал эту фотографию одной женщине, которая жила рядом с Хренихой, и она рассказала мне ее историю. Немцы часто выпивали, а напившись, начинали охотиться за молодайками и тащить их в дом к Хренихе. Но та чувствовала себя все увереннее. И терпела это безобразие недолго. При очередной гулянке постояльцев со своими «фрау» старуха схватила веник и с бранью выгнала женщин со двора.

Утром 25 ноября советские самолеты стали бомбить фашистскую технику на улицах Ростова. По городу поползли слухи о скором наступлении наших войск со стороны Новочеркасска и Батайска. Немцы начали постоянно прогревать двигатели своих тягачей, вид у них стал озабоченный. Хрениха поняла, что немцы скоро станут драпать и решила на прощанье угостить их. В ночь с 27 на 28 ноября она замесила тесто с какой-то отравой, в мясной фарш добавила крысиного яду. Днем немцы начали собираться в дорогу. Варвара Ивановна нажарила им в дорожку ведерко пирожков и поставил на стол. Один из немцев потребовал, чтобы старуха отведала пирожок на глазах у них. Она, перекрестившись, съела два пирожка. Немцы схватили ведро, сели на свои машины и поехали в сторону Гниловской. Вскоре Варвара Ивановна почувствовала себя плохо и быстро пошла к соседке. Взяв ведро с водой, она стала жадно пить. «Варя, что с тобой? Чего ты наелась?» — спросила удивленно соседка. — «Плохо мне, помираю я...», — тихо ответила Варвара Ивановна и упала. Собрались другие соседи, пытались ее спасти. Но Варвара Ивановна скончалась. Так никто и не понял, что же случилось.

А днем 29 ноября советские войска освободили Ростов. Через несколько дней на окраине города обнаружили пять немецких тягачей с окоченевшими водителями.

Т. ХАЗАГЕРОВ. Наши окна выходили на Социалистическую улицу. И вот однажды слышим шум — по мостовой идут немецкие танки с крестами на бортах. Я насчитал семь штук. Они направлялись в сторону Нахичевани. Это немцы оставляли Ростов.

Ш. ЧАГАЕВ. В своих воспоминаниях Курт Мейзель отмечает: «В связи с осложнениями боевой обстановки и наступлением русских с северо-востока мы получили приказ отходить в сторону Таганрога. Появилась опасность окружения. Мне с трудом удалось прорваться на окраину Ростова, потеряв 15 солдат убитыми и ранеными. Сам я был контужен разрывом снаряда. Измотанные, мы вернулись в наши блиндажи на Самбековских высотах. За поражение под Ростовом, как известно, был снят с должности командующий группой армии «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, досталось и фон Клейсту.

Е. КОМИССАРОВ. «После вступления наших войск 29 ноября 1941 года, на

следующий день я вышел в город посмотреть, что натворила война. Кругом закоптелые дома. Воняет дымом. На улице Энгельса лежит мужчина, голова прикрыта доской. Приподнял ее и чуть сознание не потерял. Голова раздавлена в лепешку, видно, танком переехало.

Дошел до Старого базара. Все, что могло здесь сгореть, сгорело. И кое-что еще дымится. Лежат обгорелые трупы.

Видно по всему — гражданские люди. Бродят собаки и принохиваются к ним. Напротив главного входа на рынок со стороны Буденновского стоит полуобгоревшая машина «ГАЗ-АА». Вокруг собралась толпа. Мужики заглядывают в кабину. Бабы сморкаются в платки. Заглянул и я. В кабине за рулем сидел обгоревший шофер — солдат. Черный, как негр. Он не согнулся, не скорчился от предсмертной боли. Сидит прямо, опершись спиной о стенку кабины. И черные руки лежат на баранке. Слово это не человек, а памятник из черного мрамора. Символ погибшему на боевом посту солдату.

Снизу от Дона к машине приближается воинская часть. Идут солдаты, измученные долгим переходом. Нагруженные тяжелым снаряжением. Впереди — командир. Поравнялся с машиной, заглянул в кабину. И отшатнулся. Какое-то время молча стоял, поглядывая на машину. Затем как-то вдруг подтянулся. Встал по стойке «смирно», взял под козырек. И подал команду: «Рота-а-а! Равнение направо! Строевым шагом! А-а-а-рш!» Солдаты вытянули шеи, устремили взгляд на командира, на машину. Их смутило несоответствие момента. Но поняли, что команда не зря. И стали печатать шаг... Завыли бабы, засопели мужики... А солдаты рубили шаг.

А. АГАФОНОВ. Когда наши, вошли в город, в первый же день появилась нота Народного комиссариата иностранных дел, подписанная Молотовым: «О зверствах немецко-фашистских захватчиков в Ростове-на-Дону» и листовки. Там, в частности, сообщалось о расстреле 14-летнего мальчика из ремесленного училища — Вити Черевичкина.

Убитого Витю Черевичкина я видел, мы бегали туда. Хотя расстрелян он был не там, где говорилось в листовке. Он был расстрелян в парке имени Фрунзе. И был он постарше. Но это я узнал позже, когда собирал материалы о нем для своей повести. А тогда мы просто увидели: он лежал без головного убора, как бы прислонившись к стене. Пули вырвали клочки из его ватника. Держал он в руках обезглавленного голубя. Рядом валялись тушки других голубей. Потом он стал легендарным. Его именем назвали улицу, сложили песню «Жил в Ростове Витя Черевичкин». Кинокадры и фотодокументы о нем фигурировали на Нюрнбергском процессе.

В. ГАЛУСТЯН. Немцы издали приказ: всем евреям повесить звезды на своих домах. А на пятой линии жила моя подруга Ольга Вайнберг. Мы вместе с ней учились в школе № 8 с первого по шестой класс. И вот мы решили взять ее к себе. Идем, а в это время навстречу бежит толпа. На Нольной улице из углового дома кто-то стрелял и убил двух немцев, и те стали забрасывать дом гранатами. В этом доме жила моя подруга, мы с ней учились вместе после оккупации, и она мне рассказала, как все произошло. Ее отец был в каком-то партизанском отряде и привел партизан в дом. Они сказали: будем выбивать немцев из города. Попросили жильцов уйти. Но те не захотели, а спустились в подвал. И вот когда немцы стали бросать гранаты, дом загорелся, и дым попал в подвал. В этом доме жила семья известного на всю страну гомеопата Рождественского. Сам он находился в то время в ссылке. Его зять стал перевязывать раненых партизан. А дочери своей сказал: бери матрац и беги на крышу. Но она выбежала на улицу и помчалась вниз к Дону. Впереди бежал сосед. Раздалась длинная очередь, и она увидела: голова соседа была срезана пулями и упала. А тот еще сделал по инерции несколько шагов. У нее был такой разгон, что она не могла остановиться и

вынуждена была перепрыгнуть через упавшее окровавленное тело. Успела скрыться за углом.

Тем временем зять профессора Рождественского вывел людей под белым флагом. Немцы загнали их до окончания боя в щель, вырытую в сквере. А после боя вывели и всех расстреляли. Когда немцев уже выбили из города, я бегала туда смотреть. Был митинг прямо у трупов. За трупами приехал грузовик. Один человек выступал на том митинге. Я думаю, что это был тот самый подпольщик, который привел партизан в свой дом. Он рассказал, как уцелел: вышел под белым флагом вместе с жильцами, а в щели, укутавшись в старое зимнее одеяло, забился в угол. Немец, зашедший проверить, все ли вышли, толкнул его прикладом и подумал, наверное, дряхлая бабка и решил ее не трогать.

Я видела картину, когда расстрелянные лежали у стены дома. Там сейчас мемориальная доска. Жена профессора Рождественского лежала навзничь, руки на отлете, на пальце огромное толстое золотое кольцо. Какой-то старик сидел на корточках у водосточной трубы, он так и сполз под пулями на тротуар. После оккупации в школе я училась еще с одной девочкой, Катей Михайликовой. И она мне рассказала, что в этот расстрел попала ее сестра. Пуля пробилась ей подбородок навывлет, но она осталась жива и только потеряла сознание. Она очнулась, когда какой-то парень говорил: «Кто здесь есть живой? Ползите за мной, немцы за углом». И она поползла. Жители соседнего дома подхватили их и оказали медицинскую помощь. Катина сестра перед второй оккупацией решила эвакуироваться. Их состав попал под бомбежку, и она погибла. При расстреле уцелела, а от случайной бомбы не убереглась.

Н. КОРОЛЕВА. Снаряд попал в дом напротив. Там сидели мать, дочь и трое ее детей. И все погибли. Дочь звали Тася, а вот как ее мать звали, уже не помню. После вступления в город наших к этому дому подъехал офицер. Это была его семья, и он ее искал. Я рассказала, как было дело. Красноармейцы раскапывали развалины, всех нашли и похоронили.

М. ВДОВИН: Ведь как воспитывали нас до войны: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Рабочие против нас воевать не будут. Наоборот, рабочие объединятся и вместе будут воевать с буржуазией. Мы же ожидали, что придут немцы, придут рабочие, как же они будут с нами воевать? А оказалось: пришли звери. Мы все это с мальчишками обсуждали. Какие кинофильмы были! «Эскадрилья номер пять», «Глубокий рейд», «Если завтра война», какой-то там удар, «Борьба за Киев», где показывали будущую войну, вот только почему-то наши противники были одеты в форму французской армии, но разговаривали по-немецки. Идея была такая: вражеские солдаты поворачивают оружие против своих же буржуев. Все эти фильмы мы смотрели не по одному разу. Вот какую войну мы ждали. Ведь мальчишки особенно всему этому верили. Поэтому то, что произошло, было для нас полной неожиданностью.

Е. КОМИССАРОВ. Немцы продержались в городе недолго, их вышибли на восьмой день. Ростов был первым крупным городом освобожденным в этой войне.

Ночь, перед вступлением в город наших, мы провели в подвале. Под утро сквозь сон снится мне телега, грохочущая по булыжной мостовой. Просыпаюсь. А это на улице грохочет стрельба. Подбегаем к забору. Щель — наш главный наблюдательный пункт. Боя не видно, стрельба идет где-то слева, со стороны Широкого (ныне Гвардейский) — скоро стрельба здесь прекращается. И переносится куда-то дальше. Слышим топот множества сапог. На противоположной улице из дверей осторожно высовываются головы соседей. И с опаской посматривают в ту сторону. Люди смелеют. Некоторые выходят. Высовываемся и мы. Видим по Широкому бегут солдаты с винтовками наперевес.

Люди очень чутко реагировали на смену власти. Кто посмелее смешивается с бегущими солдатами. С одной заботой, где бы достать харчи, пока новая власть не навела порядок.

Побежал и я. Вернее увязался за нашим квартирантом. Он был начальником одного из отделов на винном заводе со странным названием «Конкордия». На этом заводе работала и моя мама. У начальника появился зуд — он спешил на завод наводить порядок.

Подбегаем к заводу и удивляемся. Там людской муравейник. Ворота — настезь. Разит винищем. Люди тянут, кто что может. Уже и пьяные за стену держатся. Вот мужик обложился бутылками. Неудобно ему, согнулся. Подбородком бутылки поддерживает. Через каждые два шага — бутылка оземь и вдребезги. Другой с неполным ящиком мается. Как муравей с непосильной ношей. Употел, уже и с места сдвинуться не может. Кружится, кружится вокруг ящика. В сердцах выхватывает бутылку, выбивает пробку и из горла: «Буль-буль-буль...».

Вокруг огромной бочки толкуются люди. О чем-то договариваются. Ищут попугачиков. Наконец, трое берутся катить ее. Протокнули метров пять. Встали. Дорога — в гору. Толкать нет сил. С тоской смотрят как более удачливые тянут винище. Бросают бочку и разбегаются. Бочка лениво трогается с места. Набирает скорость, подпрыгивает на ухабах. И об угол. Дно вываливается. Вино рекой. Кто-то пригоршнями черпает и в рот.

Забегаем с моим начальником в его контору. Вижу груды патронов и журналы. Здесь, судя по всему, немцы жили. На спинках кроватей укреплены кровати сетки — на случай обвала потолка от бомбежек. Я патроны в карман, журналы под мышку. Начальник увидел автомобильный аккумулятор. Забирай «говорит» дома с электричеством будем. Раскорячился я, еле поволок. А тут во двор вбегает какой-то командир и восьмизатяжным матом — что за мародерство? И из автомата очередь в воздух. Больно уж громко автомат над ухом затарахтел. Ноги у меня подкосились. Аккумулятор с порожек о камни. Я — мимо того командира и деру. Но как душа не трепыхалась от страха, ручку от гранаты и штык я все же приметил и прихватил.

Л. ВВЕДЕНСКАЯ. После освобождения Ростова от фашистов осенью 41-го года моего мужа, Евгения Афанасьевича, назначили военным комендантом города. А я в это время жила в Астрахани, у родителей. И вот он позвонил и вызвал меня в Ростов. Под Батайском наш эшелон стоял всю ночь. Ростов сильно бомбили. Я увидела тогда город в первый раз. Он в то время еще не был сильно разрушен. И он мне очень понравился.

Мы жили в доме СКВО. На месте цирка был тогда музыкальный театр, а я была страшная театралка, бегала сюда на спектакли, хотя город все чаще стали бомбить.

М. ВДОВИН. Чему был свидетелем весь Ростов между первой и второй оккупациями. Глупая, бездумная попытка овладеть Таганрогом — штурм Самбекских высот одной пехотой зимой 1941–1942-го года. Буквально несколько бригад морской пехоты Тихоокеанского флота прошло через Ростов. Шли моряки в черных полушубках, молодые, красивые... И больше они не вернулись. Город был наводнен комендантскими патрулями по той причине, что солдаты из азербайджанских дивизии, не дойдя до фронта, до Самбека, разбегались. Беглецов потом вылавливали в Ростове и в штрафбаты посылали. А моряков жалко, погибли ни за что. Там сейчас под Матвеево-Курганом стоит якорь.

ЖЕЛЕЗНАЯ ПЯТА «НОВОГО ПОРЯДКА»

Е. КОМИССАРОВ. Вскоре я услышал странное, непонятное слово "эвакуация". Оказывается нам надо было уезжать в какую-то Среднюю Азию.

Эвакуировались целыми предприятиями. С оборудованием, семьями. Готовился к отъезду и кожзавод, где работал отец. Мать сушила сухари, упаковывали вещи. Когда дело дошло до самого отъезда, возникла проблема, как утащить вещи на вокзал. Вещей было много. Тогда отец соорудил небольшую платформу из толстой фанеры, посадил ее на шарикоподшипники. Навалили на нее все и поволокли.

На вокзале нас встретило удручающее зрелище. Обессиленные люди подтаскивали свои вещи. Городской транспорт тогда уже не работал... А многие жили далеко от вокзала. На руках — дети. Многие побросали свои вещи по дороге. Старались сохранить продукты.

Было уже темно. Сам вокзал сгорел. Стоял лишь его скелет. Воняло гарью. Посадка шла ночью. Походила она на штурм средневековой крепости. Никаких билетов, никаких проводников. Вот вагон. Вот толпа. Вот груды вещей. Высокие ступеньки и узкие двери. Вся эта орущая возбужденная детским плачем масса людей была неуправляемой стихией. Когда мы подошли, люди лезли уже в окна. Пока мы смотрели, разинув рты, на это действие, телегу нашу уволокли. Отец кинулся наугад. Оказалось в нужном направлении и наскочил на вора. Вещи отбил.

Он все-таки не растерялся в этой каше. Подлез под вагон с обратной стороны крепко постучал в дверь. Высунулся какой-то железнодорожник. Отец всучил ему пачку денег. И мы вскоре втащили свои вещи с обратной стороны.

Сражение продолжалось внутри вагона, когда поезд уже тронулся, как занять место, куда деть вещи? И что удивительно. Как только состав втянулся на мост через Дон, наступила полная тишина. Мост после бомбежки был аварийный. Все знали это. И каждый думал: «Пронеси, господи!». И пока последний вагон не миновал мост, никто не трепыхался. Но уж когда состав прополз мост, атаки за места возобновились с прежней силой.

Постепенно к людям вернулось их человеческое лицо. Разложили продукты, стали угощать тех, у кого их не было.

А. КАРАПЕТЯН. В школе были организованы разные отряды: как бороться с зажигалками, как сбрасывать их с крыш. Учеба как-то уже не шла.

Все мы ходили на рытье окопов, траншей, противотанковых рвов. В обязательном порядке всех забирали. Мы уходили за город на несколько дней. Рыли только лопатами, никаких механизмов не было. Взрослые были подавлены. У многих дома были маленькие дети, которых оставляли на старших детей. А было еще прохладно. Было очень строго, уйти — нельзя. Хотя мы иной раз убежали. Нас интересовало все, что происходило вокруг, и мы, мальчишки, везде совали свой нос, хотели быть в центре событий. Были какие-то организаторы, которые отвечали за ход работ, были списки.

Во дворе у нас жили пацаны, самый старший Валька Черненко, хулиганистый такой. Отец у него был пьяница. Средний сын, Юрка, был моего возраста, а младший — Толя. Рядом жил Кимка. Где находятся немцы, по радио не передавали. Поэтому мы практически ничего не знали. Кое-что мы узнавали по разговорам, проходили по городу какие-то воинские части, от них кое-что узнавали. У нас, пацанов, было возбужденное состояние ждали больших событий, чувствовали: мы в них тоже участвуем.

Л. ШАБАЛИНА. Весной 42-го Ростов снова стали сильно бомбить. Сначала мы прятались под столом. К нам прибилась какая-то большая собака. Когда немцы налетали на город, они иногда с самолетов бросали бочки со смолой. И вот эта собака попала под смолу и ходила вся черная. И потому нас никто с ней не пускал прятаться. А потом нас стала звать к себе баба Дора, мать соседа Петра Котлярова: «Идите к нам, вместе умирать будем».

В. АНДРЮЩЕНКО. У нас была собачонка. Перед бомбежкой садилась в подвале у

входа. Одно ухо, которое внутрь подвала направлено, — лежит. Другое на улицу торчит, слушает откуда и чьи летят самолеты. Она по звуку различала наши и немецкие. наших не боялась, а при полете немецких пряталась в подвал.

Мы жили в Рабочем городке рядом с железной дорогой и ее часто бомбили. Мне уже потом летчики рассказывали, что бомбить ее очень трудно — много бомб сыпалось на ближайшие дома. У меня в притолоке над дверью до сих пор осколок торчит. Стал я недавно там что-то подправлять и руку поранил. Думал, гвоздь, а потом смотрю — кусочек железа. Однажды бомбежка началась так неожиданно, что мама (Татьяна Трофимовна ее звали) не успела снять с плиты кастрюлю. Вспомнили о ней уже в подвале. Я и говорю: дай я сбегаю и сниму ее. Бомбежка бомбежкой, а еда ценилась высоко, вдруг все подгорит. Вроде бы притихло немного, я и выскочил. А в это время новая волна налета. Бомбы стали падать где-то рядом, и дверь наша на петлях болтается туда-сюда — от взрывной волны. Скрип стоит страшный. И вот что меня поразило: я боялся не бомб, а почему-то этой двери. Ухватился за нее, повис и стараюсь остановить. А она вместе со мной раскачивается, а я все о стенку стучаюсь...

Т. ХАЗАГЕРОВ. 22 июня 42-го года была жуткая бомбежка. Может быть, немцы так хотели отметить годовщину войны. Это случилось часов в 16–17. На улицах было много гуляющих. А наша служба противовоздушной обороны не успела дать сигнал тревоги. Бомбы упали в районе горсада прямо в толпу людей. Было очень много трупов. На телегах везли кровавое месиво. Страшно смотреть было! Какова была цель такой бомбежки? Трудно сказать. Никаких важных военных объектов рядом не было. Наверное, чтобы запугать людей.

В. ЛЕМЕШЕВ. Когда бомбили железную дорогу, то иногда бомбы попадали в составы со снарядами. Вот тогда были чудовищные взрывы. Земля тряслась, и все было в громадном зареве. Колеса, куски вагонов долетали чуть ли не до Красноармейской. Если такой кусок железа упадет на хату — хате привет.

Л. ВВЕДЕНСКАЯ. В наш дом попала большая бомба, убило двух стариков. И мы переселились в здание, где сейчас находится гостиница «Южная», тогда это был жилой дом. Там были необычайно глубокие подвалы. К середине лета город стали бомбить все чаще и чаще. Всех родственников работников гарнизона эвакуировали. Я уезжала последней. Вернее, меня увезли. Чуть ли не в ковер завернули. Я уговаривала уехать со мной двух старичков, наших соседей. Они — ни в какую: «Тут и умрем!».

А. КАРАПЕТЯН. На нашей улице стояла медицинская машина госпиталя. Это было перед вступлением немцев в Ростов в июле 42-го. А тут налет. В это время хирург делал какую-то операцию. Самолет прострелил очередью эту машину. Врача всего распотрошило, а санитарку убило сразу. Я открываю дверь, а он кричит: «Дайте мне яду!». Понимает, что рана смертельная, чтобы не мучиться. Увидел меня: «Пойди, возьми такой-то пузырек». А откуда я знаю, что там, где написано. Посмотрел — ничего что он сказал, не нашел. И никто больше к нему так и не подошел. Немцы пришли, а он уже мертвый лежал.

А. ГАВРИЛОВА. Перед второй оккупацией город страшно бомбили.

Я смену отрабатывала, кто-то прибегает и кричит: спасайте детей, бараки горят. А они находились недалеко от железобетонного завода, где я работала. Пока прибежали, десять барачков сгорело. Только два кирпичных осталось. Тот, в котором я жила, как раз уцелел. Недели две отбоя воздушной тревоги вообще не было. Многие так и сидели по подвалам. Перенесли туда раскладушки, керосинки, готовили еду.

Б. САФОНОВ. Во время бомбежек мы поднимались на крышу — тушить зажигалки. Но наш дом, а он стоял на углу Пушкинской и Соколова, уцелел, даже ни одна зажигалка не

попала.

А. АГАФОНОВ. Отступая, наши взорвали железнодорожный мост. Его часто бомбили, но он каким-то чудом держался. Еще в августе 41-го года в одну из самых первых бомбежек Ростова немецкий самолет сбросил огромную бомбу, наверное, в тонну весом. Она взорвалась недалеко, на переезде, и угодила в двухэтажный дом. Так его рассекло на две части, и видно было все комнаты.

Немцы нашли чертежи взорванного моста, а построен он был в 1914 году, и из Франции привезли готовые фермы, и быстро мост восстановили.

Б. САФОНОВ. Немцы наладили и другой мост, там рядом был наплавной для транспорта и пешеходов. Согнали наших пленных и из разрушенных соседних домов сделали спуск, до этого там был очень крутой съезд.

А. АГАФОНОВ. Уличных боев летом 1942 года в городе тоже не было. И снова баррикады мешали нашему отступлению. На нашей баррикаде появился лейтенант и два бойца. Сказали, что они будут держать здесь оборону. Прикрытие, наверное. Они заходили к нам во двор, разговаривали с женщинами. Лейтенант показывал еще фотографию своей семьи. Немцы, конечно, их убили. Женщины похоронили их прямо на улице, у стены дома. Позже, уже в 60-е годы, на этом месте как раз поставили какую-то забегаловку. Жильцы дома долго протестовали, говорили, что здесь похоронены в годы войны красноармейцы. И наконец, добились своего — забегаловку убрали. Стали раскапывать могилу. Сначала показались сапоги, потом останки. Искали паспорта, но никаких документов не нашли. Фотография истлела, на ней уже ничего нельзя было разобрать. Их перезахоронили. И ту щель, куда в 41-м закопали снаряды, тоже вспомнили. Начали газ проводить, жители и показали, где они зарыты. Приезжали саперы, обезвреживали их.

Л. ГРИГОРЬЯН. Перед самым приходом немцев мы с бабушкой, мамой, соседями начали своим пехом отступать. Дошли до Александровки. Попали под обстрел. Прятались в доте. Для боевых действий он не пригодился, а вот нам послужил. Из этого дота мы и услышали немецкую речь. Выбрались и пошли обратно — по домам.

М. ВДОВИН. В первую оккупацию отец, его звали — Алексей Николаевич, уходил из города. Эвакуации мирного населения практически не было. Приехал сюда Семен Михайлович Буденный (это было в 42-м году) и сказал: я Ростов в 20-м году брал, я его и оборонять буду. Для немцев здесь будет могила, второй Севастополь. Для того, чтобы выехать из города, даже совсем недалеко, нужно было иметь разрешение. Чтобы выехать в другой город, необходимо было иметь вызов из этого города и согласие местных властей. Так вот, моя крестная мать, старшая сестра мамы, жила в Грузии. Она прислала свое согласие принять нас, справку Кутаисского горисполкома, что жилплощадью она обеспечена и может приютить семью своей сестры. Куда только не обращалась моя мать, куда только не ходила — и в милицию, и в городскую администрацию, разрешение на выезд не дали. Ростов, мол, сдаваться не будет, а будет обороняться, вы нужны здесь. А немцы подошли к Ростову стремительно. Уже позже я узнал, что причиной такого стремительного наступления был разгром наших армий под Харьковом.

Когда я учился в 1951 году в РИИЖТе, нас повезли на лагерные сборы в Сталинград, в полк железнодорожных войск. И вот наш взводный, ветеран войны, участник харьковского сражения, рассказывал (он был в плену); немцы нас под Харьковом в плен сначала не брали, так торопились вперед. Нас окружили, разбили, Мы бежим по дороге, как стадо, а немцы на машинах, на танках нас обгоняют и кричат: «Рус, уходи! Рус, уходи в сторону!» Передовые войска рвались на юг, пленных уже подбирали тыловые части. Вот такой страшный был

прорыв, и падение Ростова было тоже результатом харьковского поражения советских войск. Я в 1993 году по телевидению видел четыре немецких кинофильма, выпущенных в ФРГ к 50-летию завершения Сталинградской битвы, в них была и кинохроника. И в самой первой серии прошла такая информация: на фоне портрета Тимошенко немецкий генералитет на полном серьезе, с участием Гитлера обсуждает вопрос о награждении Тимошенко рыцарским железным крестом за то, что он «помог» Германии под Харьковом. После этого поражения Красной Армии немцы двинулись на Волгу и на Кавказ.

Конечно, кто-то пытался выбраться из города сам, когда фашисты уже приближались к Ростову. Но потом все вынуждены были вернуться. Немцы наступали настолько стремительно, что, когда народ побежал, многие попали в те места, где были уже немцы. Предприятия начали эвакуировать 12 июля. Все были мобилизованы на строительство оборонительных сооружений. Их строили как в самом Ростове, так и за городом. Была объявлена норма часов отработки на строительстве этих самых сооружений. Какая была норма, я уже не помню. И если ты справки не предоставишь о том, что ты, скажем, в феврале отработал нужное количество часов, хлебную карточку на март не давали. Норма на хлеб была введена еще в сентябре 41-го года. Рабочие получали 800 граммов хлеба, служащие — 600 граммов, иждивенческая и школьная норма — 400. После же второй оккупации с 1 апреля нормы были снижены: рабочие — 600 граммов, иждивенческая, школьная карточка — 300 граммов.

Оборонительные сооружения строились так — перекапывалась улица, оставался только узкий проход возле дома. И возводили кирпичные баррикады метровой толщины. Оставался и проезд для трамвая. Бойницы были направлены на север и на запад — оттуда немцы пришли в ноябре 41-го. А во второй раз немцы пришли с востока, со стороны Новочеркасска. В этих баррикадах «завязли» наши танки и другая техника при отступлении. Танки были, правда, в основном легкие — БТ-5, ВТ-7, БТ-26. В том районе, где мы жили, я видел их десятка полтора. Видел я один танк Т-34, он стоял напротив главной проходной Лензавода по проспекту Ставского и один КВ — на углу Московской улицы и Буденновского проспекта. Было много машин. Немцы эти грузовики позабирали себе. Что меня удивило: из танков БТ-26 они вытаскивали моторы, очевидно, к их танкам они подходили.

А. КАРАПЕТЯН. Наша армия начала отступать почти за месяц до прихода немцев в город — с Донбасса. Шли танки, артиллерия. Двигались в основном ночами, конница топала, как на параде. Мосты тогда страшно бомбили — и на Буденновском, и Аксайский, и наплавной на 29-й линии. Мы лазили на крышу и смотрели, как шли в пике немецкие самолеты. Почему город серьезно не обороняли, не знаю, ведь сил для этого было достаточно.

Отступала целая армия: 56 или 58-я. Мы тогда еще говорили, зачем нужно было строить баррикады, они только мешали продвижению наших войск. Едет большое орудие и не проходит между баррикадами, вынимают замок, а его бросают.

Вместе с военными шли и колхозники, гнали свиней, коров, овец. Двигалась настоящая армада: поток беженцев с подводами, люди тащили вещи на себе, катили тачки... Катят пушку, и тут же тащат на веревках баранов. И вся эта масса людей оседала на улицах, прилегающих к Дону. Переправиться было почти невозможно: авиация висела над рекой. Солдаты набивались по домам, по дворам или просто сидели на улицах.

М. ВДОВИН. Жуткая бомбежка была 22 июня, в годовщину начала войны. Началась она приблизительно в семь часов вечера. Была тихая ясная погода. Я шел по Садовой улице, потом свернул в городской сад. В центре было много народа. Люди стояли на трамвайных

остановках. На углу Буденновского и Островского был спецмагазин для детей — там стояла очередь. В это время вой моторов пикирующего самолета и свист бомб. Я шел как раз по главной аллее сада. Сразу метнулся в сторону и упал. Раздалась серия взрывов. Самолет сбросил много мелких бомб в квадрате переулков Островского, Соборного, улицы Садовой и Темерницкой. Одна из бомб разорвалась на вершине фонарного столба на углу, у входа в нынешний ЦУМ (тогда там была библиотека госуниверситета) и накрыла сверху осколками все трамвайные остановки. Страшно, что там было, — кучи тел.

После этого городской комитет обороны принял решение: взорвать колокольню у собора — она служила ориентиром для фашистских летчиков. Был назначен день взрыва и время — три часа ночи. Все население, жившее в округе, эвакуировали. Ее взрывали целую неделю, но так взорвать и не смогли — дошли только до половины. Постройка была очень крепкая. И уже после войны пленные немцы ее разбивали и сбрасывали кирпичи.

В. ЛЕМЕШЕВ. Сначала я ходил в бомбоубежище, а отец — нет. Он на одной ноге — куда ему! Он на все смотрел оптимистично. Все шуточками отделялся и этим как бы поддерживал себя. Да и нас тоже. Потом перестал ходить и я. Надоело. Чувствую, что отец рядом, и мне не страшно.

А сестричку отвел я к крестной. Она жила одна с дочкой, муж и сын были на фронте. У нее — частный домик на Красноармейской, вероятности, что попадет бомба, — меньше. Они прятались во время бомбежек в маленьком подвальчике. Слава богу, что Тане нашелся такой приют.

М. ВДОВИН. В феврале-марте 1942 года разведывательные полеты немецкой авиации были почти ежедневными. Но город не бомбили. Как сейчас помню, 11 апреля звено пикировщиков совершило налет на станцию Ростов-Гора, где-то около 18 часов вечера. Это нынешний район улицы Мечникова, Комсомольской площади. Станцию разбомбили. С середины июня начались ночные полеты над Ростовом, иногда сбрасывали мелкие бомбы. Но первый массированный налет на город состоялся 8 июля. Он продолжался около трех часов. Налет был страшный. На следующий день Ростов не бомбили, и мы с отцом пошли к нашим родственникам. По Буденновскому было очень много воронок и разрушений. Стояли разбитые трамваи. После 8 июля трамваи больше уже не ходили. Их пустили только 1 июня 43-го года. 10-го снова был налет. У путепровода через железную дорогу была большая нефтебаза, стояли цистерны — это там, где сейчас идет поворот на улицу Портовую. Цистерны загорелись, был страшный пожар. И с тех пор ежедневно — по несколько массированных налетов. Тут у людей выработалась своя система самоспасания. Щели, убежища мало помогали. Люди прятались под кровати. Оставался живым в разрушенном доме тот, кто прятался под кроватью, потому что спинки и сетка кровати удерживали обломки, когда потолок обрушивался. Это относится, конечно, к небольшим домам. Соседи знали, где засыпанных искать. Бомбежки продолжались по 21 июля включительно. 21-го бомбежка была сутки: как утром началась, так весь день и всю ночь. Видимо по приказу отступающих наших частей фабрика ДГТФ была взорвана, подожжена, и гудок гудел всю ночь. Это был сигнал к оставлению города. 22 июля немцы бомбили переправы. Через Ростов шли наши отступающие части. К вечеру передовые части противника уже вошли в город. 23-го и 24-го шли уличные бои. К вечеру 24-го немцы Ростовом овладели полностью. 25-го оккупанты стали ходить по дворам, собирать мужчин и меня подхватили. Мне было 13 лет, но рост у меня высокий был. Построили всех в колонну, повели в полевую комендатуру. Она помещалась на Ростов-Горе. Как только Комсомольскую площадь перейдешь, по четной стороне стоит группа белых трехэтажных домов. Оттуда людей разводили на уборку города

— убирать трупы. Убитых было очень много. Своих немцы хоронили сами. А наших военных и мирных жителей собирали ростовчане.

Мне удалось сбежать — соседка помогла. Мы идем по улице, а немец нас сопровождает. Я увидел ее и подвинулся к краю колонны, она подошла ко мне, о чем-то там болтает, а сама меня под руку взяла. Когда немец отвернулся, она меня — раз и вытащила из этой колонны. А отец, дедушка и дядька так и пошли. Их потом послали за Дон.

25-го утром немцы уже навели понтонную переправу через Дон, и машины и пехота устремились на юг.

Ш. ЧАГАЕВ. В июле 42-го я наблюдал воздушный бой над Ростовом, над Олимпиадовкой, в районе Ленгородка. Схватились четыре «Мессершмидта» и два наших ЯКа, такие «вертки» самолеты. Уходили наши бомбардировщики, и два истребителя прикрывали их. Самолеты то взмывали, то устремлялись вниз. Сначала наши подбили один «Мессершмидт», тот задымился и пошел в сторону Гниловской. Один «Мессершмидт» успел в это время подняться выше, другой был внизу. Они начали расстреливать ЯКов. Один загорелся, а другой ушел сам, чувствовал, что ему не справиться с тремя, да и наши бомбардировщики уже улетели. А подбитый ЯК кружил-кружил, задымился. Сначала взмыл вверх, а потом резко пошел вниз, весь в клубах огня и дыма. Он врезался в насыпь между гвоздильным заводом «Пролетарский молот» и бывшим переездом, там сейчас находятся вагоноремонтные мастерские. Летчик выпрыгнул, а спасся он или нет — не знаю. Самолет весь ушел в насыпь, только хвост торчал. Наши, когда вернулись, срезали его, а самолет до сих пор в земле находится. 25 июля на нашей улице началась грабилька. Опыт у всех был после первой оккупации. Недалеко от нас находился завод «Вулканид», там выпускали разные детали для автотранспорта. Все с наших улиц Дальневосточной и Некрасовской устремились туда. Они непосредственно выходили к этому заводу. Сейчас этот завод называется «Стройкерамика». Двигались туда старики, старухи с тачками, с сумками. Тащили все, что было возможно. Одна девчонка, моя соседка, взяла всего-навсего два портрета — Ленина и Сталина, в таких дешевеньких рамочках. И вот она их прижала к себе и тянет домой. Дотащила до нашего дома. Выскочила одна бабка, ее звали Прохоровна. И кричит: «Ты что несешь?» А та отвечает: «Я хочу их спрятать». А бабушка у этой девочки была коммунистка. А в нашем районе никого не выдавали. Но дома девчонка получила, видимо, нахлобучку, вытащила эти портреты и поставила возле нашего дерева. А все хорошо знали, что за эти портреты можно поплатиться жизнью. Я с дружкой взял эти портреты и перенес к следующему дому. Соседи передвинули их еще дальше. Таким образом они дошли до самого конца нашей улицы. Ведь никто их не мог уничтожить — немцев-то еще не было. Когда появились самые первые немецкие мотоциклисты, забрали портреты. Сначала у них был восторг телячий. Но ни стрелять в них, ни рвать их они не стали, положили в коляску и увезли.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. В нашем доме стояли наши солдаты. Один раз принесли тяжелораненого, у него оторвало ногу. Рядом с ним все время стоял его товарищ, утешал. Врачи были молодые девушки, одна из них — из Ростова. Мама уговаривала ее остаться. Разговор этот проходил перед самым приходом немцев. Мама говорила: «Мы тебя спрячем, ты посмотри, что делается на переправе! Вас всех убьют». Мама уговаривала ее, как маленького ребенка. Девушка возмущалась предложением матери: «Как ты можешь мне предлагать такое?». Я — совсем девчонка, а уже понимала: вот это и есть патриотизм, героизм.

В то время у людей разговоры о том, уходить или оставаться, были совершенно

обычной темой. Все думали о самоспасении. У людей были и сомнения — ведь немцы перли всюю.

В. ЛЕМЕШЕВ. Летом 42-го город горел страшно. От горящего рыбного магазина шел такой жар, что здания напротив стали дымиться, загорелся «Энергосбыт». Стекло плавилось, лилось — кошмар. И в это время летят ночные бомбардировщики — никакого ориентира не надо, все освещено, как на ладони. От бомбежек прежде всего страдало мирное население.

А. КАРАПЕТЯН. К нам во двор пришел военный — Авдей, не знаю уж, какой у него был чин. Он родственник нашего соседа. И остановился вместе со штабом истребительного батальона у нас на квартире. Комиссара звали Николай Иванович Гуляев, сам Авдей ведал у них продовольствием. Был еще с ними какой-то замполит и начальник госпиталя. Госпиталь расположился до самой Первомайской — на телегах и на машинах. Там и раненые, и белье, и инструменты. Рядом во дворе стояла штабная «эмка». Кирали они день и ночь, стреляли-палили в воздух, женщин приводили. Я был у них на побегушках: «Артем, принеси то, принеси другое. Передай тому, приведи этого». Часть-то разбросалась по всей улице. А мама с сестрами пряталась в подвале со своими вещами. Подвалы были набиты битком. У каждого своя свечка, свой узел.

И вот чувствуется, что немцы совсем близко, паника усиливается. Они не только уже бросали бомбы, но из самолетов расстреливали, людей из пулеметов. Во дворе у нас еще расположились две санитарки из того госпиталя. Они то гимнастерки оденут, то гражданские кофточка, в зависимости от слухов, где немцы. Во дворе кучковались солдаты, сержанты, сидят что-то кушают... Подойдешь: «Дядя, дай ружье, самолет летит». Он: «На, постреляй».

Н. КОРОЛЕВА. Наши идут по улице, а я положила руки на забор и плачу. Подходит ко мне офицер: «Не плачь, сестрица. Помоги мне лучше коня где-нибудь пристроить». А конь красивый, белый. Куда же его можно спрятать? И вспомнила: недалеко жил драгель, и показала, куда отвести лошадь.

А. КАРАПЕТЯН. В последние дни перед вступлением фашистов в городе была страшная паника. Некоторые снимали колеса с машин и переправлялись через реку на камерах. Дед Ваня говорит нам: «Ребята, вот немцы придут и будем голодать». Подходит к солдату: «Эй, пристрели вот эту корову, а то мычит, спать мешают». Тот шарах ей в лоб. Она упала. «Мальчишки, тащите топоры!» Мы, конечно, не знали, как мясо правильно рубить, покрошили, как попало, вместе с кожурой. А бабки причитают: «Безбожники, что же вы делаете!» Во дворе стояли бочки с водой для тушения «зажигалок». А там уже головастики. Дед нас учит дальше:

«Переворачивайте бочки! Тащите в сарай». Мы стали пересыпать мясо солью. Паника паникой, а мы заготовками солонины занимались. И как нам она потом пригодилась!

В истребительном батальоне был парень Яков, у него был мотоцикл, он был вроде связного при штабе. А штаб не знал, где немцы находятся. Яков должен был ездить на окраину города и узнавать, что же происходит. Авдей говорил: «Мы не можем уйти, мы должны прикрывать отступающих. Они — как смертники в ловушке. Яшка в очередной раз уехал в разведку, помчался на Сельмаш. А штаб сидит дома. В это время прошли по улице первые немецкие танки. Они шли с закрытыми люками. Почесали куда-то по улице, что вокруг происходит, их не интересует. Они отвечали только на выстрелы. А армия валется по всей Нахичевани. Комсостав моментально стал переодеваться. Первыми переоделись начальник госпиталя и Авдей, у них одежда была уже заготовлена. А Николай Иванович был такой здоровый, мордатый, в общем, громадный человек — одежды для него не нашлось. Зовет меня: «Артем, тащи мне вещи». Еле рубаху напялили брюки короткие, обуви не

нашлось сапоги армейские были тогда зеленые, брезентовые. Он кричит: «Бели мне сапоги!» Встал я на корточки, мажу сапоги зубным порошком. Получилось чучело.

Прибежала мать. А она у меня была кандидатом в члены партии. Активистка, в красной косынке бегала, больше занималась общественными делами, поэтому нас отец в детстве смотрел. Они к ней: «Спасите нас!». Начальник госпиталя говорит: «Я вас прошу, скажите, что я ваш муж. Спасите, у меня трое детей». У него почему-то еврейский акцент прорезался. Так человек был напуган.

Сначала мы их потащили в подвал, где сидели все жители. Как увидел народ, что мы пришли с такими амбалами, — в крик. Всем же ясно, что это переодетые военные. Все на нас напором: «Хотите, чтобы нас всех перестреляли?» Ведь по опыту первой оккупации знали: за укрывательство красноармейцев — расстрел. Не только их не пустили, а еще и нас выгнали и шмотки наши выбросили. А кто-то даже крикнул: «Предатели, не воюют, а по подвалам прячутся! Тащите пулемет, сейчас их перестреляем».

Берем мы этих четверых и тащим на 16-ю линию к нашим родственникам, Те, как увидели: ой! в обморок упали. Хоть отливай. «Куда вы их привели, у нас же семья. Уходите! Мы погибнем». А куда деваться? Повели мы их на квартиру на 6-й линии, где никто не жил, там и пристроили.

А когда они переодевались, оставили свои пистолеты, портупеи, на которых были написаны их фамилии, имена — отчества. Я все это спрятал в сарай. И скоро они пригодились.

Только я отвел комсостав истребительного батальона, который стоял у нас на квартире в другой дом, на 6-ю линию, и сразу домой. Возвращаюсь, слышу пальба. Перелез через забор и из разбитого окна разрушенного дома на 18-й линии попадаю прямо в наш двор. И вижу такую картину. Оказывается Яков, который был в штабе связным, вернулся с Сельмаша. Он уже знает что немцы в городе. Кинулся, а командного состава нет. Солдаты ему говорят, что они уже умотали. Он хватает автомат, гранату и выскакивает на улицу. А танки уже идут с открытыми люками, почувствовали безопасность. Немцы по пояс. Он бросает гранату, попадает прямо в башню танка и убивает двух танкистов. Танк разворачивает пушку и как шархнет. Попал в троллейбусный столб. Их перед самым началом войны поставили, тогда троллейбусы стали ходить. Яков встал за дерево — и из автомата. И кричит: «Мать вашу-перемать!».

А танк с ним ничего сделать не может. Немцы люк закрыли, башню крутят, а пулемет не развернешь, слишком маленькое расстояние. У Якова же патроны кончились. А следом мотоциклы идут по три в ряду. Мотоциклисты заловили Якова в подъезде. И закололи кинжалами.

Танки пошли дальше, кроме того, в который Яков бросил гранату, а мотоциклисты ворвались во двор. Те две женщины-санитарки в этот раз не успели переодеться. Их так в военной форме затащили в сарай, изнасиловали. Двое наших солдат лежали на земле бухие. Подходит к ним фашист, ногой толкнул: «Русский свинья» и пулю в лоб каждому. А кто руки поднял, тех выводят на улицу. Там команда была, которая собирала пленных. Кто не понравился, убивали на месте, тут же у них и отсев шел.

Нас, мирных жителей, кто был во дворе, поставили к стенке. И дед, и бабка, а им под восемьдесят — стоят я, соседи. В это время примчался во двор еще один сосед, Федя. Увидел картину такого разбоя и хотел в туалет спрятаться. Немцы ему: «Хэнде хох!». А раньше как — вокруг уборной все загажено. Кто-то шарях у него над головой, он и повалился лицом в дерьмо.

А в то время у немцев наступило время обеда. Они все бросили, достали какие-то брикеты, спиртовочки и начали заваривать кофе. И наяривают на губных гармошках — о-ля-ля. Женщины, которых изнасиловали, пищат, кто-то ноет, мы у стенки с поднятыми руками стоим, Федя в дерьме валяется, а немцы обедают... К нам их человек шесть во двор зашло — эсэсовцы. Короткие штаны, каски, рукава закатаны, с одной стороны кинжал, с другой пистолет. Все отборные, здоровые — один вид пугает.

Но надо же как-то искать выход из положения. Я поворачиваюсь к одному: «Пан! Нике партизан, никс коммунист. Я могу кофе приготовить». А у него пистолет под рукой лежит. Он шарах. Пуля у меня над ухом — тю-ю-ю и еще раз — тю-ю-ю. Я чуть не оглох. А ему удовольствие меня пугать. Сосед мне: «Молчи! А то поубивают!». А руки уже держать над головой сил нет.

А Яков, которого немцы тоже приволокли из коридора во двор, оказался еще жив. Лежит на спине, дышит и шепчет: пить, пить. И рядом с ним красноармейская каска валяется. Я немцу: «Пан, вассер», — показываю на Якова. Он снова за пистолет и над моим ухом — раз-два. Другой подходит и прямо в лоб Якову выстрелил. Он только брыкнулся.

В это время во двор заходят эти самые танкисты. И показывают знаками, что им нужно сделать гроб, нужен плотник. Я опять: «Я знаю, где плотник живет». Привел я туда немца. А это был не плотник, а столяр. Он лежал под кроватью. Стояли кирпичи под сеткой, все ночами спали под кроватями, боялись бомбежек. Кое-как из дверей, каких-то досок состряпали два гроба, я активно помогал. Не стоять же у стенки.

Эсэсовцы кофе попили и уехали. Танкисты же нам не мстили. Война идет, причем же здесь мирные жители. Выкопали мы у себя во дворе яму и засыпали землей наших солдат. А Якова отнесли в парк и похоронили там, где наших бойцов закапывали после первой оккупации.

А немцы своих танкистов похоронили у входа в нахичеванский рынок. Там сейчас на площадке киоски стоят. Поставили кресты и повесили каски. Это были первые могилы оккупантов. Потом их там стало целое кладбище.

В. КОТЛЯРОВА. Вторая оккупация немцев тоже была внезапной. Самые первые детские впечатления, а мне было в 42-м 8 лет, врезались в память. Немцы купаются у нас во дворе. Был жаркий день, и они плескались у колонки голые. Нисколько нас не стеснясь. И еще запомнились их огромные лошади. Они их тоже мыли. Потом они поставили в Кировском скверике деревянные настилы для уборной. И не стали делать загородку. Усядутся, выставят голые задницы. Они нас вообще за людей не считали — как говорила мама.

А мне дед рассказывал, что в этом скверике у немцев в 1918 году было кладбище. А нынешние этого, конечно, не знали. Вот дед и говорил: «Пусть теперь они на могилах своих соотечественников в уборную ходят».

А. КАРАПЕТЯН. Через два дня приходит наш родственник с 6-й линии и говорит: «Командиры просят тебя, Артем, к ним прийти». Я пришел. Спрашивают: «Где наше оружие?» Они, наконец, протрезвели и поняли, что у них один выход — выбираться из города. Комиссар им стал читать «политику». Мы коммунисты, билеты свои не порвали, будем уходить каким-то образом. Говорит мне: «Уходя, мы выбросили в подвал сейф из эмки и спрятали его в тряпках, на тебе ключ. Там деньги и документы. Деньги возьми себе, а документы и оружие принеси нам».

Немцы эмку пожженную, избитую выбросили на улицу, а во двор поставили свою машину. И один чинит скат. Взял я своего приятеля и пошли. Я ему говорю: ты вроде немцу

помогай скат ремонтировать, а я спущусь в подвал, там ковыряться буду. Нашел я этот сейф, запихал за штаны, за ремень, за пазуху все, что там было. А когда вылезал, что-то у немца нечаянно зацепил, так он мне еще по башке двинул.

Так что наши недолгие квартиранты взяли оружие и ушли. И Николай Иванович Гуляев, и Авдей, и замполит, и начальник госпиталя.

В. ВИННИКОВА. Вокруг нас немцы стояли на квартирах, а у нас не было. Мама их обдурила. Они подходят к нашему дому, она мне: «Ложись скорее в кровать!». Заходят. Она им: «У нас ребенок умер. Второй лежит больной». Они шапки сняли и ушли. Мама была очень смелая и их не особенно боялась. У нас в сарае были еще куры. Один заходит во двор, рукава по локоть засученные, и прямо к сараю: «Курки! Яйки!». Она встала перед ним: «Сейчас к коменданту пойду!» А своего коменданта они, видать, боялись. А если немец оказывался нахальным, приговаривала: «Жри, чтобы ты удавился!». Зашел как-то немец на огород и прямо по помидорам в сапогах топает. Она ему: «Куда прешь, помидоры для киндер». А ему самому рвать не хочется, он норовит выхватить у матери прямо из подола. А она не дает. Так отец ее потом ругал — он же тебя убить мог.

В. АНДРЮЩЕНКО. Как-то мимо нашего дома проезжал офицер на мотоцикле. Увидел меня, остановился. Поманил к себе пальцем. Я, конечно, страшно испугался. Но делать нечего — подошел. А он достает из коляски игрушечную пушку и протягивает мне. Деревянная, довольно большая. В стволе — отверстие, есть пружинка, можно было заряжать небольшие камешки и стрелять ими. Стал я с той пушкой на улице играть. И вот немцы проходят рядом кто удивится, кто ногой ее пнет. Но не трогали.

Д. ПИВОВАРОВА. Мы жили в районе Александровки, ближе к Дону. Мама, Евгения Андреевна Гайбарова, работала на железной дороге, учетчиком. Когда ей предложили эвакуироваться, она отказалась, эшелон ушел, но его разбомбили под Батайском. «Бог Спас!». Мне было тогда 6 лет.

Мама до последнего работала на вокзале. Ходила пешком с Александровки на вокзал. Во время налетов военные всех загоняли в бомбоубежище. Она начинала читать молитвы вслух. Около нее собирались люди. «Читай громче!» «Живые помощи...».

Мы жили тогда в одноэтажном доме, несколько квартир, небольших совсем. Общий коридор. Одна семья уехала, и мы стали жить немного «попросторнее». Бомбили Аксай очень сильно — здесь же был наплавной мост через Дон. На железной дороге стояли составы без локомотивов. Там было продовольствие. Как оно тут оказалось? Все горело. Особенно было жалко зерно — это ведь самое главное — хлеб. Потом женщины выгребали это обгоревшее зерно...

Л. ВВЕДЕНСКАЯ. После первой оккупации мой муж снова работал военным комендантом города. Он мне потом рассказывал перед самым вступлением немцев, летом 42-го, раздается в комендатуре телефонный звонок из какого-то продовольственного магазина с окраины. Продавщица и говорит «В магазине немцы с автоматами. Можно ли им что-либо продавать?» Муж ей: «Удирайте скорее! И если сможете, запирайте магазин!» Вот психология наших людей: все спрашивать у начальства, даже в такой нелепой ситуации. Так муж узнал, что немцы уже в городе. Уходил он одним из последних. Машина попала под бомбежку. Он успел открыть дверцу и выпрыгнуть в кювет, а через несколько секунд автомобиль вместе с водителем взлетел на воздух.

Л. ШАБАЛИНА. Когда немцы уже входили в город, я с соседкой Верой Борисовной (фамилию я ее уже забыла, она была бывшей хозяйкой нашего дома) пошла на ссыпку, в амбары, вниз к Дону, что-нибудь раздобыть из продуктов — как все. Взяли пшеница в

мешочках на плечо и вверх. А в это время немцы на улице показались. Стоят на подножках машин, стреляют во все стороны. Люди разбежались, некоторые падали. Нас Бог пронес.

А потом мы с ребятами нашего двора Колькой Гринюком, Сашкой Исаевым пошли в Нахичевань на мыловаренный завод. Подсолнечное масло лилось прямо по улице. Кругом стрельба началась. Мы отсиживались в какой-то уборной. Но не идти же домой с пустыми руками. Набрали по дороге каустической соды. Пока я шла вспотела было жарко. И эта сода разъела всю блузку. А она у меня одна-единственная. Мать меня так тогда отругала. Дорого досталась мне та сода.

В. ЛЕМЕШЕВ. Мы определяли места боев после вступления немцев в город. Много нашей техники было на вокзале. А на Ростов-горе, там, где проходила железная дорога, было вообще страшное месиво — бомбили то место ужасно. На углу улиц Буденновской и Московской, там, где сейчас трамвайное кольцо маршрутов 6 и 16, был раньше бульвар. Там стоял тяжелый танк ИС. Он врезался в изгородь, но не сгорел, был только подбит.

В. ВИННИКОВА. Недалеко от нас горели склады. Зарево было видно издалека и такой треск стоял, что просто жуть. Немцы входили в город веселые. Сидят на танках, машинах, улыбаются смеются... Я смотрела в щелку, через забор.

Т. ТАРАСОВА. Перед приходом немцев мы сидели 8 суток в подвале — прятались от бомбежек. Это дом на Соколова и Станиславского, за Госбанком там сейчас во дворе «Союзпечать» находится. И вот немцы заходят во двор. А у нас один сосед немного говорил по-немецки. Он вышел и стал объяснять, здесь только старики, женщины и дети. Немцы стали кричать пусть мол, выходят. Хотели проверить. И вот мы стали выбираться из подвала. Мне было 10 лет, а идти я тогда не могла — все тело было в чирьях. Мама меня вынесла, на руках. И вот первое, что я увидела, направленное на нас дуло автомата. Страшно было, словами не рассказать. Но немцы нас не тронули. Походили по двору, кое-что забрали в квартирах, велосипеды в первую очередь.

Л. ГРИГОРЬЯН. Стою я на углу Буденновского и Горького и вижу едут конные немцы. Вдруг из подъезда ближайшего дома выходят человек шесть картинных казаков. Вот с такими длинными бородами, наверное, с навесными, усами, с околышами. И подносят немцам хлеб-соль. Откуда бы им тут взяться? Может; это все и разыграно было, мне так показалось.

А вот на углу Театрального и Большой Садовой я видел настоящий казачий патруль. Все красавцы, с чубами точно на иллюстрациях Королькова к «Тихому Дону». Просто классика. Они едут, и стоит старушонка: «Соколики! Орлы!» Это были краснозцы.

В. АНДРЮЩЕНКО. Когда немцы пришли на нашу улицу они устроили себе что-то вроде праздника. Взяли у кого-то большой стол, поставили его прямо посреди дороги, отобрали у наших соседей патефон, натаскали пластинок. Политические песни выбрасывали, нашли «Катюшу», и слушали, в основном, ее. И странно — ведь это тоже патриотическая песня: девушка ждет своего любимого — бойца. Но немцам, видимо, нравилась мелодия.

Моя бабушка Варвара, а она была очень смелая женщина, пошла в комендатуру жаловаться, много, мол, шума. Ее там выслушали. Немцы потом вернули и стол, и патефон, и оставшиеся пластинки.

Э. БАРСУКОВ. Многие эвакуировались. В пустые квартиры стали заселяться чужие люди. На улицах валялись горы книг. Их рвали, выбрасывали в окна. Особенно много выкидывали политической литературы, портретов Сталина. Те, кто постарше, помнили немцев по 1918 году, когда они оккупировали Ростов. И говорили: «Не надо поднимать панику. Немцы — культурная нация, ничего плохого нам не сделают». Отрезвление пришло

очень быстро. Начались облавы, улицы перекрывались. Мой дядька, Павел Иванович, попал в такую облаву, и его чуть не расстреляли.

А. ЛЕНКОВА. Многое из того, что происходило тогда, позже некоторые выдавали совсем в других красках.

В середине шестидесятых годов «Вечерка» стала печатать повесть горьковского журналиста: «Ее звали Лида». О горьковской учительнице русского языка и литературы, которая учит ребят писать сочинения на тему героизма. А они, школьники, в том числе и собственные сыновья, не знают, что и она сама героиня. Все происходило в Ростове. Когда вошли немцы, эта отважная девушка разорвала телефонный провод, нарушила связь, что-то еще там натворила. А я тогда печаталась в этой газете, и ко мне пришли люди, живущие на пятом этаже нашего дома. С возмущением они стали рассказывать, как было на самом деле. А было так: знойным июльским днем, когда наши войска уже оставили эту часть города, а немцы в нее еще не вступили, обитатели маленьких домиков, то ли на Театральной, то ли на Доломановском бросились по магазинам. 15-летний Славка и его дружки катили головки сыра, бочонки с вином. Как рассказывала мне Славкина мать, Лида напилась и вышла на улицу. Увидели они спину немца, тянущего провод. А когда он удалился, Славкина мать подняла провод с земли, попробовала на изгиб и говорит: «Хорошо на него белье вешать». Пьяная Лидка: «За чем дело стало?». И отмотала ей с десятков метров. Когда немцы обнаружили порыв связи, подкатили к дому пушку и дали пару выстрелов по этому двору. После одного из них повалилась стена. Ею придавило 12-летнюю Дину Преснову, а мать ее убило. Так вот рассказ бабы Дуни, матери Славки дополнила мне эта самая Дина, которая жила со мной на одной лестничной площадке. Она тоже возмущалась тем, как из Лидки сделали героиню. Отец этой самой Лиды был белым офицером и всего скорее был репрессирован. Когда пришли немцы, она повесила его портрет в белогвардейском мундире. Завела дружбу с немецкими офицерами, разъезжала с ними на легковых машинах, кутила напропалую. Когда же осиротевшая по ее милости Дина приходила к ней попросить кусок хлеба, немец пугал ее пистолетом, а Лидка хохотала. Я рассказала об этом в редакции и повесть печатать дальше не стали.

Н. КОРОЛЕВА. Через некоторое время как немцы пришли, нам предложили сделать какие-то прививки. Ходили по квартирам и говорили об этом. Прихожу я в ближайший пункт, там полно народу. Сидит врач в белом халате, медицинские инструменты... А люди, которые народ собирают, то выходят из комнаты, то заходят. Все толкаются, а подходить не решаются. Я была смелая. Приблизилась к столу. А врач мне тихонькой говорит: «Уходите отсюда!». Я попятилась — и ходу оттуда. Что потом там было, не знаю. Но говорили, что одни заболели после этих уколов, другие умерли.

Л. ГРИГОРЬЯН. Началась обычная страшноватая жизнь. Мне-то что — 11 лет — возраст бесстрашия. Я ходил совершенно спокойно по городу с ребятами. Воровали тогда в городе по-черному. У многих было ощущение, что это навсегда. Потом появилась всякая шваль и нечисть. Чтобы завладеть квартирами, имуществом соседей, вырывали людей мгновенно. И невероятно просто. Донос — и все.

В. ГАЛУСТЯН. К нам пришел староста Попов. Он сказал, что у нас будет на постое румынский командир. Мы очень испугались, особенно мама боялась за меня. Она им и говорит: «У нас в доме есть две пустые квартиры, отремонтированные». Староста же отвечает: «Офицеру нужно, чтобы его обслуживали».

Мне было 15 лет, но я еще была дура. Я и выпалила, конечно румынского офицера нужно поставить на квартиру к семье советского командира. А у меня отец был капитаном

Красной Армии. Мама совсем перепугалась от того, что я так съязвила.

Через несколько дней этот офицер пришел. Он очень тепло отреагировал на меня. Погладил по голове и сказал, что девочка, мол, слишком худенькая, ей нужно хорошо питаться. Маму он назвал «добрая пани». И ушел.

А потом заявили румынские солдаты и говорят, что командование не доверяет хозяевам русских квартир жизнь офицеров и их будут размещать в специальном общежитии. И взяли у нас кровать. Мы настолько обрадовались, что у нас не будет жить румын, что мама на радостях отдала и постель, да еще наволочку на подушке поменяла.

Но мы слишком рано обрадовались. К нам, поселили румынских солдат. Но они довольно хорошо относились и к нам, и к людям, живущим в нашем дворе. У себя на складе они воровали мясо, арбузы... Рассказывали о своих судьбах. Один, его звали Ионом, показывал железный крестик на пластмассовой основе и говорил: «Это мне невеста подарила перед уходом на фронт».

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Рядом с нашим домом были огороды. Немцы поставили там орудие. Наверное, дальнобойное. Стоял страшный грохот. Была жара, немцы ходили в трусах, так у пушек в трусах и стояли. Пушка стреляла дня три.

На 2-й Кольцевой улице в Красном городе-саде, где мы жили, была школа. Немцы там разместились. Стали копать яму во дворе, забивать столбы. А мы бегали смотреть. Это они сделали туалет. И не стали его загоразживать. Показывали абсолютное презрение к нам.

Е. СЕРОВ. У нас во дворе жила тетя Соня. Она была дикая кошатница. Ухитрилась и в оккупации содержать семь котов! Как-то самый наглый из них стащил у немцев кусок колбасы. И один немец бегал с пистолетом по двору, кричал на ломаном русском языке: «Где здесь один фрау и семь кашкау?».

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. В экстремальных ситуациях раскрывается природа человека. Стоял у нас на улице пустой дом. В ней жила, как мы ее звали, Танька-шалава. Лет ей было 18–19. И вот перед войной она вернулась. К ней частенько захаживали мужички. Все время она в обнимку ходила. И вот когда немцы уже вошли в город, слышим крик. Это плакала Танька, да как — руки ломала. Она звала женщин на огороды: «Пойдемте, там немцы наших ребят постреляли. А вдруг там кто-то еще живой есть!» Мать не пошла — опасно, у самой двое маленьких детей да двое стариков. И все соседи сидели, как мышки.

Л. ГРИГОРЬЯН. У меня отец армянин, а мать еврейка. И мы очень боялись за маму. Мы из своего дома ушли к бабушке, туда, где нас не знали. Мама пряталась две недели в погребке, по ночам мы носили ей еду. Чтобы выйти из города, нужен был паспорт с особой отметкой. И вот тетя сделала маме липовый паспорт. Это потрясающий документ, он хранится у меня до сих пор. Сразу видно, что он подделан: другие чернила другой почерк. Но на фотографии мама была не очень похожа на еврейку. И вот на него в комендатуре нужно было поставить печать, без нашлепки не выпускали. Идти с таким паспортом безрассудство, но и оставаться в городе равносильно смерти. И вот этот паспорт предварительно был опущен сначала в керосин, потом в подсолнечное масло, измят основательно. Мама пошла к коменданту, а я ждал ее в скверике. Ждал пять часов и думал, что она уже не вернется. А оказалось, что там была большая очередь. И вот мама подошла к столу, откуда-то картинно вытащила свой документ, играя простую женщину. За столами там сидели двое русских. Тот, к которому подошла мама, только взял в руки паспорт и говорит: «Господа, господа, а ведь паспорт-то наведенный!». И вся очередь замерла. Двое паспортистов переглянулись друг с другом. Он помедлил немного и поставил печать. Наверное, там в комендатуре, не все сволочи работали. Мама ушла из Ростова в хутор Алексеевку к родственнице и там жила.

Д. ПИВОВАРОВА. Немцы входят в Ростов. К нам заполз наш раненый в ногу боец. Полоса крови так и тянулась по бетону. Его переодели. Кровь смыли. Оставили. Когда пришел немец, направил автомат. Сват: «Это брат». — «Почему такая короткая стрижка?». — «Лето. Жарко». Немец ушел. Позже мать перекрасила его одежду в синий цвет, потом пригодилась — детям на рубашки. Боец поправился и ушел.

Потом появились румыны, заставили женщин греть воду. Стали купаться не стесняясь, голые. Наши женщины отворачиваются, а нам, детям, любопытно...

В. ТАТАРЕНКО. На следующий день после того, как я забежал к родственникам, я вышел на улицу рано утром и хотел выбраться из города, чтобы уйти к своим, по меня остановил патруль. Я конечно, скинул красноармейскую форму и одел обычную одежду. А немец обратил внимание, что у меня загорела шея и рисунок загара очерчивал ворот гимнастерки — он это сразу увидел и понял что я — боец Красной Армии. Меня отвели на поле ипподрома, там собирали наших военнопленных. Через какое-то время, а я расположился с краю большой группы, подходит ко мне немец с ведром и показывает знаками — принеси, мол, воды. Я взял ведро и пошел за угол. Немцы тогда так были уверены в себе, даже самонадеяны, и, вероятно, поведение пленных не вызывало у них особого подозрения — ну, куда бежать русскому Ивану? Но ведь я был в своем родном городе и знал его очень хорошо. Оглянулся, вокруг никого нет, и я стал потихоньку дворами, переулками пробираться на окраину. И ушел. А потом добрался до своих.

Запомнился мне один эпизод. Как только вышел из дома, а родственники мои жили в доме, напротив того места, где потом построили гостиницу «Интурист», на Энгельса, и успел я пройти мимо Кировского сквера и вот тогда обратил внимание — памятник Кирову лежал, поверженный с пьедестала.

М. ВДОВИН. Что обидно: я не знаю, или это делалось преднамеренно, или это был наш порочный стиль, но информация запаздывала очень сильно. Мы никогда не знали, что и где происходит. Когда отправляли эвакуированных на юг, в сторону Сальска, никто не знал, что танки немцев уже устремились туда. И вот туда была отправлена редакция сатирического листка «Прямой наводкой». В 1942 году дополнением к газете «Молот» стал выходить этот листок: в нем высмеивались немцы, печатались анекдоты о них, была критика фашистской верхушки, оккупационного режима. Листок этот, как и сама газета, стоил 20 копеек. Редактором его была Елена Ширман. Редакция, в полном составе попала в плен, и их всех расстреляли.

При бомбежке Ростова немецкой авиацией наших так называемых, ястребков и близко не было видно. С немцами в небе воевали одни зенитчики. Истребители появились только в 43-м году.

Ш. ЧАГАЕВ. Из воспоминаний обер-лейтенанта Курта Майзеля, записанных мною в Веймаре:

«Выздоровев после контузии, полученной под Ростовом в 41-м году, я уехал в отпуск в свой родной Веймар. Жена меня упрекнула за то, что я не посылаю из России, как это делают другие, посылки с одеждой и обувью. Моя милая Грета не представляла, как живут здесь люди. Пройдя центральную Европу и Балканы, я нигде не встречал такой нищеты, как в России, хотя и считал Советский Союз благополучной страной.

После отпуска я в январе 1942 года вернулся в свой полк. Меня отозвали с передовой в штаб 111-й пехотной дивизии, в которой я служил. Она находилась тогда в Таганроге. Мне присвоили звание обер-лейтенанта и предложили пройти месячные курсы фронтовых разведчиков в абвер-группе 102, размещавшейся в Таганроге. Нас усиленно обучали

русскому языку.

Мне, как бывшему учителю литературы, разговорная речь давалась лучше, чем другим. Один раз в неделю нас возили в лагерь военнопленных, и там мы упражнялись — отдавали русским военные команды, старались находить с ними контакт. Помогали нам и переводчики. Мне удалось уговорить двух парней помогать мне вербовать будущих диверсантов. Так я стал фронтовым разведчиком абвера. Должен признаться, что мои друзья-офицеры по дивизии стали относиться ко мне с некоторой опаской и подозрением. Это меня не устраивало, потому что я по натуре человек веселый и общительный.

После взятия Ростова 24 июля меня направили с абвер-группой для организации филиала школы диверсантов. Так я оказался второй раз в Ростове. Теперь я чувствовал себя уверенней, прогуливался по улицам, иногда посещал рынок у собора с разбомбленной колокольней. В отличие от зимней оккупации 41-го года горожане уже как-то привыкли к нам, общались и чувствовалось, что они приспосабливаются к жизни. Однажды в августе нас, офицеров абвера, собрал начальник школы и познакомил с пожилым человеком. Им оказался атаман донских казаков Краснов. Это был мужчина лет шестидесяти, с окладистой бородой и живыми глазами. Одет он был в казачью форму, но френч почему-то сшил из немецкого темно-зеленого сукна. Разговор шел через переводчика. Краснов сказал, что скоро в ростовскую школу приедут двести молодых казаков, но впоследствии он решил сам обучать своих казаков в Новочеркасске.

М. ВДОВИН. После того, как немцы заняли Ростов, примерно в начале августа 42-го года, начались бомбежки города нашей авиацией. Немцы бомбили так: летит самолет и сбрасывает одну-две бомбы постепенно по всему маршруту. Наш вываливал весь груз в одно место. Там образовывалась огромная яма. Еще тактика нашей авиации: с наступлением темноты и до рассвета один-два самолета прилетали с интервалом десять-пятнадцать минут. И так они держали город всю ночь в напряжении. Разрушений было очень много. Я видел один большой пожар. На углу Соборного переуллка и Московской улицы, где сейчас по сторонам два скверика, — с одной стороны был так называемый тогда «черный магазин», с другой — школа. Ночи тогда были лунные. И вот в одну из таких ночей собор послужил ориентиром уже для наших летчиков. Самолет высыпал груз в одно место и уничтожил эти два здания, а потом все горело. И бомбили наши город примерно до конца августа.

Н. КОРОЛЕВА. Я была дурная, лезла везде, где надо и не надо. Калмыки вели колонну наших пленных. Они были жалкие, потрепанные, все в грязи. Один конвоир ударил красноармейца прикладом. Я подскочила и на него озверилась: «Что ты делаешь, сволочь?» А он на меня — с нагайкой. Тут подбежал какой-то мужчина. Под руку — и затолкал меня в подъезд. «Что вы делаете? Они вас убьют, ведь вы ничем не поможете». Я его и раньше встречала на пекарне, где я работала, — высокий, говорил всегда ласково, со всеми здоровался. Я спросила у него: «А где вы работаете? Он ответил: «Где работал, там и работаю». И я заключила: его оставили наши.

М. ВДОВИН. Немцы организовали население на разборку баррикад. Подъезжает немецкая агитмашина. Ставят какую-нибудь пластинку, обычно немецкую, но крутили и «Катюшу», и «Андрюшу». Собирается народ. Подъезжает полевая кухня. Выходит немец: вот задание. Мы баррикаду сейчас взорвем, а обломки надо будет погрузить в машину. Засыпали обычно ими рвы и траншеи. По окончании работы — обед. Полевая кухня готовила не то густой суп, не то жидкую кашу, обычно из перловой или ячневой крупы, с кусочками какой-то требухи. Немцы мясо брали себе, а сюда давали отходы. Всем, кто работал, наливали по черпаку этой каши. Отец, дядька иногда ходили на разборку баррикад.

В. ГАЛУСТЯН. На разборке баррикад работала и моя мама вместе с соседкой тетей Полей Карпушкиной. Один немец ходил в качестве надсмотрщика. Мама мне и говорила: «Наши заставляли строить эти укрепления, эти пришли, заставили разбирать». А промежуток времени между этим «строительством» был маленький. Немец как-то подошел к маме с тетей Полей и на чистом русском языке сказал: «Их строили по нашему плану, чтобы они мешали отступлению вашей армии. Мы специально перегородили все улицы». Это оказался русский. Не знаю, так ли было на самом деле или он просто побахвалился. Немецкую форму он носил с гордостью. А эти укрепления действительно мешали нашим отступающим частям выходить к переправам через Дон.

М. ВДОВИН. 9 августа немцы вывесили приказ: евреям готовиться к переселению. Оно начнется 11 августа. Национальность устанавливалась по отцу. Если отец еврей, мать русская — дети считаются евреями. Если наоборот — мать еврейка, то дети — русские. С собой полагалось иметь личные вещи, продукты на несколько дней и ключи от квартиры. Со сборных пунктов их отправляли в Змиевскую балку и там расстреливали. Как потом сообщила наша печать, было уничтожено свыше 11 с половиной тысяч евреев.

В. ВИННИКОВА. Видела я, как евреев на машинах в Змиевскую балку на расстрел возили. Становилась на забор и смотрела — это от нас недалеко было, мы жили в районе Ботанического сада. Их выгружали из машин прямо в ямы.

Н. КОРОЛЕВА. Сын, Сергей, мальчишкой тоже везде лез. Однажды он видел, как вели колонну наших людей.

Он и пошел за ними следом, потихоньку сзади крался, не показываясь. Их привели в Змиевскую балку, поставили перед рвом. А он спрятался в лесопосадке. А когда стали стрелять, испугался и вернулся другой дорогой. Но домой не пошел, а зашел к товарищу, Алику Лебедеву, и все ему рассказал. А мне ничего не говорил, боялся, что я после этого не буду его выпускать из дома. Я от него все потом узнала.

Еще он рассказывал о таком случае: колонну наших военнопленных положили на улицу и пустили по головам танки. Он слышал хруст костей. Когда он стал поэтом, о войне практически ничего не писал. Она оставила в его памяти тяжелый след, но одновременно усилила и чувство гордости, справедливости. Он всегда защищал слабых.

М. ВДОВИН. После того, как были расстреляны евреи, 11 августа 1942 года, ростовский бургомистрат (а бургомистра немцы привезли с собой, его фамилии была фон Тиккерпу) провел перерегистрацию всех погорельцев, тех, у кого были разрушены дома, и их вселяли в еврейские квартиры. Лучшие квартиры, конечно, забирала немецкая администрация. Еврейские квартиры и квартиры эвакуированных были объявлены конфискованными и перераспределялись.

Старики, которые знали немцев по первой оккупации (а в 1918 году немцы были полгода в Ростове), рассказывали: это были тогда совсем другие немцы. С теми можно было поговорить по-человечески, общаться, как с людьми. Эти же были звери в человеческом облике. Вот так их смог «перевоспитать» Гитлер.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Появились старосты. К нам пришла Женя, загадочного вида очкасткая интеллигентка: «Я староста, мне нужны списки на карточки». Хлеб давали по 250 граммов в ларьках, магазинах.

Л. ШАБАЛИНА. Мы очень голодали. Мама вообще ходила пухлая от голода. Зимой на улице валялись замерзшие лошади. Один раз сестра мамы, тетка Нюся, принесла нам кусок конины и говорит: «Нажарь, накорми детей. Мать: «Ни в коем случае». Тетка нажарила целую сковородку, и мы ее уплели, а мама так и не стала есть, хотя была голодная.

М. ВДОВИН. При немцах работала школа с первого по четвертый класс — низшая школа. В октябре начались занятия, а к концу января, когда разгорелись бои за Ростов, никаких занятий, конечно, не было. Я в школу не ходил, потому что должен был учиться уже в шестом классе. Мальчишки рассказывали: во всех классах учили немецкий язык. Уроки шли по тем же самым учебникам, кроме истории СССР и географии.

В палатках торговали наши, в основном армяне. Открывали мельницы, хлебопекарни. Кому удавалось выменять на селе пшеницу, приносили на мельницы и за определенную плату мололи муку. Особенно много было кукурузы. При немцах работали все кинотеатры, но фильмы шли на немецком языке, поэтому ходить туда было бесполезно. В гостинице «Ростов» был бардак — «Солдатенхауз». Эта надпись была очень долго на здании. Наши ее закрасивали потом несколько раз, дождь пройдет — опять на фасаде — «Солдатенхауз».

Ш. ЧАГАЕВ. В городе были казино. Одно из них находилось в гостинице «Ростов», а другое на Газетном, там, где сейчас подземные туалеты. Там был огромный подвал. Немцы играли в карты, пили, женщин приводили. Почему я об этом знаю: мне рассказала моя мать, ее однажды затащила туда ее подруга Наталья, которая с немцами гуляла.

М. ВДОВИН. Никакой информации с фронтов до нас не доходило. 8 августа вышла газета «Голос Ростова». Стоила она один рубль, там сведения шли со стороны немцев. Но люди пользовались слухами. О Сталинграде мы сразу узнали. Радиоприемников ни у кого не было — их все сдали.

Т. ХАЗАГЕРОВ. Сначала наши люди проявили интерес к газете «Голос Ростова». Ее и продавали, и вывешивали на улицах. Газета была небольшая, два листа. Думали узнать из нее что-то о положении на фронте. Я сам читал «Голос...» раз 15. Но интерес к ней быстро прошел, потому что ничего особенного о боях там не сообщалось. Тематика была престранная. Например, была публикация «Я говорю с тобой, Бруно» — воспоминания Муссолини о своем сыне. Или такие статьи: «Жиды и русская литература», «Жиды и русская музыка». Печатались разные объявления. Радио не работало. Но на Ворошиловском стоял громкоговоритель. Военных сводок там тоже не было. Наверное, оповещение о положении на фронте русским редакциям немецкой администрацией не разрешалось.

А. КАРАПЕТЯН. Оригинально вели себя немцы на базаре. Стоит бабушка, что-то продает, какую-нибудь дыньку или арбузик — вырастила у себя во дворе. Подъезжают на велосипеде немцы (они обычно по городу на велосипедах ездили). Один спрашивает, вроде того, мол, сколько? А бабушка уже начинает дрожать. Немец берет дыньку в руки, щупает ее. Передает другому, тот третьему. Первый же достал кошелек и делает вид, что в нем копаются. Бабушка же заворуженно смотрит на кошелек. А немец с дыней уже уехал. Как только его товарищ это увидел, кошелек прячет. А дыни уже нет. Бабушка — в плач.

А. АГАФОНОВ. Во вторую оккупацию немцы были в Ростове почти семь месяцев. Многие думали: будь, что будет. Но я бы не сказал, что это была полная обреченность. Люди как-то приспособивались. Не случайно все запасались продуктами. Думали, как выжить.

А. ГАВРИЛОВА. При немцах я работала на своем же железобетонном заводе. С утра до вечера. Делали какие-то балки. Наверное, для мостов. Давали за работу свежую рыбу, хлеб... Но немного. Хлеб был как будто с землей. Говорили, что наши, уходя, подожгли элеватор, часть пшеницы сгорела, а из обгорелой делали хлеб. Хлеба, конечно, не хватало, у меня куча детей. Голодали страшно. Даже пухли от голода. Наберу я старых досок от заборов в мешок — и на базар. Продам, куплю пол-литровую баночку полуочищенной пшеницы. Растворю дома, заварю в воде и хоть как-то детей накормлю. Но из шестерых двое все равно умерли.

Б. САФОНОВ. Недели через две, как вступили немцы, вышел приказ: всему еврейскому

населению надеть желтые звезды, запереть квартиры на ключ с биркой с адресом, взять ценные вещи и явиться в комендатуру. Она располагалась на Пушкинской, там, где сейчас музей изобразительных искусств. Якобы для переселения.

У нас в доме была соседка, еврейка Марья Михайловна Милишкевич. Очень хорошая женщина. У нее муж был немец. С началом войны его и сына, а он был уже взрослый, переселили в Сибирь. Мы ее отговаривали, чтобы она не ходила в эту самую комендатуру. Но она пошла. А оттуда — за город и в противотанковые рвы...

Л. ГРИГОРЬЯН. Мы все очень боялись: у меня отец армянин, а мать еврейка. Мы немедленно бросили свою квартиру и ушли к другой бабушке, матери отца. Не то чтобы подальше, а туда, где нас не знали. И мама пряталась две недели в погребе, по ночам мы носили ей еду. А потом ее прятали две старушки, очень верующие, совершенно ей незнакомые. Они понимали, чем рискуют, а рисковали они своей жизнью. Они ее прятали, наверное, месяц, пока тетя не выправила маме фальшивый паспорт. По нему она смогла уйти из города.

Б. САФОНОВ. Вскоре после того, как немцы обосновались в городе, стук в дверь. Мать открывает: стоит немецкий офицер, по-русски он немного говорил. А у нас было две комнаты. И вот в большой комнате поселилась эскадрилья летчиков. Они жили у нас три или четыре месяца. Они относились к нам так, как будто бы нас и не было. Эскадрилья была интернациональная: там были болгарин, венгр, несколько австрийцев и, естественно, немцы. Утром их выстраивал командир. Раздавал по пачке сигарет, по полплитки шоколада, наливал по 100 граммов шнапса. И машина увозила их на Военвед, на аэродром. А вечером привозила.

Л. ГРИГОРЬЯН. Я хоть и жил с бабушкой в другом месте, но в свой дом приходил. Там поселился мой дед, потому что его дом разбомбили. Из нашего дома многие уехали. Однажды прихожу и вижу: дверь на первом этаже, где жил Полней Яковлев, открыта. Он был детским писателем, редактором газеты «Большевицкая смена». И вот я подзадержался на минутку. Смотрю, выходит Полней с палочкой. Он прихрамывал. Маленький такой, бледный ужасно. А за ним — два полица. Я запомнил, что у них были черные петлицы на кителях. Русские. Он на меня посмотрел с ужасом, боясь за меня, как я понял. Его вывели. Тут же стояла машина. Я выглянул: со двора выводили, инженера Шатохина. Теперь у нас на подъезде дома по улице Горького установлена мемориальная доска. Вскоре выяснилось, кто их выдал, да и других жильцов дома — тоже. Была у нас такая Ольга Дмитриевна Ларионова. Ее немцы назначили уполномоченной по дому. Немцы, очевидно, ей хорошо платили за эту подлую работу. После войны ее арестовали, дали семь лет. Она вышла как-то быстро. Видимо, и там стучала. И вот такая психологическая деталь: все знали, какая она тварь, и все равно с ней здоровались, и я в том числе. Она была совсем старая, упала, сломала руку. Кто-то ей еще и молоко носил. Вот как незлобив наш народ. Она дожила чуть ли не до ста лет. И, что интересно, когда кто-то умирал, ходила на кладбище. Вот, в частности, моя мама умерла, я вдруг с ужасом заметил у могилы Ларионову. И морда у нее была такая выразительная: я, вот, мол, тебя во время войны не достала, не досчиталась, так все равно ты на кладбище попала раньше меня. У нее еще один глаз был закрыт параличом. Чудовищно! Ей, мне кажется, доставляло садистское удовольствие видеть страдания людей.

Б. САФОНОВ. Облаву по городу проводили полицаи. Особенно свирепствовали западно-украинские националисты. Они пришли сюда с немцами. У них была своеобразная форма. Говорили они по-русски хорошо, но все-таки с заметным акцентом. Они были очень жестоки. Не столько немцы издевались над русскими, сколько полицаи.

П. ВЕРЕТЕННИКОВ. Когда немцы пришли, настроение у многих было подавленное. Вернулись те, кто не успел уйти далеко, И я даже такие разговоры слышал: две бабки во дворе обсуждали: еще неизвестно, при Сталине хуже жили или при Гитлере хуже будем жить. Организованность немцев, их техника на психику сильно давили.

А мне дед сразу сказал; подавятся фрицы. Больно большой кусок захватили — не проглотят. И рассказывал, что есть такая книга у писателя Лескова «Железная воля». В ней говорится о том, как поспорили русский и немец, кто кого победит. Немец все своей железной волей хвастался. Так он в конце концов, как ни побеждал, русскими блинами объелся и подавился.

Я, когда вырос, все искал эту книгу. Но Лескова у нас долгое время не жаловали, не издавали. И только в 60-е годы я нашел эту повесть. Правы оказались Лесков и мой дед. Немцы многое учли, когда на Россию полезли, но чего-то там, в своей хваленой Германии, недорассчитали. Наверное, русский характер — он ведь учету, тем более немецкому, плохо поддается.

Б. САФОНОВ. Вышел приказ: всем подросткам старше 14 лет явиться на биржу труда. Она размещалась в здании госбанка. Я и мой товарищ, Витя Соколов, пошли. За неявку — расстрел. И за укрывательство — тоже. Нас ночью посадили в вагоны-телятники на товарной станции. Битком набили целый эшелон. Ехали только ночами. Днем боялись наших самолетов — ведь немцы считали нас уже своим «грузом». На станции Ясиноватой, где наш состав стоял очень долго, мы заскучали. Виктор и говорит: «Борис, давай бежать, будь что будет!». Двери в нашем вагоне были открыты. Поезд тронулся, и пока он не набрал полный ход, мы соскочили. Кое-как дошли до станции — в сплошной темноте. А на каждом паровозе был русский машинист и немецкий — такой был установлен порядок. И вот нам повезло, мы наткнулись на нашего. «Пацаны, вы куда?» Мы говорим: «Как бы нам добраться до Ростова». Он нас запрятал в угол тендера и сверху чуть углем присыпал. Мы приехали в Ростов тоже ночью. У меня бабушка жила на Новом поселении, рядом с бывшей баней. В городе был комендантский час. Но нам ничего не оставалось делать, как пробираться по городу. Конечно, боялись нарваться на патруль. Нас, разумеется, не ждали дома, да и узнали меня с трудом: обшарпанный, грязный. В тендере уголь к тому же водой поливали из шланга. Вот такая передряга была. Домой мне уже показываться нельзя было, ведь я жил в самом центре. Тем более у нас летчики стояли. Они, кстати, когда узнали, что меня забирают, обрадовались: гут, гут, мол, в Германию едешь! А везде висел приказ: за побег из Германии — расстрел! Так я до конца оккупации в город нос уже не показывал. И только перед самым уходом немцев вышел. И сразу повезло. Нашли с приятелями ящик с парабеллумами. Все они разошлись по рукам, на менке. За пистолет давали буханку хлеба.

Л. ГРИГОРЬЯН. Помню, где были публичные дома. Солдатский находился во Дворце пионеров, как говорили. А офицерский — на Соколова, ближе к стадиону «Динамо». Там были русские женщины. Но и в отдельных домах жили продажные женщины, это чтобы немцам далеко ходить не надо было. Там, где я жил, у бабушки стояли на постое эсэсовцы. По ночам они ходили в одних подштанниках к бабушкиной соседке — Дуське. Огромная такая баба. Работала в каком-то детском саду. У нее пропускная способность была потрясающая. Но она была еще и сволочь к тому же...

Т. ХАЗАГЕРОВ. Вечерами в занятом немцами городе были обыски. В дом стучали, и мы попадали во власть полицейских. Нас как бы приучали к облавам, проверкам. При таких обысках полиция отдавали предпочтение домам, где жили более или менее богатые люди, они специально обходили состоятельные семьи. Когда полиция заходили в дом, создавалось

впечатление, что они не искали что-то компрометирующее хозяев, а высматривали ценные вещи. То, что можно было бы увезти с собой. А для вида заглядывали везде, даже в кухонные шкафы.

А. ГРИГОРЬЯН. Где-то в конце августа стали обходить дома, приглашать детей в школу, для знакомства. Недалеко от физмата университета, который разбомбили, был и костел, и школа. Пришло несколько десятков человек. Я зашел и удивился: там выступал с речью Александр Прокофьевич, он был до войны завучем 36-й школы. Сухопарый с брюзгливым лицом. Очень противный, мы его и раньше не любили. Он говорил: «Наступили новые времена. Немцы освободили нас от большевизма. Мы теперь свободные люди. Вы должны хорошо учиться, слушаться властей, и все будет прекрасно». Как дико было слушать такое. Все стояли в изумлении и молчали. А я вообще был в ужасе. В школу я не пошел. Судьба этого учителя мне неизвестна.

В. АНДРЮЩЕНКО. Немцы издали приказ: сдать радиоприемники, до этого их сдавали нашим, но во время грабировки приемники эти снова разошлись по рукам, только вряд ли к своим хозяевам. И вот я видел в магазине «Парфюмерия», там сейчас «Красная шапочка», гору этих приемников. Их охранял часовой.

А. ГРИГОРЬЯН. Там, где сейчас находится кафе «Дружба», был огромный книжный магазин. Мы как-то с теткой шли, и я юркнул туда. Магазин был двухъярусный. Внизу — филателия, а наверху книги. Там был великолепный букинистический отдел. Когда я туда забежал, тетка ахнула — не успела меня остановить. А я хоть и мальчишкой был, но книги меня уже тогда остро интересовали. Я промчался под стойкой — и вдруг немец с автоматом. Магазин, оказывается, охранялся. Он мне вроде того: «Ты куда?» А тут тетка подскочила: «Ребенок шалит. Случайно забежал».

В. АНДРЮЩЕНКО. Железная дорога, которая находилась недалеко, была для нас чем-то вроде особой «газеты» — мы там новости узнавали: что везут, куда. Сначала наши поезда шли, потом немецкие покатили. Везли технику, войска. Попадались госпитали на колесах. Там был подъем, и паровозы в сторону Воронежа тянули очень медленно. Сидят солдаты в теплушках, свесив ноги. А мы тряпочным мячом, набитым травой, играли в футбол...

В. ГАЛУСТЯН. Когда немцы были уже в городе, но мы об этом еще не знали, вдруг заходят к нам во двор два советских командира. Я кинулась им навстречу, у меня же отец тоже офицер. И кричу: «Мама, мама, наши командиры!» Первая мысль у меня была, куда их спрятать. А это оказались два словака. У них форма очень похожа на нашу. И петлицы были такие же, это меня и сбilo с толку. Я сразу же вернулась. А они позвали тетю Полю, она как раз жила у калитки: «Хозяйка! Хозяйка!» И попросили воды умыться.

А тетя Поля во всех необычных случаях жизни звала свою маму. Они очень дружили, хотя жили в разных концах огромного двора — он тянулся на целый квартал. Мама подошла, а она и говорит: «Тут вот немцы зашли, просят воды. Ты принеси». А они и говорят: «Мы не немцы, мы — словаки. Гитлер — капут. Сталин — капут. Мы — ваши люди, мы все друзья». А мама тогда и спрашивает: «Что же вы себя чуть ли не нашими считаете, а почему же тогда Красной Армии не сдадитесь?». Они: «Мы ваших догнать никак не можем!». И захохотали.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Позже на нашей улице стал размещаться обоз. Не лошади, а слоны какие-то. Немцы развернули наш штакетник, ввели лошадей в наш сад. И привязали к деревьям. Лошади сожрали все ветки, остались только стволы. Потом мама все выкорчевывала. Немцы входят в комнаты, что-то носят, устраиваются. Заборы разгородили. Цветники все затоптали.

Был среди них один маленький, мухомортненький. Приглянулся ему мой брат. Даст то

конфетку, то монпасье. Пытался его на руки брать, но Женька ершился. А был один гад. Мы его так и звали. Крупный, очки большие, ходил в трусах. Многие ходили так. У него были сильные мускулистые ноги. Он ходил по огороду, ничего не разбирая, особенно любил топтать по помидорам. Мял их с удовольствием, все только хрустело. А мать приговаривала: «Чтоб у тебя ноги отсохли».

В. ГАЛУСТЯН. Немцы вывесили приказ об отправке в Германию на работы всех молодых и здоровых людей. И я и мама попадали по возрасту под этот приказ. Маму спасла врач, а мне удалось избежать угона совершенно неожиданно. У нас во дворе появилась некая женщина, мы ее раньше никогда не видели. Она перед самым приходом немцев заняла одну из пустых комнат эвакуированных и объявила, что создает балетную студию при немецком кляинис-театре, малом театре, который будет работать только для немцев. Он будет располагаться в здании музкомедии. Так как я маме заранее сказала, что уйду в партизаны или еще куда-нибудь, но в Германию не поеду. И если бы у меня хотя был бы намек на связь с партизанами, я бы ушла к ним. А я в школе училась балету. А та женщина обещала: кто будет заниматься в студии, освобождается от отправки в Германию. Она собрала с каждой девушки плату за прием в студию: по несколько кусков мыла, несколько килограммов крупы, постное масло — тогда продукты еще были в достатке. И я тоже пошла туда.

В. АНДРЮЩЕНКО. Мальчишки лазили везде и главным образом собирали оружие. У всех его было полно. У меня был ручной пулемет Дегтярева, карабин, несколько пистолетов, гранаты, толовые шашки. Шашки напоминали куски хозяйственного мыла и по размерам и по цвету. В середине была дырочка, куда вставлялся детонатор и шнур, еще у меня была удивительная вещь что-то вроде шпаги или жезла. Я потом отнес эту вещицу нашим бойцам.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Виталий, который во время оккупации был в Ростове, а потом его угнали в Германию, рассказывал. Он жил с матерью, Верой Федоровной, в доме отца на углу Кировского и Большой Садовой. И отец, и отчим были на фронте. И вот они с мальчишками оборудовали под крышей целый «чердачный мир». Прятали там патроны. Напротив жил его друг по прозвищу Хомик. Виталий о нем и многом другом, что они пережили, рассказал в своей повести «Ласточка-звездочка».

В. ГАЛУСТЯН. У нас на квартире должен был стоять румынский офицер, но потом к нам поселили румынских солдат. Но тот офицер иногда к нам заглядывал и относился к нам довольно доброжелательно. Обычно его что-то интересовало: «Здравствуйте, добрая пани, — обращался он к маме. — Где можно купить у вас чай, чтобы отправить своей семье? Мне нужно много чая». Тогда все знали, кто чем торгует. Мама направляла его к соседке Пелагее Егоровне Карпушкиной. Там он покупал чай и другие продукты.

Однажды он встретил маму, она шла на базар, хотела продать скатерть. Он спросил: «Сколько стоит? Мама: 4800 рублей». Он дал ей больше и сказал: «Отправлю домой в Румынию». Маме тогда показалось, что он хотел ей помочь.

Е. КРАСИЛЬНИКОВА. Молодых женщин забирали на работу в Германию. Мне тогда был 31 год. И я также попадала в эти списки. А жила я во вторую оккупацию одна, дочь Веру, ей было 12 лет отправила к тетке на Маныч, за 110 километров от Ростова.

Уполномоченный нашего дома, это была женщина, собирала сведения о жильцах. Она и поставила мне штамп на свидетельство дочери, что та умерла. А тех, у кого были дети, в Германию не угоняли. А как я докажу, что Вера жива — не повезу же я ее в Ростов.

И вот я получила свидетельство и вынуждена была идти на биржу труда, а там и угона в Германию жди. Биржа находилась в здании банка на углу Энгельса и Соколова. Вход был с Соколова, но там была еще одна дверь, которая выходила на улицу Социалистическую. Идти

от нашего дома у Кировского сквера не больше десяти-пятнадцати минут, и о чем только я не думала по дороге: и о судьбе, и о боге, и о доме, и о своей Вере. Вся жизнь моя перевернулась.

А регистрироваться нужно было обязательно. Захожу. В большом зале стоит несколько столов. И нужно было переходить от одного к другому. Людей много. Я прошла один стол, что-то мне написали на бумажке, т. е. документ уже отметили. Смотрю коридор. Я потихоньку — туда. Это как раз был выход на Социалистическую. А у меня в квартале оттуда жила подруга. Я к ней побежала. Мне показалось, что я бежала целую вечность. Думая: лишь бы никто не окликнул, не остановил... Три дня, не вставая, я лежала у нее на полу. Пронесло.

Как только немцев вышибли из города, я пошла пешком в деревню и привела Веру. У нее до сих пор на свидетельстве о рождении стоит штамп о ее смерти.

Е. ДЖИЧОЕВА. Иногда мы с мамой ходили гулять по городу. И вот как-то попали в Кировский сквер. Памятник Кирову лежал на земле, его поднятая рука была устремлена в небо — он лежал на спине. И в глазницах стояла дождевая вода, а казалось, он плакал...

В. ЛЕМЕШЕВ. Отца выдали дворовые, его забрали в тюрьму и потом там расстреляли, хотя он был инвалидом. Мама ушла на менку и пришла только через два месяца. Нужно было жить самому, так началась моя самостоятельная жизнь. Мы с моими закадычными друзьями Ваней Селигениным, Володей Чеботаревым ходили на промыслы. Началось у нас добывание еды, и мы везде шастали в ее поисках. У нас, ребят, была коммуна, община. Все вместе добывали и ели вместе. Дома нас никто не ждал. В глубине нашего двора, а это были дома энергетиков на Семашко, была будка. Это был наш штаб. Из рогаток убивали воробьев. Иной раз и голубь перепал. На штыках их жарили. Варили кашу. Получался роскошный харч. Нас спасала находчивость. У нас были гранаты и толовые шашки, и мы ходили подальше на реку, за Заречную, глушить рыбу. Правда, несколько ребят из-за неосторожности погибли, покалечилось. Взрывчатка — вещь не для детей. Но учились, жизнь заставляла. Когда пришла мама, ее на работу из-за ареста отца не брали, ни на какую — даже уборщицей. Я все научился делать своими руками. В столярке кое-что соображал. Электродело рано узнал — от отца. И тоже, как и он, мечтал стать электриком. Любил рисовать, лепить — все это пригодилось. Делал ножики, коптилки. Как-то прикатил с друзьями рулон бумаги. И стали сшивать тетрадки. А мне-то всего девять лет!

А. КАРАПЕТЯН. Мы, мальчишки, помогали женщинам возить вещи на менку: в Александровку, до Багаевки. Собирается их 10–15, и мы, тачечники. Вот эпизод. Премся по пыльной дороге. Скачут навстречу два немца на лошадях — цок, цок... Останавливаются, смотрят на женщин. А те надевали косынки по самые глаза, размазывали лица, чтобы пострашнее выглядеть да постарее. Немец выбрал одну — и в хату. Писк, крик. Он ее изнасиловал, а второй рядом стоит с нами, караулит вроде. Она вышла, обтрусилась. Женщины ее пожалели. Поплакала она, и мы дальше двинулись.

Ш. ЧАГАЕВ. На нашей улице было 18 парней и мальчишек разного возраста, от семи лет и до шестнадцати. Была там такая знаменитая фамилия — Зуевы, два брата. Они всеми верховодили, были настоящими лидерами. Но были очень шкодливы, хулиганисты — держали всю улицу в своих руках.

В конце августа нас, всех школьников, собрали, мы учились в 64-й школе. Были и старые преподаватели, появились и новые. Что было странно: повесили в школе такую табличку: у каждого учителя стояло его социальное положение — скажем, дочь священника, сын прокурора и так далее. Пришел немец из зондеркоманды, наверное, из тех, кто занимался экономическими и политическими вопросами. Он и директор школы (я его уже не помню)

собрали всех родителей. Они рассказали, какие будут преподаваться предметы, причем, уроков немецкого языка было очень много. Историю мы должны были учить до 17-го года. Требование: портреты всех вождей должны были быть заклеены. Это было первое условие. Если кто-то не слушался, учитель имел право бить по рукам линейкой или указкой.

Так вот эти два брата Зуевы (а они были более великовозрастные) принесли в школу противотанковую мину. И рядом со зданием школы, в простенке, начали ее разряжать. Мина взорвалась во время наших занятий. Их разнесло на мелкие кусочки.

Мы собирали их по всему двору и даже на крыше. Сразу в школу пришли саперы и через переводчика сказали: «Родители будут нести ответственность вплоть до расстрела, если кто-то принесет в школу взрывчатые вещества». Но оружия у мальчишек было много. У меня одного был пулемет, несколько наганов, гранаты были. У нас из 18 мальчишек на улице к концу войны осталось только трое, остальные погибли. Как в песне: «Нас оставалось только трое из 18 ребят». Эдик Гутовский, Витя Шурупов и я. Двоих парней за то, что они занимались воровством, немцы застрелили на месте. У нас на окраине стояли части армии Гота, которые шли на выручку к Паулюсу. Чего только у них не было в машинах, особенно много было продовольствия. Мы это дело узнали. Там, где немцы сами что-то давали, все было нормально. Они очень не любили когда кто-то лазил. И вот один из старших парней (звали его Женя, «сопляк» мы его называли) залез в машину, взял коробку и давай оттуда в сумку все перекаладывать. А когда вылезал, немец его увидел. Он достал парабеллум и расстрелял его прямо в машине. Это было у нас на глазах. После этого никто даже близко не подходил. У меня однажды было так: один немец рассыпал на земле солдатские вилки, собирал, собирал, а потом бросил. И то, что было далее рассыпано возле машины, мы не подходили и не брали.

Ю. ТУРБИНА. Биржа была на Большой Садовой, в здании Госбанка. Всем молодым людям нужно было встать на учет и ходить на регистрацию. На учет, по-моему, брали с 14 лет, мне было 15, и я стояла на учете. Мне подсказали, как можно было избежать угона. Я на правую руку (мне так было удобнее) капнула соляную кислоту, а затем положила в ранку чеснок. И растравила руку. Рука стала сильно болеть, в организме начался авитаминоз, он не мог сопротивляться и заживления практически никакого не было. Но все равно на бирже нужно было появляться. Врач там была по фамилии Селезнева (если она еще жива, пусть это почитает). Она многих отправляла в Германию безжалостно, была жестоким человеком. Работала на немцев с полной отдачей. И мне на комиссии она сказала: «Ничего страшного, дорогой заживет!» А у меня рана была уже до кости, до сих пор сохранился шрам. А что такое дорога? Телятники, в них увозили в Германию... Но я была везучая. Мне удалось в очередную явку свою карточку не вернуть в регистратуру, а забрать с собой. Я была очень коммуникабельная, и я заморочила голову в регистрации своими разговорами и под шумок припрятала эту свою «историю болезни». Меня после этого уже не тревожили, так как на бирже не осталось документов. А наш староста по 32-й линии, где я жила, армянин Сандавчиев был очень добрым человеком и меня «прикрыл». А моей подружке Зое Тимофеевне Тягусовой удалось уехать в деревню. Она останавливалась то у одних родственников, то у других — а из деревни особенно не брали на работу в Германию. Потому что в деревне нужно было тоже работать.

Ш. ЧАГАЕВ. У меня была тачка. Я с ней и промышлял. Подбирали куски угля, подметали угольную пыль, рубили, где можно было, дрова, короче, промышляли, что Бог пошлет. Были у меня мешок, складная немецкая лопатка саперная, топор и фляга — мое хозяйство. Особенно нравилась мне фляжка. У нее стаканчик сверху одевался. И она была в

фетровом чехле: для того, чтобы летом лучше сохранялся холод, а зимой — тепло. Все для солдат было продумано. У меня был еще ранец. Он был оторочен телячьим мехом. Я взял его, когда немцы уходили из Ростова, бросили его. А такие ранцы были только у эсэсовцев. Этот ранец у меня был до 56-го года. Я даже нашу службу в армии с этим ранцем проходил. А потом отдал его в музей.

В. ЛЕМЕШЕВ. Там, где стоит сейчас кинотеатр «Ростов», находился рядом какой-то завод: кирпично-бетонные стены, перекрытия — там был склад, и лежали в нем самые разнообразные материалы. Охранял его румын. Нам, мальчишкам, главное было перескочить забор, а внутри мы уже ходили свободно и выбирали, что надо. Как-то натолкнулись в одном месте на грампластинки, красивые такие, лаком покрытые... Не знаю сам, зачем, но набрал я их. Думаю, где-нибудь понадобятся. И была там пачка этикеток. Взял их и драпанул. А на этих пластинках не было этикеток. И пришла мысль: вырезать их и наклеить. На обороте тех самых этикеток, что я нашел, по кругу стал писать гуашью, это я уже умел делать — у меня рано проявились способности художника. Пишу: «Рио-Рита», «Брызги шампанского». И сверху олифой покрываю, чтобы блестела этикетка. За сутки она высыхает. И тащу на базар. Шли они с молотка — новенькие ведь. Мы загнали с приятелями несколько пачек этих пластинок, но не знали, что же на них записано на самом деле. А потом одному из нас пришла мысль: давайте хоть послушаем, что мы продаем. Нашли у кого-то патефон. И что вы думаете там было? Речь товарища Сталина «Враг будет разбит! Победа будет за нами!». А пластинка, которой мы торговали, была одна и та же. Когда мы услышали эту речь дома у моего друга, его чуть не выдрали за такие вещи. А на рынке, слава Богу, — тишина. Наверное, люди думали: это партизаны орудуют. Кто-то, может, и хотел бы донести, да побоялся: за прослушивание такой записи мог поплатиться и он сам. Так страх неожиданно и по-разному влиял на людей.

Ю. ТУРБИНА. На рынке ходили полицаи. Немцев все боялись — ведь за малейшую провинность — расстрел на месте. Особенно оккупанты зверствовали, если убивали их людей. На 34-й линии, недалеко от лесной школы, убили немца, так они сразу вывели заложников и тут же расстреляли. За одного — 50 человек — стариков, детей — без разбора. В один из таких расстрелов попали и наши друзья.

Что меня настораживало, что немцы делали какие-то прививки. Кто не делал, тому не давали карточки на хлеб. И хлеб был такой черный и мокрый — месиво, его и хлебом-то назвать нельзя, неизвестно, из чего он был сделан. Голод к концу оккупации был такой, что ели все. У нас на Соляном спуске был завод, там лежала кожа. Она была соленая, чем-то пересыпанная, воняла нафталином, и все равно, когда немцы ушли, мы ездили туда на санках за этой кожей. Люди варили ее и ели.

Ш. ЧАГАЕВ. Жила у нас на улице Клава. Женщина лет 25. И жил с ней один немец. Звали мы его «длинный рыжий Ганс». Верзила метра под два. Добряк был. Работал он на заводе «Вулканид» (там был немецкий полк по ремонту автотранспорта) и ездил туда на мотоцикле, так он нас часто катал. В перерыв на обед он приезжал домой к Клаве. У нас был один мальчишка — Женя Дураков — вот такая у него фамилия была. Он нашел где-то немецкую гранату, ручку вывинтил. А взрывная головка осталась. Взрыватель в немецких гранатах был сделан на рукоятке основания. Но этого мы не знали. Собрались в кружочек и хотели посмотреть, что будет дальше. В это время выскакивает этот Ганс, как увидел, что мы делаем, сразу выбил ногой гранату из рук Женки, повалил нас и придавил сверху своим телом. Раздался взрыв. У него вся спина и ноги поранены мелкими осколками. Поднимается он весь окровавленный, ругается. Женщины выскочили, затащили его в комнату, стали

пытаться перевязать. Услышав взрыв, приехали с «Вулканида» немцы. Один офицер, узнав, что же произошло, подходит к Гансу и давай на него кричать. Мы догадались, что он ругает его. А он лежит, стонет от боли. Получил он взбучку и его увезли в больницу, в 5-й роддом. Он находился недалеко от Лензаводского трамвайного парка. Он и сейчас там. А там тогда был госпиталь немецкий. И Клава, и другие женщины к нему ходили, в том числе и моя мать навещала его. Ведь фактически он спас нас от смерти. Он потом вернулся снова к Клаве.

А. КАРАПЕТЯН. Мы, пацаны, почти все время были на улице, и каждый день видели что-то новое. И мы ко всему привыкли. И мы все время были голодные. И мечтали только об одном, как бы поесть. Часами долбили зерно, когда оно было, чтобы сделать какую-нибудь кашу. Сметали мучку, горькую до невозможности — пыль, собравшуюся по краям. Еду постоянно нужно было искать. В голове роится только одна мысль: что сделать, чтобы поесть. Человек доходил до того, что мог даже убить другого из-за пищи. И мечтали мы не о мясе, не о чем-то другом, а только о хлебе. Как бы накушаться хлеба!

Голод накапливается и начинает менять поведение человека. И даже страх пропадает, когда ты ищешь еду. Почему люди иной раз и на пулю шли. Страх голода — самый жуткий.

С сестрой мы уходили на набережную. Наши уже готовились к штурму города, сосредоточивались на левом берегу. На набережной стояли пустые вагоны, в которых перевозили зерно. Если удавалось в вагон залезть, то можно было наместить сумочку ячменя и пшеницы. Немцы прятались за вагонами, а наши обстреливали их из минометов. И вот мы лазили по вагонам с веничком, а пули и мины вокруг свистят. Немцы сидят за колесами и с удовольствием наблюдают, как мы жизнью рискуем. Приходили сюда и старые женщины, и молодые — голод в феврале был уже очень сильный. Мы с сестрой намели один раз сумочку зерна и деру. Дотащили уже до 19-й линии, катит навстречу немец на лошади. Подскакал, увидел. Подогнал лошадь, та голову в мешок опустила и все пожрала. А мы стоим рядом и рыдаем. А без сумочки уйти нельзя — она так нам была нужна.

В. ЛЕМЕШЕВ. Мы лазили в разбитые бомбежкой дома. Пришла зима. Внизу все дрова уже подобрали и нужно было становиться «верхолазом», а это опасно. Летом и осенью нас кормил элеватор. Он был взорван и хлеб сгорел. Сверху хлеб сгорел, но внизу был более или менее нормальный. Мы там делали норы и лазили. Одного мальчишку в такой норе так и засыпало. Пробраться туда было непросто — немцы не пускали.

Н. КОРОЛЕВА. Моему сыну Сергею было в 1942 году 8 лет. Мы жили на Братском, рядом с техникумом. Там немцы получали пайки, и все время стояли машины. Как-то приходит наш сосед, испуганный... «Заберите своего сына, не выпускайте его из дома. Он на борту машины написал: «Смерть немецким оккупантам!» Я его схватил, рукавом надпись стер. Хорошо, что немцев рядом не было — расстреляли бы. Я — Сережу ругать. А он: «Так я же посмотрел вокруг — никого не было».

В. ГАЛУСТЯН. Нас с мамой должны были угнать в Германию. Вышел приказ: отправке подлежали все от 1900 года рождения до 1927. И как раз мама родилась в 1900 году, а я в 1927 г. Но у мамы все время болело сердце. И районный врач Горгелич помогла маме освободиться — дала справку. А мама была великолепная шляпочница. И в знак благодарности сшила врачу две шикарные шляпки с полями, окантованными шелковыми шнурками. По тем временам это была настоящая роскошь.

Я маме сказала: «Ни за что не поеду в Германию!». Я знала, что в Ростове есть партизаны. И хотела уйти к ним. Часто стояла и читала их листовки. В них призывали к сопротивлению фашистам. Еще писали: «Ждите нас! Мы вернемся!» Я ждала — вдруг кто-то из них подойдет и скажет: «Девочка, пойдём к нам». Я хотела даже свое подполье

организовать.

Е. СЕРОВ. Как-то я гулял. Подошел ко мне немецкий офицер. Погладил по голове и дал мне кусок белого хлеба с маслом, а сверху был посыпан сахар. Мне показалось, что я в раю.

Н. КОРОЛЕВА. Я была дома, вдруг Сергей, сын, влетает с черного хода и под кровать. И молчит. В это время с парадного постучали. Входит женщина: «Ваш сын моего побил, у него кровь из носа течет». Я ей: «Его нет дома. Когда придет, я его накажу». Она ушла, Сережа вылезает из своего «убежища»: «Ты зачем побил мальчишку?». — «А пусть он меня Геббельсом не называет».

А. ПАНТЕЛЕЕВ. В доме на ночь мы закрывали ставни. И как-то ставень сломался. Вышел я его подчинять. Мне 9 лет, но я один в доме мужчина. В руках молоток, классный такой, дедовский, недалеко стоял румын. Увидел, дал мне пинка и отнял молоток. А жили мы на Ульяновской улице, рядом с немецким штабом. Оттуда выходит офицер. А я стою и реву. Он подошел, догадался, в чем дело. И как двинет румына по морде. Вернул молоток. А позже на нашей улице расстреляли группу ребят.

В. ЛЕМЕШЕВ. Новая власть стала наводить «новый порядок». Появились сразу первые полицейские русского происхождения. Как-то так получилось одни отстаивают Родину, другие охраняют оккупантов. Форма полицейских была не у всех, а вот сапоги — у каждого. Начались и первые расстрелы.

А. КАРАПЕТЯН. Немцы поделили город на части. В Нахичевани стояли в основном румыны, и здесь была румынская комендатура. На Сельмаше расположились преимущественно чехословаки. В центре была немецкая комендатура. Были, конечно, еще и небольшие комендатуры. Деньги ходили и наши, и немецкие.

Т. ХАЗАГЕРОВ. На углу Кировской и Большой Садовой работало кафе. Там продавали пирожные с сахарином и кофе. Вероятно, было все дорого. Рассказывали, что кафе то посещали немцы и проститутки. Там они и веселились.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Немцы открыли школу. И я пошла в 4-й класс. Программа была свободной. В нашей советской школе, как теперь понимаю, я чувствовала постоянное идеологическое давление. Меня загружали общественными поручениями. В немецкой же школе ничего этого не было. И мне такая форма обучения понравилась. Вот пример: на Новый год была елка. Мы сами делали игрушки, сами ее украшали. Никто не стоял над душой. Не было никакого соревнования. Все было от нашего сердца. Никто не говорил — ты должен, а спрашивали: кто хочет почитать стихи? Школа отапливалась, все было чисто. В школу немцы заглянули один только раз. Учителя все были свои. Только один новый учитель был — физкультуры. Он как-то сказал с насмешкой, господа-большевики. Я сразу подумала: предатель. Был новый предмет — рукоделие, учительница учила нас накладывать пуговицы. Был и немецкий язык. А потом начались бомбежки и стало не до школы. Наши вернулись — учителей не трогали. Географ, Николай Иванович, по кличке Дракон, стал даже директором школы.

В. ГАЛУСТЯН. На рынке всегда были партизанские листовки. Люди передавали друг другу все новости, которые знали. И все важные сведения до нас доходили. Кто-то слушал подпольно радио и передавал услышанные сведения, а люди их разносили. Так что рынок был своего рода центром информации.

Рядом с нынешним «Интуристом» был стенд, на нем вывешивали газету «Голос Ростова». Информации там было мало, и мы читали обычно между строк. Немцы писали о том, что выравнивают фронт, а мы понимали — они отступают. Запомнился мне анекдот о Ленине, который там был напечатан. В мавзолее Ленина заходит мужчина с ребенком и

говорит: «Сынок, посмотри внимательно на этого человека. Он нас обворовал, забрал наши дома, фабрики, заводы. Он сделал нас нищими». Часовой: «Гражданин, отдайте свой последний долг и проходите». — «Ты слышишь, сынок, я еще и должен остался».

Около газеты я как-то встретила человека, одетого в румынскую форму. Он читал газету. А я стояла рядом с подругой. Мне стало не по себе. Румын, а читает такую газету. Я сказала об этом тихонько подруге. Я не сомневалась, что это партизан. Он внимательно посмотрел на меня, повернулся и пошел. А когда дошел до угла, оглянулся, кивнул нам головой и повернул. Мы стояли побледневшие. Потому что я все время мечтала встретиться с партизанами.

В. ЛЕМЕШЕВ. По городу ходила машина с громкоговорителем. Передавали городские новости. Голос диктора был хороший, наш брат русский читал. Сообщали по этому радио устрашающие вещи: приказы, всевозможные запрещения. Мы, мальчишки, к этим новостям особенно не прислушивались, потом шли песни, бравурные марши. На улицах было много плакатов. Висел такой плакат: стоит немец с автоматом на перевес, а от него в разные стороны разбегаются солдаты с красными звездами.

В. ГАЛУСТЯН. Когда мы бегали с 14-й линии на занятия в балетную студию при кляйнис-театре по Энгельса, то многое по дороге видели. Между 14-й и 16-й линиями была парикмахерская, она там до сих пор работает. Мы заглядывали туда в окна. Обычно там сидели немцы и делали маникюр. Немцы никогда не носили по улицам никаких вещей в руках. Если что-то у кого было — они катили колясочки.

Л. ГРИГОРЬЯН. Во время оккупации мы никаких праздников не отмечали. Взять Новый год — и слышно ничего об этом не было. Зимой люди вообще из дома не выходили — мороз трескучий был.

В. ЛЕМЕШЕВ. Старухи учили нас молитвам: «Отче нас» и прочая. Сейчас уже все поветрилось. Молодые женщины старались ходить зачуханными, чтобы не привлекать немецких солдат.

Л. ГРИГОРЬЯН. В то время почти все люди стали верить в бога. К кому же еще обращаться за помощью, если тебе на голову сыпались бомбы. При немцах открыли собор. Я тоже тогда верил в бога. По городу разбрасывали религиозные листовки. Молитвы бросали в почтовые ящики и просили переписывать их и передавать другим. Сама жизнь давала импульс веры. Причем, такая вера: искренняя, безоглядная, больше не повторялась. Помню я говорил тетке: «Я молиться не умею». А она: «Ты молись своими словами». И я, стоя ночью в кровати, обливался слезами и лепетал: «Николай Чудотворец! Соверши чудо — спаси моего папу!»

В. АНДРЮЩЕНКО. Когда по улице проходил староста или полицей, было такое ощущение, что им очень неуютно. Они, конечно, встречали взгляды наших людей и даже спиной их чувствовали. Иногда даже затравленность какая-то просматривалась, особенно перед уходом немцев.

А. КАРАПЕТЯН. Задолго до вступления наших войск в Ростов была слышна артиллерийская канонада. Начались бои на дальних подступах к городу. Информации о том, что происходит, у нас никакой не было. Один раз я рискнул, достал приемничек «СВ-9». Но электросвета не было. Рядом с нами находилась комендатура, и к ней шел кабель. Я взял две иголки, воткнул в кабель и запустил приемник. Один только раз послушал, но хоть узнал, что немцев разбили под Сталинградом.

А на другой день немцы делали обход кабеля, проверяли, нет ли утечки электроэнергии. И кто-то наткнулся на мой провод. Зашли к нам в дом. Меня отвели в немецкую комендатуру.

Она находилась на Советской, где-то между 13-й и 18-й линиями. Там меня били до умопомрачения. Хорошо, что нашли только провод, приемник я спрятал. А то бы расстрел без разговора.

Но меня тогда спас Роджер, стоял у нас в доме на постое румынский офицер. Он за меня заступился, его сестра и мать попросили. Вообще этот Роджер был лояльным к нам. Когда мы голодали, он иногда приносил какой-нибудь обед.

В. ГАЛУСТЯН. Занимаясь в балетной студии кляйнис-театра, мы, девчонки, все время думали над тем, зачем нашей руководительнице, Инне Игнатьевне Мир, нужно было основывать наш кружок. Неужели только ради тех продуктов, которые она с нас собирала? Разгадка, на наш взгляд, наступила тогда перед отступлением немцев. Она собрала нас и сказала: «Девочки, в студию больше не приходите. Немцы могут подогнуть машину и вас насильно увезти». Я буду здесь говорить: «Мне не с кем работать, дети перестали ходить, потому что стреляют. У вас есть с собой удостоверения, и если к вам кто-то придет на дом, вы ими прикроетесь». Она нас предупредила примерно за две недели до прихода наших войск. Как я потом узнала по разговорам, что балетмейстер Долинский пытался немцам подсказать. Он почувствовал, здесь что-то неладно. Но немцы ничего не успели с нами сделать, им было уже не до нас.

Л. ГРИГОРЬЯН. Меня больше всего потрясло подлое поведение наших некоторых соотечественников. Одно дело, когда человек шел работать медсестрой, а другое дело — в гестапо. И вообще было любопытно наблюдать за людьми. Одно время я лежал в больнице, на углу Буденновского и Красноармейской. Меня туда устроила тетя, она там работала медсестрой. Ничего у меня не болело особенно, а так, чтобы я хоть поел. Так вот, одни вели себя обычно. Но там были два человека, которые почувствовали себя при немцах важными людьми. Они друг друга называли «господин». Начинается утро, и один обращается к другому: «Господин Ситников, вы читали сегодня газету?» А газета выходила в то время вонючая, антисоветская — «Голос Ростова». «Да, господин такой-то, читал». И начинали вести пронемецкие разговоры. И Ларионова, которая выдавала немцам жильцов нашего дома, тоже требовала, чтобы ее называли госпожой. Некоторым захотелось стать господами — вот ведь в чем дело!

Квартиры эвакуированных были разграблены начисто. Прямо на улицах валялись книги. Я сам видел «Еврейскую энциклопедию», «Знаменитые евреи» в роскошных переплетах. Прямо стопами лежали книги у дома-гиганта.

Люди вели себя по-разному. Мне один приятель рассказывал такой случай, а он жил в Нахичевани, сам он поляк, Дима Зиомир, его уже нет в живых. Рядом с ним жил человек, который служил в гестапо и активно служил. Однажды они шли по улице. А по другой стороне идет женщина. Тот и кричит: «Смотри, смотри, я же знаю она еврейка», — и кинулся за ней. А ведь немцев рядом не было, никто его за язык не тянул и выслуживаться было не перед кем. Что было с этой женщиной дальше — ясно. И вот, что любопытно. Тот человек ушел с немцами, исчез. Прошло пять лет, и Дима идет как-то и видит, как возле какого-то магазина остановилась машина, и тот человек, бывший гестаповец, стал выгружать арбузы. Я у Димы спрашиваю: «Как же ты поступил?» Он отвечает: «Ты знаешь, я сам был не свой. Крутился-крутился, но донести не смог». Я потом подумал и понял: я тоже не уверен, донес ли бы я или нет. Донос ведь он всегда донос: НКВД, немцам ли. Но мне все-таки кажется, что я бы себя пересилил, уж очень близко принял я к сердцу расстрелы ростовчан. У мамы все родственники погибли, все...

Н. КОЛОСОВА. У нас во дворе одна девица обитала. Колоритная такая с

финтибобером... Фамилию я ее уже не помню. Как говорят, легкого поведения. При наших — редко какие штаны мужские мимо себя пропускала. И при немцах — тоже. Не менять же ей профессию. Да она ничего другого делать и не умела. Рассказывали, что она весь немецкий штаб через себя пропустила. И куда-то мотанула. А потом оказалось, что все они больны нехорошей болезнью.

После Победы вернувшиеся с фронта мужики собрались во дворе. Поставили на стол выпивку, раздухарились. Один: «Я на первом Украинском фрицам жару давал». Другой: «А я в Карелии воевал». Тут как раз Катька по металлической лестнице и спускается. Они: «А ты где была?» Подначивают, значит. Она кофточку распахивает, а на платье — медаль. Не знаю, где она ее раздобыла. Но, эффект был хоть куда.

Л. ГРИГОРЬЯН. В коммунальной квартире у бабушки, где мы жили, расквартировались эсэсовцы. Дом табачников — большой, и почти в каждой квартире они жили. Мы ютились впятером в одной комнате, а у соседей стояли эти самые немцы. Снабженцы какие-то, потому что весь двор был уставлен машинами, с которых мы иногда подворовывали продукты. У нас стоял Фридрих, Фриц и Гайнц. Все звали его Ганс. А Ганс по-немецки — гусь, и он страшно злился. Внизу жил поляк-переводчик, дико зловещий, в роговых черных очках. Вот воплощение гестаповца. Ходил он с гигантской овчаркой. И когда заходил во двор, все трепетали.

Однажды мы с бабушкой пробрались ночью на кухню, а у них там стояли мешки с мукой, крупами. Бабушка подол подняла, я же угольным совком ей муку туда сыплю, и тут заходит Фридрих. Я замер. Ну, думаю, все! Ничего абсолютно не было! А как-то неожиданно тоже заходит в комнату Фриц, а я стою перед трюмо с его автоматом наперевес. Он подошел, потрепал меня по голове. Пацан, мол, что с него возьмешь.

А вот Гайнц был ужасный тип. Он по-русски практически ничего не понимал. Все время играл на губной гармошке: «Из-за острова на стрежень». Такой вот классический немецкий репертуар. Был огромного роста, рыжий, и глаза рыжие какие-то. Он был не в себе, сумасшедший. Сами немцы говорили, что он — с тараканом в голове. У него на кухне была своя плитка. Один раз он заходит туда и говорит бабушке: «Кипятит!». Она отвечает: «Вот кипяченая вода». Он сердится и опять: «Кипятит!» (Это потом бабушке сказали, что ему нужен был кипяток, они собирались делать то ли грог, то ли пунш). Тут я вмешался: «Ганс, кипяченая!». Он начал кричать, что он не Ганс, а Гайнц. Бабушка все равно ничего не понимает, чего ему надо. Тогда он хватает мою крохотную бабушку и швыряет ее через всю комнату. Она падает, бьется головой о диван. И тут я от своего детского бесстрашия, а мне было 12 лет, вскакиваю и наношу ему удар кулаком. Я едва ему до пояса доставал, и для него это был как укус комара. Он разворачивается. Я такого страшного лица никогда в жизни не видел. У него что-то, наверное, сдвинулось. Одним ударом он сбил меня с ног, а потом, вращая руками и ногами, поволок меня через весь длинный коридор и последним пинком вышиб на лестницу. И я покатился по ступенькам. Вскочил где-то на середине лестничного марша и закричал ему: «Дурак!». А это слово он знал. Он испустил дикий рев. Если бы у него под рукой было оружие, он бы меня, без сомнения, пристрелил. Я кинулся бежать и три дня прятался. Это были как раз три последних дня оккупации. Когда я вернулся, и машин уже не было, и Ганса, и остальных немцев.

Газета «Голос Ростова» была ежедневной и, конечно, очень вонючей. В ней писались, в основном, антикоммунистические статьи. Писали много о Сталине. У меня эти газеты были, потом отец их сжег. Наверное, они где-то в архиве и сохранились.

По всему городу были расклеены афиши, подписанные доктором Лурье, по-моему.

Немцы выбрали уважаемого всеми человека из наших, чтобы ему поверили. Поневоле ли он пошел, по согласию не знаю. Его тоже в конце концов расстреляли. Так вот, в этих афишах был приказ собраться евреям на особых сборных пунктах, якобы для переселения в другое место. Взять с собой белье, ценные вещи, а квартиры запереть. Вот важная деталь: мне рассказывали, что в Бабьем Яру расстреливали евреев не немцы, а украинские полицаи — всегда такие люди находятся. Немцы только отдавали приказ. То же самое было и в Ростове. Я видел только русских полицаев в немецкой форме. В нашем доме выдали всех евреев. А некоторые сами шли от безнадёжности. Вот так пошла моя бабушка по линии матери.

Я сам видел одну такую колонну. Охрана была небольшой, убежать можно было запросто или просто затеряться среди прохожих, но люди шли обречено. Многие знали, куда их ведут. Я узнал в колонне соседа по дому. Молодой человек, красивый, высокий. Он нес на плече ребенка лет трех. Он шел, как на демонстрацию, так, наверное, и сказал своему ребенку.

Но зверствовали не только наши полицаи. Мне рассказывал об этом Вадим Яковлев, сын детского писателя и редактора газеты «Большевицкая смена» Полиена Яковлева, который жил в нашем доме. Его выдала уполномоченная Ольга Ларионова. Так вот, Вадим говорил: когда они отступали на юг, их догнали немцы. Они сразу вывели из колонны всех евреев, страшно издевались над ними, заставляли лизать сапоги, есть кал, а потом всех расстреляли.

А. КОТОВ. Мне было в 42-м 11 лет. Отец воевал. Перед приходом немцев во второй раз мы с мамой надумали уезжать на юг. Шла целая колонна беженцев. Но мы недалеко ушли. Немецкие танки нас обогнали, и мы вынуждены были вернуться в Ростов. Нужно было как-то жить. Сначала я собирал рыбу на Дону, которая всплывала после бомбежек. Продавать ее можно было только свежее — соли не было совсем, а то бы сгодился засол впрок. Но скоро бомбежки кончились, фронт ушел далеко на юг и восток. Пацан я был смысленный, руки пришиты вроде бы нормально. Я вообще с самого раннего детства любил мастерить. Где какую гайку или болт найду — в карман и ташу домой. Кто-то мне тогда подсказал: делай копилки. Я подбирал пустые банки из-под немецких консервов, вырезал жестяной ограничитель, прилаживал фитилек и «лампочка» готова. Все тогда такими пользовались. Даже мать своим промыслом кормил. Когда же наши пришли, мне запретили делать эти копилки, и даже сарайчик, где была моя «мастерская», разрушили.

А. КОТЛЯРОВА. Немцы вели себя по-разному. Среди них ведь тоже всякие попадались. Иногда шоколадки детям давали, а то — пинка. Особенно мы боялись румын.

В городе ночами были слышны выстрелы. К нам во двор повадился один немец. Он куда-то на юг перегонял постоянно тяжелый фургон. Что он возил, мы не знали. У нас останавливался ночевать. Придет вечером, бросит на пол тулуп рядом с печкой и спит. Нас не трогал. Но грозил, что если с его грузовиком что случится, что-то пропадет, нас расстреляет.

Л. ГРИГОРЬЯН. В городе работали и кинотеатры, но в кино я не ходил. По городу были расклеены плакаты, листовки. Самая популярная: «Гитлер — освободитель». Он был там изображен стоя, подбоченясь, со своей усатой мордой, в форме. На рукаве — повязка с фашистским знаком. Вторая такая — еврейское лицо карикатурное: выпученные глаза, горбатый нос торчит... Лицо наполовину красное, наполовину-желтое. На красной части лица надпись по-русски, на желтой — по-украински. «Кто виноват, что ты недоедал? Жид! Кто виноват, что ты бедствовал? Жид!» Огромный такой плакат, метрового размера. Была еще огромная карикатура на Сталина. Он нарисован там был огородником у шалаша. Вокруг черепа, черепа, черепа... И стишок: «Есиф Сталин в шалаше, смотрит с радостью в душе».

По качеству рисунки были выполнены очень плохо.

Л. ШАБАЛИНА. Иногда мамка с менки привозила из села семечки. Мы их жарили и продавали. Торговала я. Сидела с ведерочком на углу Кировского сквера и нашей улицы — рядом со своим домом.

И вот один раз подходит ко мне какой-то немец, запускает руку в ведерко и начинает набивать карманы. А сам приговаривает: «Сталинский шоколад, сталинский шоколад». Что я могу сделать?

А по аллею сквера, по самой крайней, которая примыкает к улице Суворова, часто прогуливался генерал. Был он подтянутый, холеный. И ходил с хлыстом в руках. Увидел он эту сцену, подошел сзади и как перетянет этого немца хлыстом. Тот вытянулся перед ним. Генерал что-то сказал ему, и он сразу убежал.

Тогда генерал берет меня за руку и ведет к нашему дому. А через двор от дома, в здании управления завода имени Ворошилова стояла какая-то немецкая часть и там солдаты получали прямо на улице питание из полевой кухни. Как раз был обед. Генерал что-то сказал повару, который раздавал еду и показал на меня. А немецкие солдаты стояли с котелками в очереди. И вот когда очередь закончилась, повар показывает мне знаком: неси, мол, миску. Я не сразу поняла, а потом побежала и принесла мисочку. Он мне положил черпак каши с тушенкой.

С тех пор мы, я и мои сестры, а иногда и другие ребята, с нашего двора, рассаживались на бордюрике со своими мисками и ждали, когда немцы получают свои порции. И тогда подходили к повару. И если, что-то оставалось, он нам давал — в основном эта была каша или суп. Давал, конечно понемногу, но для нас полуголодных, это была большая поддержка...

Б. САФОНОВ. Самым важным местом в городе стала толкучка, ее называли «менкой», а иногда «обжоркой», так как там было все: вареное, пареное, жареное. Люди меняли там одежду, вещи, меняли в основном на продукты. Хлеб стоил 250 рублей булка. Пачка папирос или стакан махорки стоили 60 рублей. Столько же — стакан соли. Литр водки стоил 1000 рублей. Для сравнения: зарплата на табачной фабрике до войны была 280–310 рублей. Хлеб стоил 90 копеек за килограмм — черный, а белый — полтора рубля.

Многие ездили на менку в деревню.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Почти в каждом доме были мельнички. Если она ломалась, шли к соседям. На них мололи зерно, кукурузу, пшеницу, но пшеница была роскошью. Мельничку прикручивали к большой табуретке намертво. Крутить ее было очень тяжело. Мы сажали на табуретку деда — как груз. Но пока намелешь что-то, всю комнату объездишь. Главная еда была — кукурузнички, из этого грубого, крупного помола пекли пышки на сковороде. Масла не было, и они подгорали. Соседка мазала сковородку свечкой. Еще варили кашу из кабака. Постоянные разговоры с соседями: сладкий кабак был или нет. Главное желание: хотелось есть!

С. ЛЮБИМОВА. У меня было четверо детей, и их надо было кормить. Я стирала белье мыла полы. Что дадут за работу всему рада. Одна женщина со двора подсказала: «Ходи на пристань, там бывает плохой уголь, а им можно топить. Иногда наскребу ведро. Едва дотащу в горю. Поменяю его на кусок мамалыги — и детям. Так я бытовала.

Немцев я старалась избегать. Один раз к нам заехал во двор мотоциклист. Бабы сидели на скамеечке. Он у них стал что-то спрашивать. Они рукой показывают на мою квартиру. Слышу — стучит. Заходит, говорит: «Папа, папа». И показывает свою ширинку. Я испугалась. Думаю, сейчас приставать начнет: «Папы, — говорю, — нет мол». Он — свое. Оказалось, он

просит штаны мужа, его порвались. Дала я ему брюки. А он просит свои зашить. Увидел, что у меня куча детей. Сел на мотоцикл, уехал. Вскоре приезжает. Штаны его готовы. Я быстро зашила, у меня машинка была, потому-то бабы ему на меня и показали. Достает кулек с конфетами и большую буханку хлеба. «Киндер, киндер», — кивает на детей. А потом показывает чуть выше колен и еще выше: «Киндер, киндер» — и машет рукой в сторону, как бы говоря — у него тоже дети есть.

А. КАРАПЕТЯН. Немцы разрешили в городе открыть коммерческие магазины и рестораны.

Один наш сосед, Федя, и открыл такой ресторан на Газетном и Энгельса. Немцы приезжали к нам по двор, привозили ему для ресторана шнапс, он у них покупал. Мать готовила для его ресторана пирог «Наполеон». Он давал ей муку, сахарин. Я иногда на своей тачке возил эти пироги к нему в ресторан, 20 марок они стоили или еще сколько-то. Там моя старшая сестра работала посудомойкой. Федя взял ее к себе.

В. ВИННИКОВА. На нашей улице жестоких случаев не было. Немцев принимали за кусок хлеба — каждый хотел выжить. Жили тяжело. Спичек не было. Добывали огонь, как дикари, били камень о камень. У кого печка горит, к тому шли за горящим угольком, чтобы растопить свою.

Мама ездила на менку на Украину. С себя все сняли, одежду, ботинки, все обменяли на продукты. За платье давали мешок зерна, брали синьку, гвозди. Немцы были, конечно, разные. Одни наглые, другие старались не обижать наших. Показывали фотографии своих семей. Некоторые ругали Сталина и Гитлера. Ругали — войну, у нас дети, не хотим воевать. Были случаи и комические. Немец, который жил у соседки, пришел с гулянки поздно, лезет в окно. Она его кроет, как попало. Он: «Лена, Лена, извини».

А. АГАФОНОВ. У нас жила родственница из Азовского района, хохлушка. Звали ее Самсониха. Ей была 70 лет, но она была очень крепкой.

Летом 42-го многие сажали на газонах овощи, в основном картошку. Посадила ее и наша Самсониха, около 24 подъезда дома-гиганта. Там сейчас детская площадка. А ближе к осени решила ее вырыть. Но в то время в том подъезде в кварталах первого этажа складывались вещи расстрелянных евреев и стоял часовой. Он увидел, что бабка собирается что-то копать, и зашумел: «Матка, вэг, вэг!». Она: «Что ты вэкаешь, тут у меня картошка посажена». Немец ничего понять не может. Тогда она стала показывать знаками. Выкопала один клубень и демонстрирует немцу. А картофелина небольшая, чуть поменьше куриного яйца. Часовой ей тоже стал объяснять: «Рано, мол, копаешь, сейчас такой маленький, а придешь позже, и он вырастет большой». Бабка посмотрела на него, как на сумасшедшего, надо было видеть нашу Самсониху: «Теперь он вот такой, а приду попозже — будет — во...» И показала фигу. Немец опешил, а она стала копать. Он опять: «Вэг, цурюк, доннер вэттер!» — потом махнул рукой. Она единственная из нашего дома вырыла всю свою картошку. Остальные так и не решились.

А. КАРАПЕТЯН. Румыны ходили вечно голодные. Зайдут в хату и ищут, что бы забрать. Как румыны появлялись на улице, нужно было все прятать. По карточкам давали немного обгорелого хлеба, так и тот румыны могли отобрать.

В. ВАРИВОДА. Мне было 23 года. У меня был маленький ребенок. И я больше всего боялась, что меня угонят в Германию. Поэтому я старалась как можно реже выходить на улицу. Жила в основном слухами. Партизаны взорвали водопровод и нам пришлось брать воду из Дона. Я жила на углу Нахичеванского и Станиславского, совсем рядом с рекой. А представляете, каково было тем, кто жил далеко! Особенно было тяжело возить воду, когда

выпал снег. Возили на санках, самодельных тележках. В ведрах, бидонах, выварках. Пока довезешь, половина расплещется. Дорога была сплошной каток. Пройдешь метров двадцать-тридцать, садишься отдыхать, — так по всей горе сидели люди. Нередко они падали. Я видела, как одна старая женщина упала, и санки потащили ее вниз.

А. ПАНТЕЛЕЕВ. В 43-м мне было 9 лет. Рядом с нашим домом на Ульяновской находился немецкий штаб. Мы, соседские мальчишки, конечно, крутились рядом. Во дворе повар разливал суп — дородный такой, пухлый, белый. Мы освоились и со своими мисками стали пристраиваться в конце. Если что-то оставалось, он иногда плеснет. А бывало, нальет половник супа, а потом возьмет жменью соли и высыплет туда. И смеется довольный.

А. КОТЛЯРОВА. Денег у нас тогда не было, отец лежал больной. Двое маленьких детишек. И я стала промышлять «торговлей» на рынке, его звали тогда менкой. Меняли в основном вещи на продукты. Возьму чайник кипятку — и по рядам: «Кому кипяточку?». Наторгую на пригоршню сахара. «Кому сладкий чай?» К концу дня получу на баночку молока. И — деткам. Ходила и по окрестным хуторам. Запрягусь зимой в санки — и за город. Что было в доме, все продала. Бывало, кругом гололед, а ты тащишь санки в гору. Зигзагами: туда-сюда, туда-сюда. Из сил выбьешься, присядешь. А как вспомнишь о своих девчонках, зубы стиснешь и снова за лямки.

Через Дон был понтонный мост. Один раз полозья моих санок на этом мосту попали в щели между досками, и заклинила я движение. Немцы-охранники кричат, ругаются. Я изо всех сил тяну — ничего не получается. Ну, думаю, пропала. Бежит ко мне какой-то наш мужичок. А там и такие были, встречали тех, кто из деревни возвращался и часть продуктов отбирали. И я уже не о том думаю, что движение перекрыла, а как бы он меня не ограбил.

Но тут подбежал и немец. Дал тому мужику пинка и помог вытащить санки.

Л. ГРИГОРЬЯН. Очень скоро открылись в городе магазины. Был такой комиссионный магазин «Лянде и Буссэ». Я отнес туда свою коллекцию марок. Ее при мне купил один немецкий офицер. На вырученные деньги, по-моему 127 рублей, я купил буханку черного хлеба. И с гордостью принес его бабушке — вот, мол, мой вклад. Деньги ходили советские. В том магазине я видел оригиналы рисунков к «Тихому Дону» и к «Луке Мудищеву» знаменитого теперь Королькова. Это были ватманы, исполненные карандашом, наверное, эскизы.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. На менку ходили все — жить надо было как-то. Мать — тоненькая, хрупкая, а мешки по два пуда носила. Золотой материал для деревни был: мыло, нитки, сода, керосин, спички, потом шла одежда. А брали, естественно, продукты. Садись в поезд или в машину и — куда судьба забросит. Вот какой случай мне рассказывали: три женщины сели в какой-то поезд, в тамбур. Вагон пустой, едут на юг, трясутся, а дело было зимой. Дверь в тамбур открыта — мороз лютый. Они дверь закрыли и привязали ее. Поезд встал, по ступенькам в вагон поднимается немец. Дергает дверь, кричит, чтобы открыли. Он чувствует, что дверь не заперта, но не знает, кто там. Они уцепились изнутри и держат дверь. Поезд пошел, а немец внизу, на ступеньках. Развязали они веревку и по команде бросили дверь. Немец и сорвался под откос. Они, конечно, страшно перепугались и на ближайшей остановке ушли. Боялись, а вдруг разыскать того немца будут.

Б. САФОНОВ. Нас спасало то, что было очень много рыбы. Мы с пристани ловили здоровенных сазанов — когда это было видано еще такое. А когда немец бомбил железнодорожный мост, глушенной рыбы было навалом. Но был страшный дефицит соли.

К. ФЕДОРОВА: Мы жили в селе Самарском, но в Ростов приходили менять продукты. Привозили отруби, семечки. Покупали в основном мыло. Однажды приехали со старшей

сестрой и попали на старом базаре в облаву. Документы у нас были такие бумажка с фотографией.

Надписи так повитерлись, что еле-еле можно было прочитать фамилию. И вот облава... У кого документов нет, забирали в Германию. Нас с сестрой толпа разбросала в разные стороны, а документы ее были у меня. Сестру мою и взяли. Повели в подвал. Она плакала, кричала: «У меня дети маленькие, а документы у сестры». Один из охранников услышал это и толкнул ее в другую дверь: иди и выйдешь как раз на улицу. Она вышла, и мы с ней встретились на углу.

Ш. ЧАГАЕВ. Мне приходилось пешком проходить через весь город, родичи жили мои на 32-й линии в Нахичевани. Ходил я туда с бабушкой, один не рисковал. Из разрушенных зданий запомнилось одно. Там, где сейчас Дом культуры строителей. Там был кинотеатр «Родина»: раньше он назывался «Югштурм», а кинотеатр «Победа» назывался «Руш». Между домом строителей и домом Померанцева (сейчас магазин «Океан») находился роскошный ресторан, на втором этаже его был большой балкон, он перекрывал всю ширину тротуара. И там были металлические колонны. Бомба попала в само здание, а балкон сохранился, и все ходили под ним...

Л. ШАБАЛИНА. Однажды в наш дом пришел немец. Матери как раз не было, уехала в село на менку — я, девчонка, очень испугалась. А он оставил под окном сверток. В нем — рубашка, штаны, кусок мыла и булка хлеба — за работу. Я стала плакать — стирать-то не умею! Соседка, Вера Литусова, меня научила стирать. И потом тот немец нет-нет да и стал приносить свою стирку. Вера меня даже хлеб печь научила.

В. БОНДАРЕНКО. Постепенно мы успели осмотреться. Венгры часто насиловали, румыны обирали. Немцев мы боялись меньше. Они чувствовали свое превосходство и везде это подчеркивали. Но и немцы были, конечно, разные. У нас жил на постое военный врач. Он говорил по-русски, хотя и плохо. Часто приходил вечером домой угрюмый и пил шнапс. Раз он наклюкался так, что мы испугались. А он взял в руки два яблока, с силой ударил одно о другое, так, что они разлетелись вдребезги. И сказал: «Голова Сталина, голова Гитлера — войне капут!»

Он везде носил с собой альбом с марками, наверное, они были очень ценные. А однажды, когда под Батайском была уже сильная стрельба, собираясь, сказал: «Марки оставляю. Если не вернусь — вам останутся». И он не вернулся. Но отец потом выбросил их, чтобы ничего не напоминало того немца.

М. ВДОВИН. У нас на квартире немцы не стояли, хотя у всех окрест они были. Спас случай. Остановилась возле дома колонна немецкая. Зашел квартирьер посмотреть обстановку. А на столе лежала пачка светочертежей — отец был инженером. Это были старые чертежи, использовались на завертку. Немец их увидел: «Вас ист дас?» Что, мол, это такое. А мать говорит переводчику: «Мой муж инженер, это его материалы». — «Пан инженер! — почти с благоговейным почтением вымолвил немец, — никс квартир» и вышли. Что-то написали мелом на воротах. И с тех пор они больше не приходили. Но некоторым семьям, у кого стояли немцы, они помогали и делились пайком. Но приходилось делиться и женщинами.

Л. ГРИГОРЬЯН. Румыны были сравнительно мирный народ. Воевать они не хотели, так — с боку припеку. Их ставили в основном на охрану, в гарнизоны. Их казарма была как раз рядом с бабушкиным домом, где мы жили. И я видел, как немец бьет морду румынскому офицеру.

М. ВДОВИН. Люди жили в основном менкой и все-таки не голодали — спасла рыба. Ее

было очень много, и все питались рыбой. Ее солили, вялили... За другими продуктами ездили на менку, в основном в Краснодарский край, в Степную, в Кущевку, даже до Тихорецкой добирались. Немцы с первого сентября, по-моему, всему населению выдали карточки: 300 граммов хлеба на человека. Жизнь на центральных улицах напоминала нашу сегодняшнюю: везде стояли коммерческие палатки, лотки, везде частная торговля. Продавали табачные изделия, сахарин, всякую мелочь.

Вот видел я такую сценку в самом конце июля или в начале августа. Новопоселенский базар. Мы с матерью там ходим. Картошка — четыре рубля килограмм. На те деньги во время войны — это недорого. На рубле тогда был изображен шахтер с отбойным молотком, на трешке — красноармеец, на пятерке — боевой летчик. А на десятке, трех червонцах, 50 и 100 рублях — Ленин. Эти деньги с такой советской символикой так и ходили при немцах. Так вот немец взял несколько килограммов, кажется, четыре, потом говорит: «Айн рубль, айн килограмм». Отдал четыре рубля и пошел, с ним же никто связываться не будет. Ходили и немецкие марки. Немцы установили курс: одна марка — 10 рублей. У каждого немца была пачка советских денег. Потом, после окончания войны, выяснилось, что они привезли много фальшивых банкнот.

В. ГАЛУСТЯН. Когда у нас жили на квартире румынские солдаты, к нам приходил их офицер. Он должен был первоначально жить у нас, но потом их командование не доверило нам, и все офицеры стали жить в общежитии. Он был очень обходительным. Покупал обычно чай. Как-то он спросил: «Добрая пани, мне нужен сарай, я хочу туда что-то поместить, но чтобы никто не знал, что я там храню». Мама направила его к тете Поле. У нее муж и сын были на фронте. Она многих во дворе спасала от немцев. Она им улыбалась, а всегда помогала своим. Следом пришли из румынской комендатуры, стали спрашивать: почему и зачем к вам ходит этот офицер. Мы рассказали, что он покупает продукты. А про «тайный» подвал ничего не сказали, словно почувствовали здесь что-то неладное. Румыны сказали: все очень нехорошо, мы за ним следим. С тех пор он исчез. Наверное, его взяли свои.

В. АНДРЮЩЕНКО. Немцы выглядели еще бодро. А вот их сателлиты — венгры, румыны — ходили зачастую обшарпанные, голодные, особенно румыны. Они заходили во дворы, на огороды и подбирали там все подряд. Даже перец ели. Один раз румын забрел в наш огород. Так бабушка его палкой погнала, несмотря на то, что он был с винтовкой. Она вообще бедовая, бесстрашная была.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Сценки поведения наших людей были очень любопытны. Был у нас на улице такой тип — Савва. Он ждал прихода немцев и говорил: «Это — культурная нация, они научат нас жить правильно». А воды у нас не было, и ходить за ней была мука — очень уж далеко. Немец дает Савве ведро, говорит: «Иди за водой!». Тот принес. Его еще раз послали и еще. Он с утра до вечера таскал немцам воду. И потом больше никогда не говорил о них ничего хорошего.

Ш. ЧАГАЕВ. У нас на улице жил один старый мужик Николай Пархоменко. Огромный такой казак, украинец, с пышными усами — громила. Он был алкоголиком в высшей степени, мог ведро водки выпить. А как выпьет — нрав у него был крутой, только держись. А еще у нас на улице жил дедушка-староста, Федор Степанович, кажется. И вот Пархоменко начал к нему придирается: как это так, у тебя коммунисты дети, в Красной Армии служат, а ты — староста. Что-то тут нечисто. Ты, наверное, разведчик, партизан. Придрался и давай деда колотить. В это время Ганс выходит на улицу, а он неделю как вышел из госпиталя после ранения от взорвавшейся гранаты. Услышал крик. А у него кобура на боку всегда была расстегнута. Выстрелил он в воздух. Те притихли. Дед к забору прижался, а тот — обалдел.

Ганс подходит к нему, а Пархоменко показывает на деда и кричит: «Партизан!» Ганс деда ежедневно видит, ну, какой он партизан? А объясниться они не могут. В это время выскочила Клава. А она была красавица, женщина образованная, немецкий язык хорошо знала. Она Гансу и объясняет, что напился, мол, мужик, вот ему партизаны и мерещатся. А дед — не виноват. Разобрались вроде. Но Ганс все-таки на всякий случай привез гестаповцев. Это была полевая жандармерия. На шее у них на цепочке висела большая бляха полумесяцем, на ней изображен орел со свастикой и номер. У них была форма светло-зеленая. Потом наши женщины из такого сукна, кому оно перепало, делали модные пальто. Цвет очень красивый, бирюзоватый...

Пархоменко они арестовали и увезли с собой. Его не было неделю. Он вообще-то, насколько я знаю, был когда-то махновцем, бежал с Украины на Дон. Возраст у него под 60, в армию его уже взять не могли. Жил он тихо. А вот при немцах стал шуметь, вредить, как только мог. А потом, когда они отступали, чувствуя, что здесь нагадил, вместе со всей своей семьей ушел с ними.

В. ГАЛУСТЯН. Как-то соседка вернулась домой с рынка и крикнула маме, которая была в глубине двора: «Ты знаешь, какую я новость узнала? Наши-то с американцами договор заключили и скоро те начнут воевать с немцами. Вот теперь их попрут!» Разговор на этом и закончился. Через несколько дней маму вызвали в гестапо. А соседка, тетя Поля, женщина себе на уме, простая деревенская, очень мудрая. Она, когда узнала, что маме пришла повестка из гестапо, сказала: «Это, небось, из-за меня». О том разговоре они и не вспомнили. «Но ты на всякий случай имей в виду, если что-нибудь будут спрашивать про меня, ты им скажи: мы с тобой не дружим, потому что у меня муж плотник, а у тебя — инженер. А ведь мы-то жили-дружили и не думали, у кого какая профессия. Ну, а для немцев это была вроде бы уже и причина. Так и случилось в действительности. Когда она пришла в гестапо, ее спросили: «Где ваш муж?» «Как у всех — на фронте». «А вот у вас был такой разговор во дворе с соседкой, когда вы стояли около крана?» Мама: «А чего бы я это там стояла, когда у нас в кране воды давно нет. Да и как я могла с ней разговаривать, когда у нас с ней нет ничего общего». И ее отпустили.

После этого вызывали на допрос всех остальных соседей и спрашивали: был и между ними такой разговор или нет. Мы, конечно, ужасно нервничали, потому что маме предстоял второй допрос. Она туда должна была идти 5 февраля. А со 2-го февраля немцы начали уже из города эвакуироваться. И вот 5-го числа пришел наш полицейский и стал стучать в дверь прикладом. Мы очень испугались. Я даже уже попрощалась с мамой. Дверь открыли, боялись, что он ее выбьет. А он спросил: «Тут желающие с немцами уезжать есть?» Мы так обрадовались, что он пришел по этому поводу, а не за тем, чтобы вести маму в гестапо, что сказали: «Да-да, конечно. Мы бы хотели, но не можем». И какую-то причину придумали. А напряжение в это время у нас было колоссальное. Полицай опрашивал всех во дворе, не хочет ли кто эвакуироваться вместе с немцами. Он настойчиво стучал во все двери. Не знаю, на всех ли улицах так они ходили, на нашей было так.

Л. ГРИГОРЬЯН. Перед взятием Ростова в феврале наши обстреливали город из орудий, из Батайска. На Буденновском напротив гостиницы «Ростов» была комендатура. Ее разбила наша артиллерия. Но в основном же шмаляли без прицела. А вот налетов нашей авиации я не помню.

В. АНДРЮЩЕНКО. Зимой, уже перед самым отступлением, один румын зашел к нам погреться. Сел у печки и про все забыл. Винтовку свою в стороне оставил. Можно было его той винтовкой по голове и долбануть. Но я еще совсем мал был.

В. ГАЛУСТЯН. Кто же донес на маму в гестапо? Мы подозревали одного человека, нашего соседа. Он сам отправил своего сына в Германию. Но у него не сразу это получилось. Как только объявляли, что эшелон сегодня уходит, наши самолеты налетали и начинали сильно бомбить и разбивали пути, чтобы помешать отправке состава. Немцы только соберут людей — бомбежка, и они возвращались по домам. Только соберут, и опять ничего не получается. Так сын нашего соседа возвращался три раза. И последний раз при мне мать этого молодого человека сказала: «Ну, с Богом, не возвращайся больше!». Они говорили, что дали ему письмо к какому-то знакомому немцу в Германии. И думали пристроить там своего дитяню. Но он оттуда не вернулся, так там и погиб.

Но доказательств, что именно этот человек донес, у нас, конечно, не было. А почему мы думали именно о нем? Потому что не раз, когда заходил во двор немецкий офицер, он приглашал его к себе — он говорил по-немецки. Хотя немцы с ним тоже не церемонились. Был даже один такой эпизод. Зашел к нему как-то один офицер. Посидел, поиграл на пианино, поговорил. Потом залез в сундук, забрал, что ему понравилось, взял под козырек, пожал руку хозяину и ушел. Культурно обобрал, так сказать.

В. ЛЕМЕШЕВ. Перед самым приходом немцев мама собрала шмотки, а я под руководством батьки смастерил тачку. Она получилась неудачной — очень тяжелые колеса. Я их притащил с Темерника. Там стояли две наши здоровенные дальнобойные пушки на гусеничной тяге. И к ним на вагонетках подвозили снаряды. Я эти колеса с вагонеток и взял. Они были надежные. А пушки так и стояли чуть ли не до конца войны. На тех колесах сверху была резина мягонькая, я их посадил на трубы. Но уйти из города нам не удалось.

Мама, Евдокия Тимофеевна, ходила с подругой на менку. Уходили и на неделю и на две. А тут нет ее и нет. Проходит уже месяц. Мы жили втроем: отец, я и сестренка 1937 года рождения.

Н. КОРОЛЕВА. У нас на квартире жил немец, молодой летчик. Когда я уходила, сын, Сережа, оставался с бабушкой. И вот он, видимо, однажды немцу что-то сказал неприятное, тот и взял его за ухо. Бабушка же за скалку и на немца. А потом говорила: «Что он со мной сделает? Убьет? Так мне все равно, скоро умирать, мне 78 лет.

В. ЛЕМЕШЕВ. Самое страшное для меня было, когда забрали отца. Приехал «черный ворон», как мы его называли. Он был у немцев такой же, как и у наших. Отец был инвалид, без руки, без ноги — попал под ток высокого напряжения. И вот ночью стук в дверь: «Открывайте! Полиция!». Отец отвечает: «Я без протеза, сейчас надену». А мне шепчет: «Полезай в окно. Там стоит акация» Я туда, во двор — и отбежал по Энгельса в сторону. Смотрю, стоит «черный ворон» и человек шесть полиции. Забрали отца, еще Ивана Прокопенко, Курбалова... и увезли. Прошло после этого некоторое время. Пришел я к уполномоченной, она сказала: «Был список, дворовые выдавали».

А. РАДЧЕНКО. Я немцев очень боялась. Особенно после одного случая. В соседнем квартале жила одна девочка. Просто красавица! На затылке узлом золотая коса уложена. Стройенькая. Было в ней что-то по-особенному привлекательное. До прихода немцев ходила в легком сарафанчике из тонкой материи. Ткань плотно фигурку облежала. Идет, а груди в такт шагам подрагивают. Крупные, упругие. Чего она из Ростова не уехала? Говорили: не хотела бабушку больную бросать.

Шла она раз по улице. Еще, запомнилось, узелок какой-то в руке несла, а на голове платок намотан, прямо по самые глаза, чтобы внимания меньше к себе привлекать. Да еще и прихрамывала нарочно. Навстречу шли немцы. Человек пять-шесть. Гогочут. Пьяные, наверное. Один на нее пальцем и показал. Окружили они ее, затащили в наш двор. Она

кричать, да кто поможет? Немцы ее раздели. Двое за руки держали, двое за ноги — на весу... Сначала она пыталась барахтаться, а потом затихла. Они так и оставили ее во дворе. Оделась она, села. И долго-долго плакала. Я подошла, она даже голову не подняла. Ее потом в Германию на работы угнали.

Л. ШАБАЛИНА. Люди во дворе жили по-разному. Мы слышали, что в больших домах, где было много интеллигенции, евреев выдавали. Наши же дворовые не выдавали никого. Недалеко жил еврей Канторович. И как его раньше ни шпыняли, но в оккупацию никто не трогал. Он еще на рынке побирался. Недавно я его встретила на трамвайной остановке, совсем старичок, сердце так и кольнуло... Жили во дворе еще две еврейки, сестры-калечки, у них не было пальцев на руках и ногах. Неужели у кого-то из наших поднялась бы рука выдать их? В нашем доме жили еще Орешкины. Немцы отца расстреляли, он был партийным работником. А его дочка таскалась с немцами.

В. ЛЕМЕШЕВ. Когда отца арестовали, мы три раза с теткой ходили в тюрьму, носили передачи. Что могли собирали на базаре — простоквашу, кусочек булочки — и туда. Приносим. Говорят — передали. Спрашиваем: «А записку можно передать?». — «Да, короткую». Мы и подумали: давай проверим, живой он или нет, может, нас дурят. Написали записку, чтобы он передал нам ключ, от общей кладовки, он у него с собой был. Обратного пришлось несколько слов «У меня все в порядке». Эта записочка торчала в дырке ключа. А потом как-то приходим, передачу у нас взяли, но сказали: он выбыл. Это было 22 сентября 1942 года. И больше ни слуху, ни духу. Потом, к счастью, пришла с менки мама. Как же мы были рады! Ее не было месяц и двадцать дней. Она застряла на Кубани.

Л. ШАБАЛИНА. В Нахичевани на углу Мурлычевской и 40-й линии партизаны убили немецкого солдата. Оккупанты согнали всех подряд и стали стрелять. А мой дядька как раз в это время там был. Прыгнул в окоп. А там много трупов лежало, и он хотел спрятаться между ними. Немцы увидели это. Стрелять не стали, бросили в окоп газовую гранату, и дядька задохнулся, мать потом еле-еле пробилась сквозь патрули, чтобы его похоронить.

Была у меня с немцами еще одна встреча. Воды в городе не было, и мы ходили за ней на Дон. Таскали на коромыслах. Напротив нас был пищеторг, там находились наши пленные. И вот иногда дашь пленному кусок макухи — он тебя во двор и пропустит. А там была у немцев водопроводная колонка. Один раз с соседкой тетей Соней Казарьян пошла туда за водой. Только стали ее набирать, откуда ни возьмись немец с пистолетом. И на нас. Я закричала от испуга, что было сил. Он прострелил нам ведра, а нам казалось, что он целил в нас. Вода из дырок в разные стороны. А тетку Соню он плеткой огрел. Так она неделю со двора не выходила. И я тоже боялась. Потом долго на базаре водой торговала, чтобы ведро купить, — без него жить нельзя было.

В. ГАЛУСТЯН. Я все время искала контакта с партизанами. И только позже узнала, что на Магнитогорском была явка подпольно-диверсионной группы «Клятва», которой руководил ростовский писатель Георгий Махоркин. Позже одну историю он мне сам рассказывал. Шел он по улице и увидел — за ним увязался сыщик. А уже вечерело. Встал он у собора за стеной, спрятался. А тот мимо. Он его по голове — и убил.

В. ЛЕМЕШЕВ. Список для гестапо, в который был включен и мой отец, якобы, как говорили взрослые, составили трое жильцов нашего дома. Составляли втроем для гарантии. Один из них, Василянский, инженер «Азовчерноморэнерго». Была еще одна сука — Рева ее звали — от слова революция, паскуда такая. И еще портной, фамилию я его забыл. Он все немцев у себя приваживал, у него была смазливая дочь — устраивали оргии.

Аресты были везде и предательство всюду. Тюрьма была переполнена. Везде на

Богатыновском были захоронения, всюду было много трупов. Из тюрьмы выезжали душегубки. Мы о них уже знали. Трое из шестерых с нашего двора вернулись из тюрьмы: Курбалов, Богун и Силаев. Они пришли с низко опущенными головами. А Мокренко, дядя Ваня Прокопенко и мой отец — не вернулись.

А. КАРАПЕТЯН. После крупных расстрелов немцы на улицах уже никого не убивали. Старосты составили списки по своим кварталам: кто у них живет из руководителей предприятий, коммунистов. Немцы их пока не трогали. Вот в одном таком списке, как узнали позже, была и моя мать, кандидат в члены партии, активистка. Людей выдавали со стороны работы, соседи, система эта по-немецки работала четко. А за несколько дней до ухода из города немцы собрали всех этих людей по спискам. Черную работу делали полицаи. Всех арестованных свезли в тюрьму на Богатыновку. Там было расстреляно около 1500 человек. Мы бегали туда смотреть. Стоял морозец, и кровь буквально парила. Все камеры были забиты трупами. Идешь, а кровь в коридорах чвакает.

Человек ко всему привыкает: к трупам, к крови. И жалости люди не проявляли. На базаре одному мужику прострелили живот. Два дня он крутился между лавками, кричал: «Помогите, спасите!». Ну, хоть бы кто-нибудь к нему подошел. Ползал, ползал пока не умер там.

Война вообще губительно действует на психику многих людей. А жизнь в оккупации калечит человека.

Мама моя уцелела, можно сказать, случайно. Немцы спешили и не всех по своим спискам успели собрать. Потом мы узнали, кто ее выдал: заврайоно, где мама состояла на учете. Она выдавала всех коммунистов и кандидатов в члены ВКП(б).

Маму потом приглашали для опознания людей из своего района. Но ее потом посадили. Сказали ты коммунистка, должна была заниматься подрывной работой в тылу немцев.

М. ВДОВИН. Когда наши прорвали фронт под Сталинградом и окружили немцев, то немцы убрали оттуда румын, ведь они не смогли сдержать наступление Красной Армии. И вот эти румыны потянулись через Ростов где-то в декабре. Это было подобно нашествию саранчи. Они по несколько человек врывались в дома и сметали все подряд, тащили все подчистую. Но потом наши люди сориентировались. Смотрят, что румыны пошли грабить, звали немцев. «Пан, пошли, там румын». Немцы их били нещадно. Немцы были злы на них за Сталинград. И в нашем квартале немцы колотили румын.

В. ТУРБИН. Немцы после краха под Сталинградом резко изменили свое поведение. Одни, наоборот, стали еще больше зверствовать, как бы мстя за своих, некоторые почувствовали, видимо, что настанет время и за все придется отвечать.

В. ЛЕМЕШЕВ. К началу 1943 года мы уже чувствовали, что нас скоро освободят. Наступило ожидание. А до этого было ощущение полной раздавленности. Мы, дети, все переносили легче, я представляю, каково было взрослым. Я никогда не боялся, что меня убьют. Однажды бомба упала рядом с нашим убежищем, завалило его, прибило кого-то, а я не верил, что погибну. Это ведь проблема возраста.

И вот зимой 43-го страсти начали накаляться. Участились бомбежки. Наши уже, наверное, готовились к штурму города, а мы все прислушивались: что дальше будет. Радио, конечно, никто не слушал. За радио — расстрел. Вся информация циркулировала в системе ОБС — одна баба сказала. Это что-то вроде цыганской почты. Тогда это была вещь надежная. Новости узнавали в очередях. Хлеба, который давали по карточкам, — 250 граммов, не хватало. В городе уже начинался голод.

А. КАРАПЕТЯН. Бои за Ростов были очень сильными, наши обстреливали, бомбили

город. Над районом, где мы жили, например, летали «кукурузники». Летали они ночью, очень низко. Рядом с нами была комендатура. Но все ее сотрудники уже ушли. Немцы спалили документы, которые не могли увезти с собой. А наши самолеты продолжали летать и бомбить ее — все-таки знали, что здесь находится!

В наш дом попала бомба, но мы уцелели. На 1-й Советской разбила двухэтажный дом. Люди сидели в подвале. Дом загорелся, вторая бомба попала. Стены рухнули и все там заживо сгорели.

На 15-й линии у меня временно жила сестра. Там родственники ушли из квартиры и попросили дом присмотреть, а там была страшная бомбежка. Я утром пошел туда узнать, не случилось ли что с сестрой. Бегу смотрю — валяется кусок ноги. Подмышку его и дальше. Не привыкать трупы и их части собирать. Думаю, отнесу, может кого из родственников найду. А рядом дом разбит, все плачут. Спрашиваю: «Может это нога кого-то из ваших?» Они мне по шее надавали: «Ты что, мол, кощунствуешь». А я же хотел помочь, тащил ее метров сто.

К февралю 43-го в городе стало особенно голодно. За два-три дня до прихода наших в городе порядка не было. Некоторые немцы уже уматывали, а другие, пока начальство было занято своими делами, спешили повыгоднее заняться коммерцией. У них всегда было так: война — войной, а бизнес — бизнесом. И вот те немцы, которые сожительствоваали с нашими женщинами, через них продавали какие-то вещи, продукты. Соседи узнали, что на макаронной фабрике есть мука, и немцы ее уже растаскивают.

Наши же женщины искали для немцев тех людей, у кого оставались ценные вещи: золото, в первую очередь, чтобы выменять на него муку. Немцы сами торговлей не занимались, а находили торгашей. Стоит где-нибудь в квартире мешок белой муки и у кого что есть, несут туда, кто колечко золотое, кто сережки...

И вот наши соседи, узнав, где немцы берут муку, пошли туда, пошел с ними и я. Вижу из-за угла к окну фабрики задом подъезжает огромная немецкая машина. В ней человек шесть-восемь — грузчиков. Стоит офицер, с ним по бокам два автоматчика. Один смотрит на Первомайскую улицу, другой — на Советскую.

А голод у нас уже притупил чувство страха. Большая группа людей, человек, может, 50, подвигается с одного угла к машине, другая — с противоположного угла. Грузчики таскают мешки в машину, а люди подвигаются все ближе. Немец вскидывает автомат и очередь под ноги, только комья земли со снегом летят. Люди отступают и прячутся за угол. Через некоторое время начинают снова подвигаться к машине.

Я стоял со стороны Майской. И вижу — мешок с мукой грузчики свалили с машины на противоположную от охраны сторону. То ли он упал у них, то ли хотели сами его замыкать. Один старик из толпы и говорит: «Я был на германской фронте еще в первую империалистическую, не боюсь, пойду». И вот дед добрался до этого мешка, за машиной так хорошо не видно, а автоматчик в это время следил за толпой. Дед стал мешок передвигать углами, поднять-то его, конечно, он не может. И уже половину протащил, когда автоматчик обернулся и увидел его. Немец — раз-два по мешку. А старик спрятался за мешок, одна только нога не помещается. Немец ему ногу и прострелил. Дед двигаться дальше не может. А мука, нам кажется, совсем уже рядом. Вызывается женщина — я, мол, дотащу. Подползла, и потащила за собой мешок, доволокла до угла. Он уже легче стал — из него часть муки высыпалась. Все набросились на этот мешок, рассыпали муку по снегу. В этой толкотне, все перемешалось — никому и горстки не попало.

А немцы загрузили машину, уехали. Народ бросился к окну. А потом на «макаронку», чтобы что-нибудь добыть. А немцы мину подложили — она ка-а-ак рванет!

М. ВДОВИН. А когда немцы начали уже отступать, с середины января 1943 года со стороны Волги вновь начались бомбежки нашей авиацией по той же самой схеме: одиночными самолетами всю ночь. И вот в ночь то ли на тридцатое, то ли тридцать первое января мой товарищ по школе Олег Мясорубов, а он жил на углу Пушкинской и Долмановского переулка, пережил налет. Бомбы упали в этот район. Их дом был разрушен до основания. Все жильцы сидели в подвале, он был очень крепкий — все остались живы. И когда они выбрались из подвала и начали разбирать свой скарб, один из жителей вытащил кусок стабилизатора от бомбы и говорит: это же Васькина бомба! Он работал на «Ростсельмаше», а Васька был его напарником или сменщиком. И он узнал его клеймо на стабилизаторе. Бомбы, которые были изготовлены на эвакуированном «Ростсельмаше», сыпались теперь на Ростов. Эти бомбежки продолжались вплоть до освобождения города. Сперва налеты делала дальняя авиация, а когда наши подошли поближе, стали висеть над городом «кукурузники». Это, пожалуй, страшнее. Он летит почти беззвучно — и только взрывы. В частности, от «кукурузников» пострадал наш квартал. Это было 11 или 12 февраля, незадолго до освобождения города. Летчик сыпанул на 6-ю улицу в районе Долмановского, Братского, Филимоновской. Погибло два немца. Они все ходили и повторяли «Цвай камрад, цвай камрад». Но наших погибло больше.

Ш. ЧАГАЕВ. К моей бабушке, ее звали Елизавета Васильевна, зашел один фриц. Это было 4-го или 5-го февраля, перед отступлением немцев. Такой шумный, мы таких еще не видели. Шизофреник — не шизофреник, как хочешь, так его и называй. Хам был страшный. Повесил винтовку над кроватью и завалился. А мне он показал ящичек небольшой в виде шахматной доски. Там у него лежали разные свистульки. Да до того красивые! Он берет одну: тью-тью-тью, получается, как соловей. Другая звучит, как утка, третья кричит каким-то зверем. Я долго не мог понять: для чего у этого парня такой набор. А винтовка-то у него была, как мы тогда называли, с «подзорной трубой», это, оказывается, оптический прицел. Это был снайпер. И где-то в лесу для маскировки он использовал песни разных птиц и крики зверей.

Когда он уходил, подошел к бабушке. А она у меня была верующая. Даже в Палестину ходила. У нее на руке была татуировка, она делалась паломникам, кто побывал в Иерусалиме. Спрашивает: «Вас ист дас? Что это такое?» И показывает решетку пальцами, ты что, мол, в тюрьме сидела? Бабушка отвечает: «Наин. Нет». Он не поверил, посмотрел на нее презрительно, сильно оттолкнул рукой и вышел.

М. ВДОВИН. В конце января 43-го года ночью наш бомбардировщик сбросил бомбы на Театральную площадь. Пострадало здание управления железной дороги. Горел театр имени Горького. Пожар был очень сильный. Позже я узнал такую историю. На одного из немецких солдат горящий театр оказал очень сильное впечатление. Этот солдат попал в плен, после окончания войны вернулся в Германию, стал художником. И написал картину «Пожар театра». В 70-е годы он приезжал в Ростов и привез ее в наш город. Подарил Театральному обществу. Она хранится в краеведческом музее.

В. ГАЛУСТЯН. В нашем доме на постое расположились румынские солдаты. Был среди них один, его звали Ион. Когда он уходил на войну, невеста подарила ему оловянный крестик. От нас они ушли на фронт. Когда оккупанты отступали, то эти румыны зашли к нам. Они отступали с Волги. Один взахлеб рассказывал о своих впечатлениях о Сталинграде. «Там хозяйка — партизан, старик — партизан, домнишара (девушка) — партизан, дети — тоже партизаны. И мы оттуда ушли. Там опасно». А я еще смеялась, бравировала: «А кошки там, случайно, не партизаны?»

Иону оторвало руку. Он до войны работал официантом и все просил его пристрелить, так как уже не смог бы работать.

В. АНДРЮЩЕНКО. Когда немцы уходили в феврале 43-го года, они подрывали рельсы железной дороги, которая проходила недалеко от того места, где мы жили в Рабочем городке. Но, видимо, нужно было много тола, и они придумали такую штуку. Идет паровоз и тянет за собой что-то вроде огромного плуга. И ломает шпалы. На какое-то время железнодорожное полотно они вывели из строя.

Л. ГРИГОРЬЯН. В нашей семье работал только дед, он был слесарем, мастерил что-то по дому, а тетка моя, младшая из сестер отца, до войны была студенткой. И пошла работать на вокзал уборщицей. Там выяснили, что она знает немецкий язык, и она стала переводчицей. Она потом отступила с немцами. Не потому, что их любила, а потому что слово «переводчик» в то время обозначало для нее неизбежные репрессии. Хотя она работала не в гестапо, а всего-навсего на вокзале: объявляла отправление поездов. Ее бы, безусловно, посадили. Она вынуждена была бежать. Почти всех сажали, кто работал при немцах, где бы то ни было. А как, на что можно было жить, не работая? Ведь те, кто работал, кормили свою семью. Ей давали небольшой паек, немного денег и этого хватало, чтобы протянуть как-то.

В. ГАЛУСТЯН. Когда немцы отступали, целую ночь стоял странный звук, как бульканье какое-то слышалось. Соседи соседям передавали, ползли слухи: предположительно это рвались в стороне Западного снаряды: кто-то вроде поджог склад.

Л. ГРИГОРЬЯН. После расстрела в тюрьме по городу стоял ужасный трупный запах. Взломали ворота, и весь город ходил туда искать своих родственников, ведь в каждой семье кто-то пропал. Надевали марлевые повязки и искали своих. Там, говорят, нашли и Полиена Яковлева.

Мальчишкой все воспринимаешь особенно обостренно. Это потом мы стали понимать, что немецкая нация была растлена. Покаяние к немцам пришло потом. Но мой друг, писатель Виталий Семин, который тоже был в оккупации мальчишкой и был угнан из Ростова в Германию, долго носил в себе именно детские воспоминания о немцах. И ругал их ужасно, считая, что все они виноваты. А потом я понял: ему нужно было сохранить в себе первоначальные впечатления, иначе он не написал бы свой великолепный роман «Нагрудный знак 08Т» о своих злоключениях в Германии и повесть «Ласточка-звездочка», в которой описал жизнь мальчишки в оккупированном Ростове.

А. ПАНТЕЛЕЕВ. Вышел я как-то вечером на санках покататься. А санки у меня отличные были, дедовские. Вся улица мне завидовала. Рядом с нашим домом был штаб. Подходит офицер и давай на мои санки чемоданы грузить. Потом показывает: «Вези!» Впрягся я. А в гору тяжело тянуть. Правда, немец мне иногда помогал, снизу подталкивал. Привез я его чемоданы на вокзал. Он мне дает блок сигарет и блок шоколада. Я обнаглел: «Пан, мало». Немец мне пинка под одно место. Я за санки — и домой. Прихожу, а мать мне еще добавила. За меня испугалась, где я так поздно шатаюсь. А потом кинулась обнимать — живой!

Через несколько дней началось. Мы, пацаны, на крышу залезли — интересно. Наши шли со стороны Батайска. Огонь был страшным и оттуда, и отсюда.

В. ГАЛУСТЯН. Наш сосед, которого мы считали доносчиком на маму, прибежал во двор бледный. Он был уже в возрасте, у него было три сына. Одного он сам отправил в Германию. Так вот, он прибежал очень напуганный и три дня не выходил из дома. Мы были удивлены, мне не хочется сейчас называть его фамилию, потому что я не уверена, что именно он донес в гестапо, а только предполагаю это. А когда он вышел из своей квартиры, мы стали

спрашивать у него: «Что с вами? Почему вы не выходили? Ведь наши в город вернулись». Он сказал: «Немцы перед уходом вывели на расстрел большую группу жителей. Отсчитали сто человек. Я оказался сто первым».

Я только слышала об этом расстреле, он был у нас и Нахичевани, по-моему, на 40-й линии. Может быть, он просто хотел прикрыться этим расстрелом?

Ш. ЧАГАЕВ. Рассказ продолжает обер-лейтенант Курт Майзель: «Вскоре школа разведки была расформирована, а офицеров распределили по батальонам и полкам ростовского гарнизона. Я был назначен командиром взвода охраны при железнодорожном вокзале. По мере осложнения на фронтах участились диверсии партизан на железной дороге. Только по линии Ростов — Батайск и Ростов — Таганрог было пущено под откос десять эшелонов с боевой техникой и живой силой. В декабре 42-го года, в канун Рождества партизаны подожгли пять складов с продовольствием и обмундированием. Из моего взвода убили и ранили десять человек. Гестапо и жандармерия не оказывали мне никакой помощи, и я оказался в затруднительном положении.

В ноябре была окружена под Сталинградом армия Паулюса. В январе началось отступление с Кавказа. Стала отступать и неудачно дислоцированная 4-я танковая группа Гота. В Ростове появились отступающие казачьи подразделения атамана Краснова и горские ополчения Азды Болдырева. Меня вызвали в штаб ростовского гарнизона и приказали возглавить сводный батальон из прибывших ополченцев. У меня был хороший переводчик из местных немцев, Отто Шульц. Распределив обязанности между командирами взводов и усилив охрану привокзальных улиц, я расставил русских ополченцев по квартирам, где они могли следить за подозрительными передвижениями в районах возможного совершения диверсий. Таким образом, мне удалось предотвратить восемь попыток нападения партизан.

В. СЕМИНА-КОНОНЫХИНА. Отец у меня был железнодорожником. Отступая, он попал в окружение под Армавиром. Обозники, которые жили у нас, ушли. Потом недолго, недели две, стояли у нас румыны. Они забрали у нас все, что можно было: посуду, ткани, даже ножницы портновские взяли.

И вот вскоре вернулся отец. И мы стали его прятать. Когда немцы стали отступать, их лавина: мотоциклы, машины, лошади снова покатились мимо нашего дома. Останавливается как-то большой автомобиль. Выходят немцы, наверное, генералы. Все в черной коже, все блестит... И заходят в дом. У них была особая манера, они нас словно и не замечали. Разговаривают сдержанно между собой. Что им было надо — не знаю. А нас всех колотит. В соседней комнате прятался отец. А вдруг зайдут. Увидят и убьют на месте.

Д. ПИВОВАРОВА. Нас спасал Нахичеванский рынок. Как-то один раз мама принесла пирожок — на что-то выменяла, а в нем попался в фарше детский ноготок.

Мама ходила к подруге в Пчеловодную — это за 20 километров. Зимой. Ради горстки муки. Один раз по дороге обратно, это было уже в феврале наткнулась на наших убитых солдат, они были раздеты до нижнего белья Их собирали и складывали в сани, то наши уже подступали к Ростову.

А. ПАНТЕЛЕЕВ. Когда уже наши вошли в Ростов, видел я как падал на город горящий немецкий самолет. Он тянул в самый центр. Врезался в то самое место, где сейчас каменные буденновцы стоят. А мы жили совсем рядом.

Прибежали — еще пыль от взрыва не осела. Яма огромная и железки кругом валяются — все, что от него осталось. Меня до войны здесь как раз фотографировали. Теперь, когда по площади прохожу, — все это перед глазами так и стоит.

В. ВАРИВОДА. Когда в начале февраля в городе начали стрелять, мы вообще из дома

не выходили. А 14-го вроде бы поутихло. Мы с соседкой за саночки и к реке — за водой. Глядь, на берегу два красноармейца сидят. Мы им: «Ребята, вы откуда здесь? А они смеются: «Мы вас освободили, а вы даже не знаете об этом!»

Б. САФОНОВ. В феврале на нашей улице перед уходом немцев из города стояла целая колонна автомашин. Это их дизеля с огромными прицепами-фургонами. А утром встали — никого нет, тихо. Смотрим из-за угла выглядывает наш солдат с автоматом. В город вошли войска в ушанках, в полушубках, наверное, сибирские части. А многие тогда прятались по бомбоубежищам, щелям. Только увидели наших — ура! Ура! Шум, восторженные крики! Отвыкли, соскучились!

А. ЛЕНКОВА. Я вступила в Ростов с нашими частями сразу после его освобождения. Часть, в которой я служила, была полевой, автобронетанковой мастерской — это завод на колесах, вплоть до электростанции. Двигались за фронтом, подбирая подбитую технику, и возвращали ее к жизни.

В Ростове нас сразу провели на территорию автосборочного завода. Теперь на этом месте вертолетный. Выгрузили, и мы тут же развернули в уцелевших цехах свое хозяйство. Кстати, в этих местах были до нас «немецкие ремонтные части. Удирая из Ростова, фашисты даже не успели прихватить инструменты, и они нам здоровогодились, когда мы собирали трофейные моторы от всяких Оппелей и Деймлер-Бенцев.

8 марта 1943 года собрал нас, девчонок, замполит, поздравил с праздником, похвалил, что здорово работаем и сказал такую вещь: «Не все советские девушки такие, как вы. Есть, к сожалению, и другие. В газете «Голос Ростова» было объявление о том, что публичному дому для немецких солдат требуются сто красивых девушек. Так вот в первый же день было подано 300 заявлений...»

О том, как жили люди в только что освобожденном городе, мы могли судить хотя бы по тому, как нас кормили. Базы нашего снабжения отстали, и мы месяца полтора, если не больше (фронт остановился на целых полгода) ели одну рыбу. Больше наши хозяйственники ничего в городе достать не могли, не было хлеба. А еще страшнее — соли. Наши токари, фрезеровщики ухитрялись иногда выкроить минутку, чтобы выточить алюминиевую расческу и каким-то образом обменять ее у гражданских лиц, работавших на этой территории. Махорку доставать удавалось, а соль — нет. Мне лет десять после войны снились эти огромные белые рыбы куски в мутной воде — единственная в то время пища.

Нашу часть немцы бомбили два раза в сутки — в два часа дня и в два часа ночи. Чтобы не терять технику и людей, нас летом отвели под Мечетку.

Знать бы мне тогда, что суждено дожить до победы, отпросилась бы у командира на целый день. И пришла бы на Ульяновскую улицу, где я жила до войны и о которой позже я написала книгу.

Е. МЕДВЕДЕВА. Мы жили в большом доме на Садовой, что рядом с университетом. У нас была отличная трехкомнатная квартира. Муж, Матвей Данилович, работал директором Ростовского Стройбанка. Дружил с Орджоникидзе, Ворошиловым. Мне сам Серго ручки целовал. Должность мужа соответствовала генеральскому чину. Его взяли в 37-м. Орджоникидзе тогда уже не было в живых, и я написала Ворошилову, но он не ответил. Перед войной мужа отпустили, и он ушел на фронт рядовым. Был ранен, пришел на костылях, но так как он был репрессирован раньше, несмотря на эту рану, его снова забрали, и он пропал без вести. Дочь после окончания 10-го класса в 41-м пошла санитаркой на фронт, сын, — офицер — тоже был в армии. Так я осталась одна...

В мою квартиру № 21 на четвертом этаже поселили солдат. Они меня не трогали, но и

ни разу не дали что-нибудь поесть. У нас была огромная двухметровая ванна. Так вот они ее использовали как туалет. Было очень холодно и дерьмо замерзло. И они меня заставляли ее чистить, Но не это было самое страшное. Человек ко всему привыкает, и это я воспринимала как норму. Для меня смыслом жизни было ожидание своих детей. Я так ждала их стука в дверь! Дождаться свободы и детей! Вот что меня поддерживало. Боялась одного — упасть на улице от голода. Умру на улице, а дети придут и не найдут моих следов. Лучше уж, замерзнуть у себя дома. Обстрелов, бомбежек я не так боялась. И мне повезло. Сын был в составе частей, освобождавших Ростов. И дочь вскоре приехала. Когда они меня увидели, то едва узнали. Мне не было страшно, страшно было им. Сын меня тогда сфотографировал. Одна кожа да кости — возраст нельзя было определить. Как в Освенциме. Да Ростов при немцах и напоминал огромный концлагерь. Тот, кто не сотрудничал с немцами, жил ужасно. Вся Садовая была разрушена. Универмаг уцелевший да наш дом — как два зуба на пустой челюсти.

Мы, конечно, слышали о расстрелах, но не знали всей картины. А когда нам рассказывали о них после освобождения города, мы были поражены. Но острой ненависти к немцам все равно не было. И на пленных, которых мы видели, это никак не отражалось. Они были для нас несчастными людьми и никак не ассоциировались с теми, кто разрушил город и истязал его жителей, они были для нас как бы другими людьми. Конвоиры не запрещали давать им какие-то крохи, которые приносили ростовчане своим вчерашним поработителям.

В. КОТЛЯРОВА. Когда наши вошли, мы свободно, без опаски бегали по улицам. На заборах, столбах много было расклеено портретов Гитлера. Мы выкалывали ему глаза, а потом срывали эту вонючую харю.

В. ТУРБИН. Мы подошли к Ростову со стороны Ольгинской. Погода была ясная, солнечная. Весь Ростов лежал как на ладони, и зрелище было удручающее. Горело здание театра Горького, его «лоб» просматривается черти откуда: все в копоти, в развалинах. И у меня, истинного ростовчанина, аж сердце, как говорится, защемило от такой картины. Практически вся улица Энгельса была разрушена, Буденновский — тоже. Если говорить о злодеяниях немцев, о том, что они разрушили город, уничтожили столько людей, было первое впечатление, что мы никогда не в состоянии будем все восстановить. Завод «Ростсельмаш», замечательный образец нашего строительства, лежал в руинах. Кое-какие цеха полуразрушенные были, где немцы пытались восстанавливать свою боевую технику. Я не могу даже передать: у народа был какой-то подавленный вид. Оккупация хотя была непродолжительной, но отпечаток оставила очень тяжелый. Особенно психологический. Об улыбках, о смехе и говорить не приходилось. Ведь население из продовольствия практически ничего не получало. Все металось в поисках продуктов — это из рассказов моей матери. Когда я пришел в свою квартиру, там ничего уже не осталось, все ушло на менку. Если бы, допустим, где-то еще бы полгода мы не освободили Ростов, население основное погибло бы от голода.

А. КАРАПЕТЯН. Наши вошли в город с боями. Смотрю, по-над стенками пригибаются, бегут вдоль заборов. Немцы кое-где прятались, отстреливались. Наши поражали эту точку — и дальше.

Мы потом бегали, искали живых среди упавших, мороз-то ведь был большой. Собирали трупы убитых солдат и на улицах города, и за Доном. Солдаты лежали замерзшие в разных позах. Они уже были одеты хорошо, в валенках, тулупах. Мы громоздили их на санки перевязывали веревками и таскали в парк имени Фрунзе, складывали штабелями. Там ведь две братские могилы: одна 41-го года, другая — 43-го. Там, наверное, похоронены тысячи

трупов. Хоронили убитых и в Кировском сквере. Помню, лежали две женщины-санитарки. Одной пуля разорвала горло, другой осколок снаряда разворотил всю грудь. Рубашка, гимнастерка, тело — все вывернуто. Собаки облизывали кровь, грызли мясо и страшно выли. Эти картины стоят перед глазами до сих пор.

В. ВИННИКОВА. Утром мы варили кукурузу. Заходят во двор наши солдаты. «Хозяйка, можно взять?» Мать: «Садитесь, ребята, я вам сейчас супу дам». Только руки помыли, стучат в окно: «Собирайтесь!» Они: «Вот так всегда, поесть не успеешь». Кукурузу за пазуху и айда на улицу.

Потом, когда они уже обосновались, я к ним с котелком ходила. Дает мне солдат котелок с кашей: «Валя, возьми». Я плачу. Он: «Отчего же ты плачешь?» — «Мало дали» — «Мало? Ты это сначала съешь!» А каша была с тушенкой, обедение.

Т. ХАЗАГЕРОВ. После ухода немцев, мы вернулись в свой дом. Первое, что увидели: весь наш этаж представлял из себя огромный туалет. Везде валялись фекалии. Вместо бумаги они использовали журналы с изображением красоток и своих политических вождей. Последние две комнаты были накрепко забиты. Я подумал: там, наверное, хранится что-то ценное. С большим трудом попал я туда. И что вижу: огромные кучи дерьма! Они превратили и эти комнаты в отхожее место.

Е. СЕРОВ. Когда немцы ушли, мы вернулись в свою квартиру. В нашей комнате висел портрет Гитлера. Бабушка рассказывала: я посмотрел, плюнул и ушел.

Н. КОРОЛЕВА. Мой муж был на войне с первого дня до последнего. Как ушел, так от него и не было вестей. Сын, Сергей, потом все ходил по городу его искал. Когда наши вошли в Ростов, стали говорить: на Каменке освободили наших пленных, их немцы не успели расстрелять. Я взяла сына за руку, и мы пошли туда — а вдруг его там найдем. Во время войны надежда была одной из самых сильных вещей.

Ш. ЧАГАЕВ. В городе было много немецких лошадей. Они находились в конюшнях на Нижне-Гниловской. Немцы не успели вывезти этих лошадей. И чтобы они не достались Красной Армии, послали бомбардировщики, и те разбомбили конюшни. И вот почти весь Ростов, узнав о побитых лошадях, нахлынул туда. Было настоящее паломничество. Люди шли с топорами и рубили эту конину. Месяца два ели котлеты из конского мяса.

М. ВДОВИН. Было еще два массированных налета немецкой авиации уже после освобождения города советскими войсками, 21 и 22 марта 1943 года. 21 марта налет начался где-то около четырех часов дня и продолжался около трех часов, а 22 марта самолеты прилетели в 11 часов дня и бомбили тоже несколько часов. Но что было для ростовчан удивительно — это мины-сюрпризы. Они принесли много жертв. Самолеты высыпали в этот раз очень много мелких бомб и мины-сюрпризы в виде авторучек, карандашей, карманных фонариков, разных шкатулок, детских игрушек, зажигалок... Достаточно было эту вещицу поднять — раздавался взрыв. Жертв после этих двух бомбежек было очень много. Осталось много калек. Когда начались занятия в школах, в каждом классе было по 3–4 ученика — у того кисть оторвана, у того глаз выбит. После этого были еще одиночные бомбежки, но массированных налетов уже не было.

Как позже мы узнали: в Ростове из 47 тысяч домов было разрушено около 18 тысяч, то есть третья часть.

Л. ВВЕДЕНСКАЯ. Я вернулась в Ростов из эвакуации в марте 43-го года. И пришла в ужас. Когда я впервые перед войной попала сюда, влюбилась в этот прекрасный южный город. А сейчас он выглядел страшно. Весь центр был разрушен. Стояли коробки домов, зияли пустые окна. Люди рассказывали, в каких невыносимых условиях они жили. Но были

и комические случаи. Одна женщина, она была музыкантом, говорила мне: у нее на постое расположились немцы и часто просили сыграть им что-нибудь и спеть. А по-русски они ничего не понимали. И она под веселую мелодию распевала им: «Как я вас всех ненавижу! Чтобы вы все подошли!» Они хлопали, благодарили. И она была рада, что хоть чем-то могла себя поддержать.

Ю. ТУРБИНА. После освобождения Ростова мы с подружкой Зоей Тимофеевой работали в эвакуогоспитале на 6-й линии. Он и ныне госпиталь инвалидов войны. Весь вестибюль был забит ранеными, была очередь. Лежали раненые на соломе, больше там постелить нечего было. перевязочного материала не хватало. Мы после своей смены забирали бинты домой, они были вшивые, мы их отваривали, скатывали. Работали тогда, не покладая рук и не считаясь ни с чем.

Мы досыта на себе испытали вся тяготы оккупации, потому, когда пришла Красная Армия, наша власть, у людей был подъем. Мы работали на восстановлении родного города и восстановили его в кратчайшие сроки. Хотя зарплату мы получали очень мизерную — 450–600 рублей. Первое время никаких магазинов не было. Были карточки: на хлеб, подсолнечное масло, макаронные изделия, крупы, сахар, если его не хватало, давали какие-то кондитерские изделия: пряники, печенье или конфеты. Но все продукты были лимитированы. Естественно, их не хватало, фронт-то ведь был недалеко. Я получала продукты на Кировском, там, где сейчас магазин овощной угловой. Все были прикреплены по районам. Я знала, если мы хлеб получим по карточкам, чтобы выжить, его нужно было обменять. Я продавала хлебный паек, покупала кукурузную или пшеничную муку и варила для того, чтобы еды было побольше. У меня еще был маленький братик, на 10 лет младше меня. Было много рыбы, ее глушили в Дону, но не было соли. Это был страшный дефицит — она стоила 40 рублей стакан на рынке.

Ш. ЧАГАЕВ. На Ростов-горе было много товарных складов, там находился железнодорожный узел, это район улицы Мечникова, Комсомольской площади. Там стояли немецкие составы, полные обуви, амуниции, продуктов. Лишь немцы ушли, их грабили, как только могли, с февраля до апреля. На всех вагонах наши, когда пришли, написали: «Заминировано!» Но народ очень просто решал вопрос: стоит вагон, его надо открыть, брали огромное бревно, бросали на дверь, смотрели, нет ли какой-нибудь проволоочки. Орудовали, пока дверь не взрывалась, или же видели: мин здесь нет. Народ в этих вопросах был уже образованный самой войной. Немцы вообще-то хотели эти вагоны сжечь, да, видно, не успели, запалили пару — и все. Потом войска НКВД починили железнодорожный путь и отвели вагоны в Нахичевань-Донскую. Там их оцепила охрана.

М. ВДОВИН. Отступая из Ростова, немцы предприняли крупномасштабную диверсию: взорвали абсолютно все склады горюче-смазочных веществ, но в то же время не тронули бочки с метанолом. Таких бочек по Ростову было очень много. А как известно, внешне метиловый спирт от этилового ничем не отличается — только своими последствиями. Народ, конечно, стал растаскивать эти бочки и употреблять дармовой спирт. Начались массовые отравления со смертельным исходом, со слепотой. Была арестована целая группа людей, торговавших им. Людей предупреждали, чтобы они не пили его. У меня сохранилось несколько номеров газеты «Молот» того времени, в частности, за 3 марта 1943 года и, по моему, за 10 марта. Номера выходили с крупными заголовками, с крупным шрифтом от облздравотдела, от органов внутренних дел. Говорилось о том, что распространяется метиловый спирт, и он опасен.

В. ТУРБИН. А у нас была до войны трехкомнатная квартира, а жили там мать и сестра. И чтобы не жить с немцами, они спустились этажом ниже и подселились в двухкомнатную,

там оставалась тоже женщина с дочерью. Они мне рассказывали, что немцы были разные. Много было сволочей. Когда немцы только захватили город, отношение было очень паршивое. Но после Сталинграда оно резко поменялось. Было много предательства. Был приказ немецкого командования, чтобы казаки прошли регистрацию. Им было разрешено носить оружие, шашки, свою форму. Они становились на довольствие, начали получать пайки. На Миусе мы уже сталкивались с казачьими частями, которые сформировал в Ростове атаман Краснов.

Те, кто недолюбливал Советскую власть, больше всего и причиняли зла. Ведь немцы не знали, кто коммунист, кто активист, кто какую должность занимал. А предавала активистов наша сволочь. Я никогда не мог даже подумать: напротив нашей квартиры жил некий Панов, сам он инженер, строитель. И только немцы вошли, он тут же побежал регистрироваться, что он казак.

Ш. ЧАГАЕВ. В двадцатых числах февраля, когда наши были уже в городе, немецкий транспортный самолет летел над окраиной города. Наши истребители наскочили на него и расстреляли за какие-то считанные минуты. Он задымился и без всякого пикирования, плашмя упал в районе ботсада, это место сейчас застроено. Он погорел-погорел, потом погас. Все ребята, сколько нас было на улице, собрались ватагой и пошли туда. Сняли пулемет. Пилотов не было, они выпрыгнули. Наверное, их наши взяли, так как им деваться некуда было. Там, в основном, находились продукты: консервы, шоколад... Все это растащили. И еще долгое время жители вырезали куски алюминия, закрывали ими сараи, крыши починяли. У одного старика на крыше был алюминиевый, лист со свастики.

М. ВДОВИН. Наши люди вели себя по-разному. Были, конечно, и полицаи. Но наша квартальная нам помогала. Она нас предупреждала. Например, сказала: прячьте мешки, немцы будут ходить по домам и их собирать. Прячьте теплую одежду, ее будут отбирать для солдат немецких. Когда наши вернулись в Ростов, объявили, что все квартальные, старосты, полицаи, кто работал в администрации оккупационных войск, должны пройти регистрацию. Проверочный пункт находился на улице Красноармейской, 7, там, где расположен авиатехникум. Все, кто не ушел с немцами, пришел туда. Их раз — и до свиданья. Я учился тогда в 68-й школе, она работала на углу Пушкинской и Буденновского, здесь сейчас — архитектурный институт. Ходил в школу мимо этого регистрационного пункта. И видел, как женщины носили арестованным передачи. Некоторых после проверки выпустили, некоторые вернулись через десять лет, а кто вообще не вернулся. А потом этот фильтрационный пункт был в одну ночь ликвидирован. Женщины-родственницы пришли к своим с очередной передачей, а им сказали: «Мы их всех мобилизовали в Красную Армию, они ушли Таганрог освобождают».

Война была жестокой, сколько было разрушений, но беспризорщины и сьпняка не было. Все безнадзорные дети сразу подбирались, определялись в детские дома. На всех станциях были открыты пункты санобработки. Пока ты не побываешь в бане, пока твоё бельё паром не обработают, не выдадут справку — нигде билета не продадут. Это было введено сразу после освобождения Ростова. Когда наши войска вступили в Ростов, первое, что открылось, — пекарни и бани.

А. КАРАПЕТЯН. Только война закончилась, пришли забирать мою сестру. Постучали ночью: тук-тук-тук. Забрали за то, что она при немцах работала посудомойкой в ресторане. Говорят: ты — комсомолка, ты должна была идти к партизанам, совершать диверсии. Просидела она пять лет.

Д. ПИВОВАРОВА. Когда наши освободили город, мы, дети, ходили в военный

госпиталь. Читали стихи, пели песни. Помню как окрашивались добротой глаза раненых — они ведь вспоминали свой родной дом, своих детей. Нам давали за эти выступления по кусочку хлеба.

В Александровской балке в земле кто-то нашел мерзлую картошку и капусту. Мы там копались. По карточкам давали черную мучку, она хрустела на зубах, но нам казалась необыкновенно вкусной, лакомством была и макуха — жмых от подсолнечных семян. Немцы называли ее «сталинским шоколадом».

Мать после освобождения Ростова пошла на железнодорожный вокзал, устраиваться на работу. Ей отказали: «Ты была в оккупации». Куда идти? Чем кормиться? Раз зашла в госпиталь. В одной из комнат шла операция. Заглянула туда. Раненому отрезали ногу. Хирург увидел ее: «Держи жгут». Она натянула его, держит. Оглянулась, хирург режет мясо, дошел до кости. У нее все помутилось в глазах. И выпустила жгут. Кровь — фонтаном. Хирург: «Иди отсюда». А потом все-таки взяли — не хватало санитарок. Кормили тем, что оставалось от еды раненых.

Е. КРАСИЛЬНИКОВА. Позже, после окончания войны, стали в Ростов возвращаться те, кто был угнан в Германию, куда чуть и я не «загремела». Что они там делали, никто не знал. Но общественное мнение было таким: официальные власти всячески унижали этих людей, как будто они сами, по своей воле туда уехали. Их нигде не брали на работу. Находились и такие, кто показывал на них пальцем с осуждением. А в чем виноваты были эти люди? Ведь за укрывательство от работ в Германии грозил расстрел. Сколько они там пострадали, и здесь их за нормальных людей не считали.

В. АНДРЮЩЕНКО. Наши вернулись в Ростов со стороны Западного. Мне отец рассказывал: он стоял под Азовом и решил слетать домой на «кукурузнике». Хоть сверху посмотреть на свой дом. У них при штабе был ПО-2. Набрал он вяленых чебаков. И вот подлетает к нашему дому и хотел было сбросить рыбу сверху, но увидел походную кухню у нас во дворе. А ее возили на лошадях, и там торчали две оглобли от повозки. Он не успел их рассмотреть хорошенько — подумал: пушки стоят. Буду я чебаков бросать, а внизу еще решат, какой-то немец прилетел и бомбы кидает. И начнут, чего доброго, стрелять. Сел рядом на стадионе «Труд» и пришел домой и рыбу принес.

Т. ХАЗАГЕРОВ. Когда немцы в первый раз входили в Ростов в ноябре 41-го, у них было много боевой техники, при втором вступлении у них были уже и лошади. А когда отступали в феврале 43-го, из города уходила в основном только пехота. По впечатлениям — вот такие три стадии оснащенности фашистов!

Ш. ЧАГАЕВ. В начале февраля в Ростове участились налеты нашей авиации со стороны Батайска, со стороны юго-востока — это наступали наши. В это время немцы из разных потрепанных подразделений стали создавать отряды прикрытия. Они в это время отступали через Ростов с юга. Нас уже на улицы не стали пускать. Я обычно ходил со своей тачкой то за угольком, то за дровами — что попадет. Немцы начали готовить оборону в районе железнодорожного вокзала. И скоро мы стали слышать автоматные очереди, как будто шли уличные бои. А это наши захватили вокзал. Мы позже узнали, что это был батальон Мадояна, прорвавшийся в Ростов по льду. Мы один раз попытались спуститься к Темернику, там есть такая фабрика кожгалантерейная, нас обстреляли. Мы сразу убежали. И только когда утихли бои, а утихли они в ночь с 13-го на 14-е, мы целой ватагой ребят с разных улиц пошли на вокзал. Что там творилось! Кругом лежали трупы немцев. Наших было очень мало, в основном — немцы. Ведь наши засели в домах, а наступающим немцам укрываться особенно негде было. Они прятались и двигались между вагонами. Видимо, там прошли еще и наши

кавалеристы, некоторые были порублены. Кто без руки, кто без головы, или вообще перерубленный пополам немец. Среди убитых были и танкисты, и даже летчики. Танкисты были в своих черных комбинезонах и шлемах, видел я одного громадного летчика, он был раздет до пояса, в одном кителе.

Пошли мы шастать по вагонам. Чего там только не было: и продукты, и шоколад, и шнапс, и одежда. Мы все это стали потрошить и грузить на свои тележки.

М. ВДОВИН. Нашего убитого солдата в шинели я увидел еще 9-го или 10-го февраля в конце Гвардейской площади, на углу Красноармейской улицы и улицы Сиверса. Очевидно, это был один из разведчиков из группы Мадояна. В это время его батальон оборонял железнодорожный вокзал. Немцы свободно еще ходили по городу, но уже готовились к эвакуации, взрывали и поджигали предприятия, административные здания.

Вот характерный пример немецкой пунктуальности. В ночь с 13 на 14 февраля раздался ужасной силы взрыв. Буквально во всех домах повывлетали стекла, кое-где, как говорили, и двери. Это немцы взорвали все мосты, путепровод, где «десятка» трамвай ходит, путепровод перед пригородным вокзалом, на Каменке мост, станцию Ростов-гора, там до утра пожар был. И тишина. Утром выходим — наши! Чувство трудно описать. Радость необыкновенная! И удивление — глаза на лоб повывлазили. Едут на санях, а сани тянут... верблюды. Армия из астраханских степей в Ростов вступала на верблюдах. Ну, конечно, встречи, слезы. А уже со второй половины дня через Ростов пошли машины: «зисы», «газики».

Ш. ЧАГАЕВ. Когда Ганс, который жил на нашей улице, уходил, он долго уговаривал свою возлюбленную Клаву уехать с ним, но она отказалась. Жила она одиноко, был у нее небольшой домик. И вот как закончилась ее жизнь. 15 февраля, когда немцев уже выбили, на заводе «Пролетарский молот» нашли древесный спирт, и молодые женщины, кто с горя, кто с радости, напились его. Смотрю: Клава идет и держится за забор — она ослепла. Чем только ее женщины не отпаивали спасти ее не удалось. Ночью она умерла. Она была очень отзывчивая. Всегда всем помогала. Женщины на нашей улице были тоже разные и с немцами погуливали. Но были очень добрыми. Когда наши пришли, пока не стали разбираться, некоторые женщины разъехались, кто на Украину, чтобы их не преследовали; уехала Наталья Душечкина, еще Лида, фамилию я ее забыл...

М. ВДОВИН. 14 февраля наши вошли в Ростов, а уже 15-го состоялся митинг городской. На площади у банка. Сам Никита Хрущев выступал. Газета «Молот» вышла 15 февраля. Газету продавали везде, она стоила 20 копеек.

А. КАРАПЕТЯН. Когда наши вошли в город, видел я такую картину: наш солдат с перевязанной рукой, сидя на лошади, гонял пленного немца. Тот стрелял в нашего и ранил его в руку. Красноармеец поймал его и стал водить по улицам и хлестал немца кнутом. У того уже и уши распухли, и одежда разодранная была. Рыжий такой парень, аж красный совсем. Остановились они около нашего дома, жители говорят: «Убей его лучше, что ты его таскаешь». А тот его снова хлыстом и дальше погнался. Так я и не знаю, убил он его или сдал.

В. ТУРБИН. Мы вошли в станицу Ольгинскую, это было 13 февраля. Сходу нам форсировать Дон не удалось, а на рассвете подтянулась артиллерия: «катюши». И после артиллерийского удара мы по льду перешли Дон. Впереди был Аксай, тут немцы уже особого сопротивления не оказывали. Они отходили, а их мелкие группы, которые оставались, приходилось уничтожать. Мы вышли на поселок 2-й; Орджоникидзе. У меня был хороший приятель, с которым мы учились в школе на Сельмаше, Володя Редникин, я забежал к его родителям, так как находились мы недалеко от его дома. Родители его мне рассказали, что Володю немцы арестовали. Еще в 41-м году был убит их офицер недалеко от улицы, где они

жили. И когда немцы вторично захватили город, они не забыли этого и взяли заложников. Это лишний раз подтверждает: они не считались с тем, кто прав, кто виноват, брали всех подряд. Им важно было убивать людей, а остальных запугивать. И вот Володя был расстрелян вместе с другими заложниками, и родители нашли его в Богатынянской тюрьме.

Я попросил свое командование разрешения забежать домой. А одежда была какая: маскхалат, валенки... А 14 февраля была необыкновенная погода. Перед этим выпал снег и наступила оттепель. Вода ручьями текла. И вот я по воде — в валенках. Их достоинство, между прочим, в том, что вода из них быстро вытекает. Подхожу к своему дому, вижу — стоит мама, Федосья Андреевна, и сестра Надя — они оставались в городе. Отец, а он — не призывного возраста, был мобилизован и находился в районе Мурманска, обслуживал прожектора в войсках ПВО. Он был электриком. Я подхожу буквально вплотную к матери, она на меня смотрит и не узнает. Первой узнала меня сестра: «Веня!» Всех ростовчан поразило, что с нами практически никакой не было техники. Все было довольно примитивно. А почему? Когда мы подошли к Ольгинской, у нас было много танков, но они не могли переправиться по льду и пошли дальше, севернее. Вошла же в Ростов в основном пехота, артиллерия на конной тяге.

Радость людей была неопишная. Но они были одновременно и растеряны, они видели немецкую технику, а тут пришли солдаты с винтовками да автоматами. У них была вначале неуверенность, что это реальная победа, что это не какой-то налет наших частей, а что они вошли навсегда. Даже мама меня об этом спрашивала.

Я тогда собственно даже домой не зашел, время было весьма ограничено. Пошел догонять своих. Мы шли через Чкаловский поселок, через Северный на Большие Салы.

Со своими родными я увиделся еще раз. Под Большими Салами был бой. У меня почему-то начала чернеть рука, температура поднялась, а медсанбат наш отстал, он находился в Ростове на 2-м Орджоникидзе. Мне помощь на месте не могли оказать, пришлось возвращаться сюда. Пришел я ночью. Куда идти? Конечно, домой. Стучу в дверь: «Пустите, — говорю, — солдата переночевать». А мама отвечает. «Извините, приказ коменданта ни в коем случае без разрешения никого не селить». Я: «Так что же мне, на улице ночевать, зима все же». Оказывается, мама не узнала меня по голосу. Я несколько раз повторил свою просьбу, но не называл себя. А потом говорю: «Ну, что, мам, неужели ты и сына непустишь?». Тогда она почувствовала мои интонации в голосе, дверь моментально раскрылась. Так что я где-то с неделю прожил дома, меня прооперировали, подлечили. И я свою часть догонял уже на Миусс.

Окружение под Сталинградом и разгром произвели на немцев ошеломляющее впечатление. Они после этого очень боялись окружения. Поэтому они оставили в Ростове отряды прикрытия, а войска уходили на запад, так как немцы боялись обхода с севера.

Победа под Сталинградом, наоборот, колоссально подняла моральный дух нашей армии. Но я до сего времени не могу как следует осмыслить, что, невзирая на поражения в 41-м году, труднейшие бои, отступление, наше плохое вооружение: винтовка, пара гранат да бутылки с зажигательной смесью — уверенность в окончательной победе никогда не покидала нас. Прошло столько времени, я пытаюсь это все проанализировать: в чем же дело, то ли в нас настолько вселила эту веру та власть, что мы ее не теряли. А после Сталинграда дело дошло до того, что двигаются наши воинские части в ночное время, горят фары! Словно немцев не существует вообще.

Немцы же, наоборот, никак не могли понять после Сталинграда, что же произошло и почему? Ведь они считали себя непобедимыми.

Ш. ЧАГАЕВ. Когда немцев выбили уже из города, мы обходили район вокзала. И вот около моста, ведущего через железнодорожные пути, я увидел: стоит на коленях бабушка-старушка. Одну ногу она прижала к себе и нагнулась. Стоит — не двигается. Я подошел ближе. Смотрю: возле нее рассыпана крупа какая-то... Ее застала шальная пуля, и она, бедная, видимо, смертельно раненая, опустилась на колени и замерзла. И вот эта бабушка осталась в моей памяти на всю жизнь. Такая худенькая... Глаза у нее остекленели. И во взгляде застыл упрек. Мне она потом еще долго снилась. Много я видел убитых, но эта бабушка потрясла меня...

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)